

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

НЕНАСТЬЕ

Литрес

Алексей Иванов

Ненастье

«ИП Алексей Иванов»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванов А. В.

Ненастье / А. В. Иванов — «ИП Алексей Иванов», 2015

ISBN 978-5-17-113114-2

«2008 год. Простой водитель, бывший солдат Афганской войны, в одиночку устраивает дерзкое ограбление спецфургона, который перевозит деньги большого торгового центра. Так в миллионном, но захолустном городе Батуеве завершается долгая история могучего и деятельного союза ветеранов Афганистана – то ли общественной организации, то ли бизнес-альянса, то ли криминальной группировки: в “лихие девяностые”, когда этот союз образовался и набрал силу, сложно было отличить одно от другого. Но роман не про деньги и не про криминал, а про ненастье в душе. Про отчаянные поиски причины, по которой человек должен доверять человеку в мире, где торжествуют только хищники, – но без доверия жить невозможно. Роман о том, что величие и отчаянье имеют одни и те же корни. О том, что каждый из нас рискует ненароком попасть в ненастье и уже не вырваться оттуда никогда, потому что ненастье – это убежище и ловушка, спасение и гибель, великое утешение и вечная боль жизни». Алексей Иванов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113114-2

© Иванов А. В., 2015
© ИП Алексей Иванов, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	37
Глава третья	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексей Иванов

Ненастье

© Алексей Иванов

© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

Глава первая

Всё, что могло сбыться, у него уже сбылось, а чему не бывать – тому и не бывать, аминь; но непрошеное равновесие судьбы оказалось невыносимо, и Герман нарушил его, сдвинув на карабине флажок предохранителя.

Это случилось в пятницу 14 ноября 2008 года. Герман сидел в кабине спецфургона «фольксваген» и наблюдал, как в бронеотсек его машины загружают мешки с деньгами. Тяжёлый бронеотсек размещался над задним мостом, поэтому фургон казался укороченным, будто ему пнули в корму. Он был покрашен в фирменные цвета предприятия: по жёлтому борту шла двойная серая полоса. Суженные, словно прищуренные, боковые окна салона были запаяны тонированными пуленепробиваемыми стёклами.

Фургон находился на первом этаже секции «С» торгового комплекса «Шпальный рынок», на корпоративной автостоянке возле служебного входа в здание. Герман запарковал машину так, как полагалось по инструкции, – «дверь в дверь» с выходом из лифта. При погрузке денег водитель был обязан сидеть за рулём в готовности тотчас дать по газам и сорвать машину с места, если командир опергруппы отдаст соответствующую команду.

Командиром опергруппы, как всегда, был Виктор Басунов. Он следил за погрузкой, опустив карабин «сайга» обрезанным стволом в бетонный пол. Ян Сучилин с «сайгой» дежурил у капота «фольксвагена»; Олег Тотолин (парни называли его Легой) топтался за кормой машины, тоже с карабином в руках; Герман видел их всех на мониторе видеорегистратора. Два охранника в серой униформе с логотипом «ШР» таскали из открытого лифта в фургон мешки с деньгами. Фургон покачивался. В салоне Темур Рамзаев принимал увесистые мешки и складывал в бронеотсек. Обычно увозили три-четыре мешка, иногда – пять-шесть, а сегодня их оказалось пятнадцать, поэтому Басунову дали дополнительного бойца – Темура. «Ну и наплевать», – подумал Герман.

Мешки в лифте закончились. Басунов влез в салон фургона и закрыл толстую дверь бронеотсека; пальцем, торчащим из беспалой перчатки, он натянул на цифровой панели код, запирая бронеотсек; потом выбрался из фургона, распрямился и отстегнул от ремня рацию.

– Груз принял, – сообщил он. – Размещаю группу и начинаю движение, бортовой ноль пять. Снимайте с охраны, открывайте выезд. Отбой.

В салоне за стенкой, за спиной у Германа, завозились Ян, Лега и Темур – рассаживались удобнее: Сучилин и Тотолин на мягких креслах, Рамзаев – на откидном сиденье. Басунов полез в кабину рядом с Германом.

– Поехали, немец, – сказал он, аккуратно устанавливая карабин между коленями прикладом в пол. – Всё как обычно. Банк «Батуев-инвест».

Каждый рабочий день в конце смены определённую часть наработанной налички перевозили из кассового центра торгового комплекса в банковский сейф, откуда потом уже передавали на инкассацию в банк. Транспортировкой налички до сейфа занималась служба безопасности комплекса «Шпальный рынок», которую возглавлял Виктор Басунов. Герман Неволин в число сотрудников этой службы не входил, однако считался лучшим водителем в автопарке Шпального, и потому ему доверяли спецфургон. Кроме того, Неволин был своим – «афганцем»: все знали его с 1991 года.

Фургон неторопливо покатил по бетонным дорожкам, обозначенным полосатыми бордюрами, сквозь ряды массивных пронумерованных колонн, поддерживающих здание, мимо

легковушек работников рынка – к блёклому, замытому дождями свету. Басунов закурил, хотя инструкция запрещала.

Два мегамолла торгового комплекса – секция «А» и секция «С» – вытянулись под углом друг к другу. На длинных жёлто-серых фасадах ярко выделялись огромные аншлаги «Торговый комплекс “Шпальный рынок”». Низкое, плоское и просторное небо казалось таким же мокрым, как асфальт. Большая площадь была вымощена плиткой; посреди площади громоздилось каменное корыто цветника, рядом торчали рамы летних палаточных кафе. На флагштоках, выстроенных в шеренгу, трепетали узкие флаги. На заправке «ЛУКойла» раскорячилась фура. За мегамоллами пространство ограничивала бесконечная насыпь железной дороги со столбами и перекрытиями; её гряда сверху почернела, обтаяв, а понизу белела потёками ночного снега.

Герман вёл спецфургон по новой шестиполосной трассе к переезду через железную дорогу. Энергичная разметка магистрали бодрила движением своих стрел и пунктиров; решетчатые фермы, перекинутые поверх трассы, задавали жёсткий, технологичный ритм. Выруливая на высокий и широкий мост, Герман увидел впереди в мороси центральную часть города Батуева – высотки, шпили и краны. Там, в центре, и вправду казалось, что жизнь наладилась, всё развивается и наступил счастливый двадцать первый век.

Под мостом летела электричка. Герман думал, что через десять минут он сломает пополам свою судьбу, а может быть, и судьбу Танюши. За себя он не боялся, о себе не жалел, а про Танюшу надеялся, что с ней обойдётся. Герман смотрел на монитор, который показывал бойцов в салоне. Они все всунули оружие в зажимы. Только Басунов, гад, держит «сайгу» не по правилам.

Небольшая промзона, путепровод, панель офисного центра, светофор, ангар автосервиса за сетчатой оградой, квартал старых «хрущёвок», школа и магазин «Продукты», кольцевая развязка с транспарантом «Ленинский район», автобусная остановка с минимаркетом и длинным парковочным «карманом», в котором мокли под дождём несколько автомобилей...

Герман сбросил скорость и сдал свой «фольксваген» ближе к обочине, свернул на парковку за минимаркетом и встал рядом с белой «девяткой».

– Виктор, с твоей стороны зеркало забрызгано, – сказал он. – Я не вижу.

– И что? – хладнокровно спросил Басунов, не меняя позы.

– В бардачке пластиковая банка, в банке – микрофибра для стёкол.

– Я должен протереть тебе зеркало, Немец? – осведомился Басунов.

– По инструкции мне нельзя покидать кабину. Но ради тебя я могу.

Мимо проносились автомобили. В борт спецфургону, застывшему на обочине, плескало ноябрьской жидкой грязью. Герман рассчитывал, что Басунов поленится вылезать из кабины наружу с «сайгой» в руках.

«Если не срastётся, оно и к лучшему», – подумал Герман. Собственного оружия у него не было, да с пушкой его и не допустили бы до работы. А охранники Шпального были вооружены короткоствольными карабинами со складными рамочными прикладами: компактные полуавтоматы, похожие на «калашниковых», в тесных помещениях были сподручнее.

Басунов с недовольной физиономией воткнул «сайгу» в фиксатор возле своего левого локтя, полез в бардачок и вытащил банку с микрофиброй. Повернувшись к окну, он приспустил толстое бронестекло. В кабину хлынул шум улицы, и Басунов не услышал, как Герман отщёлкнул фиксатор, вынул оружие из держалки и сдвинулся за руль. «Сайга» нацелилась на Басунова дырчатой трубкой надульника. Герман отвёл флажок предохранителя.

– Виктор, не дёргайся, – предупредил он.

Басунов оглянулся и понял, что очистка зеркала – уже не главное.

– Нехилая заявочка, Неволин, – насмешливо-презрительно сказал он и отвалился на спинку сиденья, изображая вынужденное бездействие, но не сводил взгляда с карабина;

тряпку-микрофибру он механически запихивал пальцами обратно в банку. – Я как-то не понял, это ограбление, да?

– Типа того, – кивнул Герман.

– Боевиков рассмотрелся, Немец?

Немец – потому что Герман, германец. Так Германа звали ещё с армии.

– Без базаров, Виктор, – хмуро ответил Герман. – Ты же понимаешь.

– И что, вправду шмальнёшь?

Басунову было сорок четыре. Жилистый и подкачанный мужик без лишнего гражданского сала. Как только его назначили начальником службы безопасности (это случилось пару лет назад), он отрастил усишки вроде тех, что носил Лихолетов, однако усы не придавали ему бесшабашности Серёги; казённо-протокольная морда Басунова осталась напряжённой, словно он не расслаблялся, никому не верил и контролировал пространство вокруг себя.

– Почему бы и не шмальнуть, Виктор? – задумчиво спросил Герман. – Было время, мы шмалляли, и никого не клинило. Вперёд мне уже проще, чем назад. А на броник ты не надейся. Из «сайги» почти в упор – верная дырка.

Это Басунов и сам знал. Даже если отбить ствол в сторону и сцепиться, то в замкнутом пространстве кабины Немец сомнёт его хотя бы потому, что руки и ноги у Немца длиннее, значит, больше рычаг и сильнее давление.

– В бардачке лежат наручники, – сказал Герман. – Сам достань их и сам пристегни себя вон туда, к скобе.

Герман выяснил заранее, что самоуверенный и самолюбивый Басунов не имел никакого приборчика вроде «тревожной кнопки», чтобы дать сигнал тревоги незаметно от противника. Басунов рассчитывал на клавишу экстренного вызова на рации, а рацию Герман видел – она висела на ремне.

Покачивая головой от фальшивого удивления, Басунов пристегнул себя к поручню. Поручень на прочность Герман тоже проверил уже заранее.

– Какой код у отсека с деньгами?

Басунов не ответил и с превосходством ухмыльнулся.

– Не буровь, Виктор, – устало поморщился Герман. – Ну, раздроблю я прикладом тебе пальцы на ногах – всё равно ведь скажешь. Нафига надо?

– Эн две тысячи восемь пэ.

«Ноябрь 2008-го, пятница», – сразу расшифровал Герман.

– Зря надеешься уйти, – сказал Басунов. – Тебя вычислят за два дня. Для Щебетовского менты тебя везде найдут. А вооружённый грабёж – десяточка.

Герман не отвечал. Он убрал «сайгу», придвинулся к Басунову, отцепил у него с ремня рацию и охлопывал по карманам – на всякий случай.

– А как там у тебя Татьяна? – не унимался Басунов. – В доле с тобой? Ждёт мужа-добытчика? Пакует чемоданы? Или сразу сухари сушит?

Герман не хотел вестись на провокацию и разговаривать с Басуновым, но об этом нужно было сказать:

– Танюша не в курсе. Она была бы против. Но я с ней не советовался.

– Ты даже жену кинул, – удовлетворённо произнёс Басунов. – Жену свою кинул, своих братьев по Афгану кинул, своего босса кинул...

Герман смотрел в монитор видеорегистрации: парни в салоне сидели спокойно, ничего не почувствовали, не суетились, оружие не хватали.

– С каких пор, Витя, Щебетовский мне стал своим? – Герман напоследок посмотрел в глаза Басунову. – И вы, его шакалы, мне тоже не свои. Своим мне был Серёга Лихолетов. Но Серёга на Зятяге.

– Его ты тоже кинул, – злорадно усмехнулся Басунов.

Герман не ответил. Он открыл дверку, выпрыгнул наружу с «сайгой» в руке и захлопнул дверку за собой. Сквозь окно Герман видел, что Басунов ещё что-то беззвучно говорит вслед ему – уже один в кабине.

На остановке мокли две тётки, на Германа и фургон они не обращали внимания. Окна минимаркета были обращены в другую сторону. Герман подошёл к входу в магазинчик и бросил в урну к пустым бутылкам рацию Басунова. Потом вернулся к «фольксвагену» и стоящей рядом «девятке». Это была его «девятка», он подогнал её сюда сегодня в семь утра.

Бибикнув сигналкой, Герман приподнял корму своего рыдвана и достал связку наручников. Хорошо, что он припас сразу пять пар. Басунов тупо смотрел на манипуляции Германа через лобовое стекло «фольксвагена». Пускай смотрит. Оба номера у «девятки» Герман ещё с утра заляпал грязью. И «девяток» таких в миллионном городе Батуме – не сосчитать.

Герман побарабанил в боковую сдвижную дверь фургона. Парни в салоне через узкое окошко видели, что это стучится Неволин. Конечно, они знали, что водитель в спецрейсе не должен покидать кабину, что оружия водителю не положено... Однако они же тупые. Они просто не сообразят, что к чему. Не заподозрят. В нештатной ситуации они среагируют как давние приятели, однополчане по Афгану, а не как бойцы службы безопасности.

Дверь откатил Ян Сучилин, и откатил широко. Герман сразу попятил Яна стволом «сайги» и от порога усадил его обратно в кресло.

– Ты чего, Немец? – изумился Ян. – Мозги стряс?

– Парни, это реально ограбление, – вздохнув, пояснил Герман. – Я не хочу стрелять на поражение, но покалечить придётся. Вы же меня знаете.

– А Басунов где? – спросил Лега Тотолин, не вставая.

– Его я уже подвесил на браслеты. Теперь ваша очередь.

Герман бросил под ноги парням гирлянду наручников.

– Ян, надень себе и закрепи Легу с Темурчиком за поручни. Только делай всё очень медленно. Парни, прошу без резких движений.

Глядя на Германа, Ян нагнулся и поднял наручники. Сначала одну пару он нацепил себе на запястья, потом сковал Тотоллина и Рамзаева, пропустив цепочку браслетов сквозь поручни на стенках салона. Парни подавали руки нехотя, но не пытались переломить ситуацию.

– Пока посиди, – сказал Герман Яну и уже без опаски сунулся в салон.

Он выдернул карабины из крепежей на оружейных стойках и принялся разряжать их прямо на пороге салона. Отомкнутые автоматные магазины он по-простецки пихал за пазуху, а затворы передёргивал, сбрасывая патрон на асфальт, и затем, шаркая берцем, отшвыривал патрон в лужу на обочине.

– Ваши винтари оставляю вам, парни. К вам у меня претензий нет. А басуновскую «сайгу» забираю вместе с вашими магазинами.

– Бесплезняк же, Немец, – вдруг глухо произнёс Лега. – Напрасно ты эту хрень затеял. Может, назад отыграешь?

– Я всё продумал, Лега.

– Тебя грохнут.

– Посмотрим.

Герману было сорок два. Высокий, худой и нескладный, он казался небрежно сколоченным из косых досок-горбылин. Крупный фигурный нос и маленькие глазки близко к носу – как у доброго льва из мультика. Вид у Германа всегда был какой-то странный – сразу и сонный, и сосредоточенный.

– Ян, снова тебе задание. Набери на панели код: эн две тысячи восемь пэ. Открывай дверь и вытаскивай сюда мешки. Я считал, их пятнадцать.

– Дебил, – угрюмо сказал Лега неизвестно кому.

Ян Сучилин начал выставлять к порожку чёрные водонепроницаемые мешки со стальными горловинами; горловины на шарнирах были сложены пополам, как у кошельков, и запирались на замочки с кодовыми цилиндрами.

Герман забросил «сайгу» за спину и принялся переносить мешки по два в багажник «девятки». Со стороны это выглядело буднично, деловито, без какого-то криминального оттенка. Ну, какие-то охранники на обочине переваливают что-то из машины в машину – вот и всё, делов-то.

– Поделился бы, а? – развеселившись, попросил Сучилин.

– Прокурор поделится, – буркнул Темурчик.

Герман закончил загрузку, опустил корму багажника у «девятки», убрал карабин на заднее сиденье своей машины и вернулся в салон «фольксвагена». Здесь он поднял с резинового коврика оставшиеся наручники, пихнул Сучилина в его кресло и закрепил так, чтобы Ян не вылез из фургона.

– Всё, парни, – сказал Герман. – Спасибо, что не заставили уродовать. Я поехал. Вас закрою тут. Где-нибудь через час в банке забеспокоятся, вышлют наряд по нашему маршруту и найдут вас. Что-нибудь от меня надо?

– Поставь музыку, – попросил Сучилин.

Герман решил выезжать из города через центр – надеялся проскочить до пробок часа пик. Транспортный поток катился ещё с разрывами, и «девятка» Немца ловко бежала по проспектам, обгоняя троллейбусы, поворачивала на перекрёстках, притормаживала на светофорах. С пасмурного неба текло, будто кто-то этажом выше затопил своё облачное обиталище; люди шли по улицам под зонтами; сквозь дрожащую хмарь непогоды яркими красками сияли рекламные баннеры с огромными цифрами телефонных номеров.

Центр Батуева очень изменился за последние годы. Понизу, на уровне тротуаров и пешеходов, перемены казались комфортными и праздничными: пылающие вывески, красивые панорамные витрины, подсвеченные фасады, удобные лестницы, скамейки, урны, дружелюбные призывы... Здесь обитали милые девушки, ласковые продавщицы и официанты, удобные автомобили, уличные художники, смешные и толстые люди-куклы, которые заманивали к себе в гости, и важные автоматы с огоньками, выдающие кофе в стаканчиках.

Но сверху, выше уровня людей, над головами и зонтами прохожих в сыром пустом воздухе фантастическим образом висел двадцать первый век: геометрические объёмы хайтека; сталь и стекло; монолиты новых билдингов, в зеркальных плоскостях которых отражалась плывущая над улицами мгла; призрачные вертикальные конструкции высотных кранов, полурастворённые в тучах стылого пара. Эти безжизненные сооружения казались какой-то космической армией, без усилия дрейфующей в поле антигравитации.

Семнадцать лет назад Герман Неволин приехал в совсем другой город – просторный, приземистый, неспешный, заросший тихо дичающей зеленью... Это они, «коминтерновцы» Серёги Лихолетова, торопились жить, а город раскачивался медленно, как громоздкий корабль, – но по его трюму быстро носились крысы. И вот теперь жизнь набрала ход – а он, немец, почему-то остался позабытым на пирсе. Интересно знать, что тут будет дальше, но, увы, не получится: при любом раскладе Герман в Батуев уже не вернётся.

Он рассчитал, что план «Перехват» объявят примерно через час после того, как найдут спецфургон. Он успеет выскочить из города, во всяком случае из центра, где вертятся патрули. На том выезде, который Герман наметил для себя, менты не станут устраивать фильтрационный пункт, иначе здесь моментально вырастет затор и парализует весь район. Не так уж и важен ментам грабитель, ободравший Щебетовского – местного олигарха.

Герман без проблем пролетел по бульварам спальных кварталов, через промзоны и частный сектор окраины, по мосту над железной дорогой, и, наконец, справа на пригорке мелькнул транспарант «Счастливого пути!» – город закончился. Впереди под небом, что светилось

тусклыми размывами, расстелились холмистые просторные луга, бурые на покатосях и белёсые в западинах. По лугам в мороси брели плотные взъерошенные перелески, словно толпы каторжников в лохмотьях, скованные цепями.

«Девятка» свернула с шоссе на грунтовый просёлок, и вскоре Герман уже ехал по жидкому лесочку средней полосы: осины, берёзы, ёлки, липы, малинник, изредка – тонкие высокие сосны. В чёрно-белой строгой осени вдруг мелькал красный железный пламень ещё не облетевших рябин.

Герман остановил машину возле высокого расщеплённого пня. Здесь он приготовил тайник: за поваленным стволом вчера вечером он выкопал яму и наломал кучу лапника для маскировки. На мокром дне ямы, завернутый в лоскут полиэтилена, лежал туго набитый туристский рюкзак. В него Герман запихал всё, что потребуется после ограбления: саквояж с новой одеждой и обувью, пакет с документами и банковскими карточками, другой пакет – с сотовыми телефонами, командировочный набор «мыло – бритва – зубная щётка», чай, брикеты лапши быстрого приготовления, книжку кроссвордов.

Герман вытащил рюкзак из ямы, расстелил плёнку, разулся, переступил на полиэтилен ногами в носках и принялся переодеваться. Он сбросил берцы, снял серую униформу с жёлтым логотипом «ШР» и обрядился как дачник: чёрные резиновые сапоги, камуфлированные штаны, свитер грубой вязки, непромокаемая куртка с капюшоном, матерчатое кепи с наушниками.

Униформой сотрудника рынка Герман выстелил дно своей ямы и затем перетаскал в яму тяжёлые мешки из багажника «девятки». Он планировал, что привезёт три-четыре мешка, спрячет их тут и уедет, чтобы избавиться от машины; потом вернётся пешком – вечером или ночью, затолкает мешки в рюкзак и вынесет отсюда на спине в другой тайник, надёжнее этого... Но пятнадцать мешков и «сайгу» в придачу на заливке за один раз не упереть. А бегать с рюкзаком туда-сюда – значит, рисковать вдвое или втрое...

Пятнадцать чёрных мешков тихо стояли на дне ямы, уже облепленные палыми листьями, – везуха, масштаб которой превзошёл все планы. Ладно, он придумает, что сделать. Герман уложил поверх мешков карабин, закидал схрон лапником и сверху навалил огромную трухлявую коряжину.

Снова сев за руль, он сдал назад, развернулся и потихоньку выбрался обратно на шоссе. Теперь он выглядел как типичный горожанин, который на своей старой «девятке» едет на дачу париться в бане и готовить дом к зиме.

Путь был знаком до последней выбоины. Сколько раз он проезжал здесь на «барбухайке» с Танюшей... Рощи; линия ЛЭП (вон та опора на бетонном башмаке...); бесконечная железнодорожная насыпь и столбы; мчится поезд; крышка в бурьяне; шлагбаум; тётка едет на вихляющемся велосипеде; длинный забор дачного кооператива «Деревня Ненастье»; размалёванная будка автобусной остановки; снова луга, а за бесхозной силосной башней – посёлок при станции Ненастье, весь в липах... Герман вырулил к вокзалу.

И с вокзалом этим тоже столько всего связано... Они захватывали его в 1993-м, перекрывали магистраль, чтобы товарищей выпустили из СИЗО... Вон там стояла «барбухайка», где Герман – на свою пустую башку – в грозу укрылся с Мариной... Одноэтажное здание вокзала с арочными окнами сейчас было заново оштукатурено и покрашено в прянично-розовый цвет. А тогда оно было облупленное... Что ж, нынче время такое, пряничное и розовое – и сладко, и вроде даже сытно, но не еда, и вредно, и тошнит.

Привокзальная площадь была занята платной парковкой. Герман заехал в ворота и поставил машину в дальний угол. Здесь он её и бросит – для того и покупал. Когда менты найдут «девятку», то подумают, что Герман уехал отсюда на электричках. На электричках можно добраться до Казани, Самары или Уфы. В общем, «девятка», брошенная на вокзале, укажет следакам, что Германа в Батуеве уже нет. А его там и не будет. Он будет в Ненастье.

Герман купил в привокзальном киоске чебуреки и пошёл в деревню Ненастье пешком – недалеко же, всего пять километров. Сапоги хрустели по гравию обочины. Он шагал и думал про Танюшу. Облава наверняка уже объявлена. Значит, Пуговка уже узнала, что Герман украл деньги и скрылся.

Сердце Германа разрывалось, когда он представлял, что творится в душе Танюши. Стоит ли так её мучить? Может, надо было тихо жить, поживать, доживать?.. Он ведь ничего ей не сказал, не объяснил, куда исчез, почему и надолго ли. Танюша слабенькая, любому следaku расскажет всё, что спросят. А Яр-Саныч, папаша её, старый козёл, – тот вообще сам донесёт...

Изредка вдали грохотали поезда; мимо, шипя, проносились автомобили, обдавая мокрой пылью; ветер взволнованно шумел в пустых и дырявых шапках придорожных тополей. А Герману казалось, что он в тишине.

Он всё предусмотрел. Подготовился. И пока он ни в чём не промахнулся – разве что денег взял вчетверо больше, чем ожидал. Теперь он шагал в деревню Ненастье, на старую и уже проданную дачу, – пересидывать там суматоху, отлёживаться перед новым своим ходом. Но он не вспоминал про кучу денег в лесной яме, не размышлял о дальнейших действиях, не мечтал даже о том счастье, в которое прицелился, рискуя всем на свете. Он думал, что сейчас в большом городе Батуеве плачет никому не нужная маленькая женщина, бесконечно родная ему и любимая, за которую он жизнь бы отдал, – но ей сейчас кажется, что он её предал и бросил. Что её мужчина, который обещал беречь её до конца своих дней, украл деньги у начальника и сбежал.

* * *

– И всё же, Витя, я не понимаю, как такое случилось. Как простой и безоружный водитель автобуса, не спецназовец и не фокусник, ухитрился отнять у четырёх охранников с карабинами сто сорок миллионов рублей? Это в голове не укладывается, Витя. Ты сумеешь объяснить?

Вопрос был риторический. Басунов ещё вчера вечером, едва вырвался от следователя, всё рассказал боссу пошагово и по секундам. В этом же самом кабинете. Сейчас Щебетовский просто нагнетал страха, чтобы легче давить.

– Вы намекаете, Георгий Николаевич, что я был в сговоре с НевOLIным?

– Можно подумать что угодно, и про сговор тоже.

– Если бы я хотел ограбить вас, зачем мне нужен НевOлин? И почему я раньше не ограбил? Я перевожу ваши деньги уже четвёртый год.

– Но такой суммы, Витя, никогда прежде не бывало.

Это уж точно. Ещё при Лене Быченко, первой директрисе Шпального рынка, Щебетовский начал вникать в бухгалтерию предприятия. А когда по стране повалил ломовой потребительский бум, занятия бухгалтерией для Щебетовского превратились в удовольствие. Зримое и осязаемое умножение успеха волновало так, будто в глубине души какие-то основы наконец-то перекладывались с неправильного порядка на правильный. Но, конечно, обороты Шпального никогда не доходили до полутора сотен лимонов в день.

Сумма, которую урвал НевOлин, объяснялась удачной сделкой. Обычно транзакции такого уровня осуществлялись по безналу, но сейчас экономик душил кризис, ликвидность сама по себе стала капиталом, и простая наличка вздорожала выше себестоимости; Щебетовский был крайне удовлетворён, что поймал момент и мастерски провернул хитрую операцию, когда ему прямо на руки вышло чистыми четыре с половиной миллиона долларов. И тут вдруг нарисовался придурак-водитель со своим киношным гоп-стопом и хапнул всю кассу именно в этот день и час. Идиотизм.

Щебетовский не сомневался, что Басунов и его парни к ограблению не имеют отношения. Но для дела было полезнее, чтобы они думали, будто босс их подозревает. Щебетовский

гордился своим умением применять в бизнесе и в управлении те принципы, которые освоил на службе в госбезопасности. Он сразу отстранил от работы Басунова и его железных дровосеков – тем самым мотивировал их соображать, как им реабилитироваться. Ведь все они из одной псарни с Невוליным – из «Коминтерна», союза «афганцев».

– Георгий Николаевич, мы с вами работаем вместе лет десять, – сказал Басунов. – Извиняюсь, но я даже не хочу обсуждать, что это я вас бомбанул.

Щебетовский понимающе усмехнулся: Бобик обиделся.

Геorgию Николаевичу было под шестьдесят. Он действительно работал в КГБ, хотя, конечно, не суперагентом. В Афгане в составе погранвойск КГБ он служил в комендантской роте в Кабуле – «летёхой», только-только после института; потом в Батуеве мирно киснул на оперативной текучке. Впрочем, этого запаса Щебетовскому вполне хватило, чтобы отстроить свою судьбу. Экономисты Батуева утверждали, что Шпальный рынок – третий в России после Черкизона и Гусинобродской барахолки в Новосибирске.

А Басунов разглядывал Георгия Николаевича и с тихим удовольствием отмечал в боссе черты старика. Волосы поредели. Глаза он по-прежнему прячет за слегка затемнёнными очками, но линзы теперь астигматические. Лицо обколото ботоксом, а на шее – две индюшьи складки. Просторный костюм не скрывает круглое пузико; такое появляется, когда человеку по возрасту уже тяжело гонять себя на тренажёрах. И сидит босс тоже по-стариковски – на диване, откинувшись, сдвинув ножки, колени набок.

– Ты должен найти мне этого Неволина, Витя, – сказал Щебетовский.

Он смотрел спокойно, как рыба.

– Найти Неволина, – повторил Басунов.

– Ты уже знаком с капитаном Дибичем, верно?

Капитан Всеволод Дибич возглавил следственную группу по делу спецфургона. Уже вчера капитан допросил и Басунова, и парней из службы охраны – Сучилина, Тоголина и Рамзаева; он допросил Татьяну Куделину – гражданскую жену Германа, и даже отправил оперативников на обыск у Неволина дома. Сегодня с утра он терзал водителей Шпального, которые работали с Немцем, – занял их комнату отдыха и вызывал по одному.

Басунову Дибич категорически не понравился. Молодой хлыщ. Понты, и много суеты на показ, ведь понятно, что с малахольной женой, с её папашей-маразматиком или с шоферюгами Неволин свои криминальные планы не обсуждал. Зачем тратить время на очевидно бесполезные допросы, когда вор уходит всё дальше? Пусть мельтешат помощники, а у шефа дела поважнее.

– Дибич только делает вид, что ищет, – сказал Басунов.

– Вижу, – кивнул Щебетовский. – Он будет меня доить. А искать вора придётся тебе, Витя. Но про каждую подвижку ты должен сообщать ему. Это он схватит Неволина, это он получит звезду от начальства и тачку от меня.

– Почему? – сухо спросил Басунов. – Я и сам возьму Немца.

– Нет, Витя. Девяностые закончились. А для тебя ещё и обнулились.

– Обнулились, – задумчиво повторил Басунов.

Кабинет Щебетовского был обставлен в духе модного техногенного минимализма: длинная и аскетичная пластина стола, целиком из махагони, ноутбуки вместо блокнотов, мебель – никелированные трубки и кожаные пуфы, плазменные экраны, встроенные шкафы за панелями из светлого бука. Неуютно, холодно. Одна стена была гладкая, блестящая и полностью чёрная, точнее, из тёмного стекла, за которым темнел ноябрьский бесснежный вечер.

– Есть какие-то соображения по Неволину? – спросил Щебетовский.

Басунов пожал плечами:

– Немец наверняка всё продумал. Время у него было, а теперь есть и деньги. Если всё идёт по его плану, мы его никогда не поймаем.

– Крайне ценный вывод, Витя. Мне полегчало.
– Надо надеяться, что Неволин где-то проколется. Пока что у него был лишь один прокол – слишком много денег.

– Всем бы такие проколы, – саркастически заметил Щебетовский.

Басунов не умел отвечать на шутки, не понимал иронии.

– Это проблема, – возразил он. – Пятнадцать мешков весят больше ста кило. На такое Немец не рассчитывал. Мешки в одиночку не унести. Значит, он теряет мобильность или вступает в незапланированные контакты.

– Но ты же знаешь всех его друзей-«афганцев», верно?

– Верно. Я знаю такие связи, до которых капитану Дибичу никогда не докопаться, и вы понимаете почему, Георгий Николаевич. – Басунов сидел за столом прямо и неподвижно, будто ученик на экзамене. – Я уверен, что Немец сейчас залёг на дно переждать шухер. Ему надо сориентироваться. Он снял какую-нибудь хату в спальном районе на пару месяцев и греется на куче бабла, как собака. Куча бабла для него как якорь. От бабла он не убежит.

Щебетовский внимательно слушал, глядя куда-то в пустоту.

– Ерунда, – уверенно сказал он. – Деньги можно спрятать в тайник, в сейф, оставить у надёжного приятеля в кладовке. Можно перевести в безнал и поместить на счёт, отправить на карту, отмыть через прачечную...

– Нет, Георгий Николаевич. Это не работает. Немец не рискнёт оставить деньги без контроля. Светиться ему нельзя. И доверять он никому не может, потому что облава, розыск, премия. Он будет пережидать на лёжке. Шанс взять его есть только там. В этом суть моего плана, Георгий Николаевич.

– Ерунда, – повторил Щебетовский. – Он спрячет мешки с деньгами где-нибудь в укромном месте и уйдёт налегке. Так рациональнее.

– Я бы не смог уйти, – упрямо возразил Басунов. – А он чем лучше?

Щебетовский думал, подрагивая губами, словно что-то жевал, а потом, приняв какое-то решение, шлёпнул ладонями по коленям и поднялся на ноги.

– Ладно, может, ты и прав, Витя, – со вздохом сказал он. – Действуй. Иди. И держи связь с Дибичем. Ты – мозг, а Дибич – твои руки, понял?

Он не сказал Басунову напоследок: «Достань мне эту суку».

Он не испытывал к Неволину никаких чувств. Он помнил этого типа ещё по разгрому «Юбиля», когда задержал его в «афганском» кафе с любовницей Лихолетова. Долдон. Незлой, исполнительный, спокойный. Тихое ничто. Такие были вполне успешны, если состояли в агрессивном сообществе вроде «Коминтерна». Но времена «Коминтерна» миновали, и ныне все командиры «Коминтерна» на Затяге, а Невотины плачут у пустых кормушек.

«Может, он хотел отомстить мне?» – подумал Щебетовский, вспоминая Германа. Нет. Кишка тонка. Если он мог отомстить, то (учитывая армейский дебилизм) сейчас был бы или таким, как Басунов, или там, где Лихолетов.

Кто этот Неволин? Тупой шофёр. Он ничего не понимает в финансах, в банковских операциях, в реквизитах, в чёрном налё, в отмывке. Даже если он купил липовые документы, он всё равно не махинатор, не ловчила, а просто лох, быдло, баклан, как они говорят... Не-ет, реально, Витя прав. Этот идиот наверняка сидит на куче денег и гадает, как её унести или куда спрятать.

Щебетовский подумал, что ситуация напоминает ловлю обезьян на апельсин. В ящик кладут апельсин, закрывают и делают в стенке небольшую дырку. Является обезьяна, чует апельсин, сунёт в ящик руку, хватается апельсин, но не может вытащить его через дырку – а бросить уже не в силах по своей природе. Так и торчит, дура, с рукой в ящике, пока не придёт охотник.

Георгий Николаевич выключил в кабинете свет и неторопливо подошёл к окну. Теперь из кабинета стало видно то, что находилось на улице. Секция «С» ярко освещена прожекторами. Мокрая плитка площади, отражения огней в лужах у бордюров. Люди с зонтами ждут маршрутку. Автомобили. Вдали – распластанная двухъярусная развязка. Длинные дробные линии фонарей. За широкой рекой магистрали сияют хрустальные дворцы дилерских центров, отсвечивают покатые бока ангаров. Поодаль в дожде дрожит целое озеро света; там идут круглосточные работы, гудят бетоновозы, двигаются краны: это строятся новые мегамоллы «Ашан», «IKEA» и «METRO». Здесь, в районе Шпального посёлка (вместо его трущоб уже стояли кварталы таунхаусов), на окраине города Батуева формировался мощнейший торговый узел.

А Георгий Николаевич помнил тут щитовые бараки с говноварнями наркобарыг, заброшенные котлованы, куда скидывали городской мусор, заросли кустов, где плечевые проститутки наскоро сосали дальнобойщикам. На огромном пустыре вдоль железнодорожной насыпи топтались тысячи «челноков», и «Коминтерн» решил дубинками и грейдерами загнать их в недостроенный товарный терминал станции Батуев-Сортировочная...

«Коминтерн» справился со всеми трудностями, поборол всех врагов. А Георгий Николаевич поборол «Коминтерн». Однако за ним, за майором Щебетовским, не было никакой силы. Ни бандитов, ни Конторы, никого. Только навыки и характер. И он по пальцам разжал кулачище «афганцев», выдрессировал их союз – это звероподобное чудище.

Теперь он основной акционер самого главного «афганского» актива – Шпального рынка. Двенадцать лет назад в войне за Шпальный враги валили «афганских» лидеров, командиров «Коминтерна». Но Щебетовский сумел забрать этот актив себе, и «Коминтерн» сейчас – два скромных тихих офиса в администрации рыночного комплекса, где воспитанные девушки сидят перед компьютерами. А раньше «Коминтерн» был ревущей и полупьяной толпой недавних солдат во главе с быдло-фюрером Лихолетовым.

В стекле на фоне сверкающей панорамы с магистралями и автоцентрами Георгий Николаевич видел отражение своего лица. Он рассматривал себя и думал, что ничего особенного в его лице нет, но это лицо настоящего героя. Он не испугался. Он вступил в борьбу и в одиночку всех переиграл. Было трудно. Приходилось делать вещи, про которые надо сразу забывать. Увы, так устроен мир. Если хочешь быть победителем, прими это условие. Умный человек найдёт возможность минимизировать зло, и нечего тут размазывать сопли. А для жестокого поступка тоже требуется немалое мужество.

Короче, неважно, что он богатый, а остальные – бедные. Важно, что он умнее и сильнее, потому и успешен. А остальные – недоделки. Если же им вообще не повезёт, то они будут красть, как Герман Неволин.

Подобно Щебетовскому, Виктор Басунов в этот вечер тоже предавался размышлениям. Квартира Басунова находилась в элитном доме закрытого жилого комплекса в центре города; здесь селился батуевский истеблишмент образца девяностых годов. Раньше квартира принадлежала Лене Быченко – первой директрисе Шпального рынка. Лена завела любовника и переехала с ним то ли в Бургос, то ли в Коста-Браву. Лена была вдова. Её муж, купивший эту квартиру, в своё время был командиром «Коминтерна» и начальником Витьки Басунова. А Басунов тоже очень хотел чувствовать себя боссом.

Он жил с мамой и сестрой, в большой квартире места хватало для всех. В прихожей его встречала сестра – незамужняя, толстая, в очках. Она молча приняла мокрую куртку брата, убрала ботинки и выставила тапочки. Басунов медленно причесался у зеркала, тщательно закладывая волосы назад.

– Витя, кофе сварить? – с кухни спросила мама.

– Подай в кабинет, – сухо ответил Басунов.

Просторный кабинет по стенам был оборудован книжными полками – красивыми, но полупустыми. Дома считалось, что «Витя ещё формирует свою библиотеку из трудов по воен-

ной истории». Купленные книги Басунов, конечно, не читал, но внимательно изучал предисловие (если оно было не очень длинным) и аннотацию; на его вкус, издание должно было содержать изображения оружия и военной формы давней эпохи и схемы битв. Ещё в кабинете стояли тренажёр, диван и письменный стол с креслом.

Басунов сел в кресло перед столом. Мама принесла ему кофе.

Он пил кофе и вспоминал слова Щебетовского, что для него девяностые не только закончились, но и обнулились. Странно: он столько всего знает о Георгии Николаевиче, но почему-то никогда не пытался превратить эти знания в реальные блага, как делал с другими командирами «Коминтерна». Щебетовскому удалось обнулить девяностые и не заплатить ему – ловко!

– Мам, надо коньяку, – крикнул Басунов в глубину квартиры.

Он достал из ящика стола телевизионный пульт и включил большой плоский экран, который находился среди книжных полок как раз напротив стола и кресла. Обычно по вечерам Басунов сидел вот так же за столом – будто директор какой-то фирмы – и смотрел без звука футбол, бокс или что-нибудь про животных. У мамы и сестры это называлось «Витя работает». На самом деле он проводил время без мыслей. Просто футбол и бокс, слоны и аллигаторы, коньяк и лимон. Плюс самоощущение значительного человека.

А Щебетовский стареет... Становится жадным и подозрительным. Забывает, кто ему друг. Забывает, у кого какие права. Считает всех своими халдеями. А он, Басунов, между прочим, совладелец рынка. Миноритарий. Десять лет назад Щебетовский предлагал Лихолетову блокирующий пакет акций Шпального – Лихолетов не взял. А надо было брать. Наверное, имеет смысл сейчас попробовать рвануть одеяло на себя, думал Басунов. Немец – это его шанс. Надо найти Немца, отнять его мешки и прессануть босса. Есть вероятность, что Щебетовский обменяет мешки Немца на блокпакет. Только нельзя подпускать капитана Дибича слишком близко к Немцу.

Мама принесла Басунову рюмку коньяка и лимон на блюдечке.

На экране полосатый тигр в красной траве грыз поваленного буйвола.

– Какие ужасы ты смотришь, Витя, – укоризненно сказала мама.

Басунов верно нащупал нерв ситуации: если он первым доберётся до мешков Немца, то станет хозяином положения.

В то время, когда Басунов под коньяк наблюдал по телику пиршество тигра, Щебетовский приехал на ужин с капитаном Дибичем, чтобы обсудить тот же самый вопрос о первенстве в поисках Неволлина.

Ужин был назначен в ресторане «Шаолинь». Дибич немного опоздал, припарковал свой «лексус» как попало и вбежал в ресторан, словно играючи впорхнул, – в коротеньком мокром плащике, осыпанный дождинками, будто конфетти. Щебетовский тихо удивился, какие люди нынче становятся капитанами милиции, причём лучшими по профессии. Дибичу было немного за тридцать – юнец. Нежное лицо, большие чёрные глаза в пышных девичьих ресницах, кудряшки, стильный блейзер, шейный платок, джинсы в обтяжку, остроносые туфли. Пижон, мажор, моднявый хлыщ, а не мент.

– Сева, – Дибич сунул Щебетовскому ладошку, сел за столик и оглянулся на официанта: – Женечка, сразу принеси мне «перье» без газа.

«Белёная жаба», – подумал Дибич, весело разглядывая Щебетовского.

– Как следствие? – холодно поинтересовался Щебетовский.

– Вы не начальник мне, Георгий Николаевич, – улыбнулся Дибич. – Я не обязан отчитываться. Дело открыто, следствие ведётся, следите за новостями.

– Извините, – сдал назад Щебетовский. – Просто я нервничаю.

– Ничего. Пятьдесят грамм разрядят напряжение.

– Я за рулём.

Дибич не стал мучить Щебетовского.

– Ну что вам сказать? На место выезжал весь наш джаз-банд: Владимир Иванович, начальник городского УВД, и генерал Шиленко из областного. Москва готова прислать оперов. Я назначен руководителем следственной бригады и напрямую отчитываюсь начальнику криминальной милиции. Дело резонансное. Пресса в восторге. Круто, Георгий Николаевич, вы в топе.

– А что ещё сделано?

– Введён план «Перехват». Неволин объявлен в федеральный розыск – как-никак вооружённое ограбление, то-сё, злодей скрылся в ночи с пушкой и похищенными сокровищами. Фото показывают по телевизору. Свидетели и ближайшее окружение уже допрошены. Из области Неволин не уйдёт.

Снова подошёл официант. Дибич быстро переключился на меню.

– Мне, Женечка, яйцо пашот и паштет де кампань, к этому тосты и апельсиновый фреш... Георгий Николаевич, что посоветуете: шатобриан в панировке, утиную грудку магре или бланкет из телятины?

– Что вам угодно, Сева, – желчно ответил Щебетовский. – Мне овсянку и молоко, молоко чуть тёплое. И две булочки тоже подогрейте.

– Кухню я люблю французскую, а жру по-русски, – закуривая, заметил Дибич. – Кстати, очень неожиданное меню для ресторана «Шаолинь».

– Раньше этот ресторан называли «Шайкой», – сказал Щебетовский. – Это был кабак группировки «динамовцев», потом его отбили «афганцы».

Щебетовский выжидающе смотрел на Дибича.

– У меня нет комментариев, – нейтрально ответил Дибич.

Он знал, что свои активы Щебетовский получил в девяностые. Ясно, что Щебетовский как-то бодался с бандитами и прочей гопотой. Но для Дибича те разборки (в принципе, совсем недавние) были чем-то ужасно древним, вроде юрского периода с его динозаврами. Грубо, злобно и неприятно. Возможно, Георгий Николаевич совершал чудеса отваги и ловкости, отнимая активы у группировки «афганцев», но Дибича это ничуть не восхищало. Щебетовский – выцветший от времени ящер-перестарок, как его уважать?

– Вы знаете про «Коминтерн», союз ветеранов войны в Афганистане, и одновременно – преступную группировку Батуева?

– А мне нужно об этом знать? – искренне удивился Дибич.

– Неволин – член этой группировки.

– Боже мой, какой кошмар. Что же мне делать? Я в панике! Спасите меня от него, Георгий Николаевич!

Вот оно, поколение, пришедшее на смену, – думал Щебетовский, глядя на Дибича. Артистичный циник, умелый сыскарь – и почти фигляр. Этот Дибич уверен в изначальном своём превосходстве, просто потому что молод.

Официант принёс заказ и начал расставлять тарелки.

– Я это к тому говорю, что вы не отыщете Неволина, – раздражённо пояснил Щебетовский. – Он уйдёт от вас по своим «афганским» каналам.

– Не волнуйтесь, никуда он не уйдёт, – Дибич увлечённо резал в тарелке бланкет. – Все эти джеки-потрошители предсказуемы, как будильники.

Его и вправду не интересовал Неволин. Он профессионально развесил сети, и Неволин всё равно попадётся – рано или поздно. И не обязательно его искать, он сам залезет в ловушку, надо только подождать.

– Давайте, Сева, я вам немного объясню про «Коминтерн», – терпеливо начал Щебетовский. – Вам это должно пригодиться.

– Не уверен, но попробуйте.

– «Коминтерн» строился на некой идеологии, суть которой в том, что «афганец» всегда помогает «афганцу». Это исповедовал Сергей Лихолетов, основатель «Коминтерна», – ред-

костный тип, гибрид поручика Ржевского с Мао Цзэдуном. Неволин, кстати, дружил с Лихо-летовым. «Коминтерн» стал самой мощной криминальной группировкой в городе. Сейчас, конечно, никакой ОПГ уже нет, но идеология-то осталась. И она выстраивает такие связи, которые вы извне никогда не проследите. И Неволин от вас уйдёт.

– Что же в таком случае вы хотите от меня? – Дибич намазывал паштет на тост; он ни шиша не верил многозначительным историям про всемогущих бандитов, не верил страшилкам про грозные времена. – Значит, я бессилен.

Дибич соглашался со всем, что говорил Щебетовский, и ждал, когда же последует финансовое предложение. Не зря ведь Щебетовский пригласил его на ужин. Дибич видел уже немало таких Щебетовских, которые вылезли из мясорубки с мешком бабла. У них в генетику вбито, что надо кому-нибудь башлять. Если не башляют, то им кажется, что они не управляют ситуацией.

– Вы бессильны, – подтвердил Щебетовский. – Тем более что вы и не собирались искать Неволлина. Вы хотели просто сидеть и ждать результата. И вы уверены, что я стану вам платить по принципу «терпила греет».

Щебетовский кое-что помнил из своего оперативного опыта и понимал тактику Дибича. Дибич был ему отвратителен, как пиявка. И Щебетовского всё унижало. Унижало, что его обокрали; унижало, что украли слишком много, и потому нельзя плюнуть и спустить на тормозах; унижало, что этот Дибич спокойно жрёт бланкет и ждёт бабла, просто потому что он – мент.

– Не ценю пафоса, извините, – сказал Дибич, промокая салфеткой губы.

– Хорошо, тогда к делу, – Щебетовский кусочком булочки собирал по тарелке остатки каши. – У меня есть человек, мой начальник охраны, вы его уже допросили, – Виктор Басунов. Он тоже из «Коминтерна» и в курсе всех взаимосвязей «афганцев». Я запустил его искать Неволлина. И он справится.

– Прекрасно.

– Нет, не прекрасно. Басунов найдёт Неволлина и украдёт у него деньги, которые Неволин ukrал у меня. Вот поэтому ваша бездеятельность для меня убийственна. Вы ждёте, а Басунов бежит по следу.

– Так что же вы предлагаете, Георгий Николаевич?

– Следите за Басуновым. Он приведёт вас к Неволину. Но только не дайте Басунову сорваться с деньгами. А по факту уже будет благодарность.

– Приятно слышать конструктивное и проработанное предложение.

Дибич улыбнулся. Он снова выиграл. Конечно, терпила будет платить. Сам сделает всю работу и вознаградит чужаков за свои труды. Это тебе не твои девяностые, дядя. Смотри и учись, если ещё способен.

– Проследить за вашим сотрудником несложно, – сказал Дибич. – Будем на чеку, чтобы не упустить момент, когда мышка доберётся до сыра. За это не беспокойтесь. Но параметры благодарности давайте оговорим заранее. Герман Неволин, видимо, стоит очень дорого.

* * *

«Сорок пять – баба ягодка опять», – посмеивались соседки про мать Германа. Пока Герман был в Афгане, мать и вправду расцвела, как девочка, ожила, наполнилась ожиданием счастья. Просто у неё появился любовник.

Отца Герка не знал, и мать про него не рассказывала. Она смирилась, что рядом с ней уже не будет мужчины, – и вдруг дядя Лёня. Матери было стыдно, что сын воевал, а у неё чувства; она смущалась, что Герка видит её женскую природу. Она окружила сына заботой, будто заглаживала вину, и на каждом шагу что-нибудь забывала. По ночам она плакала, раз-

рываясь между двумя любовями. А Герман всё понимал. Он не ревновал маму к дяде Лёне, но квартира-«однушка» стала ему с мамой нестерпимо тесна. И он съехал.

Он работал на автобазе, жил в общежитии. С подружкой не залетел, а потому и не женился. Перспектив в Куйбышеве не было, разве что сунуться в какую-нибудь группировку из тех, что дрались за автозавод. И тут из города Батуева пришла открытка от Лихолетова. Серёга писал энергично и кратко: «Немец приежай. Делаю дела. Хату подганю. Давай короче. Дембеля не бывает».

Герман дембельнулся в 1986 году, а Серёга – через год. Переписка у них не срослась, и теперь Герман сомневался: кем стал Серёга Лихолетов? Может, коммерс, а может, и бандюк. Он ведь без тормозов.

Герман с почтамта по междугородке позвонил в Батуев.

– Ссышь, Немчура? – заржал Серёга, будто они расстались позавчера, и Герману от Серёгина хамства опять стало спокойно и весело, как там, возле кишлака Хиндж. – В сортире глаза велики! У меня тут мафия, понял?

После дембеля Серёга работал инструктором в райкоме комсомола, вёл военно-патриотическую работу с ветеранами Афгана. Год назад он учредил «Коминтерн» – Комитет интернационалистов. «Коминтерн» стал структурой, объединяющей «афганцев», которые как-то крутились и устраивались при деле: кооператоры шили джинсы и шапки, коммерсанты торговали мебелью и аппаратурой, «челноки» везли ширпотреб из Турции и Китая и секонд-хенд из Европы. Для «афганских» бизнесов «Коминтерн» оказался сразу всем – и банком, и «крышей», и фондом трудовых резервов.

Ветеранские союзы пользовались преференциями, и «Коминтерн» влез в финансовые учреждения: втёрся на промышленные предприятия и подмял под себя городскую товарно-сырьевую биржу, где брокеры «афганцев» по бартеру толкали цветной металл. «Коминтерн» укреплялся, и всей его махиной рулил Серёга. Впрочем, простоватый Немец в экономике не сёк.

– По-братски говорю, у меня всё можно, – пояснял Серёга по телефону.

– Я подумаю, Серёга, – пообещал Герман.

– Подумает он, деревня! – обиделся Серёга. – Наберут детей в морфлот!

На Германа произвела впечатление новая размашистая самоуверенность Серёги. Хотя Лихолетов всегда был на понтах... Герман честно позавидовал: ему тоже захотелось разогнуться и не тесниться сбоку от чужой жизни.

От Куйбышева до Батуева поезд шёл почти сутки. Герман забрался на верхнюю полку плацкарта 19 августа 1991 года, а сошёл с поезда днём 20 августа. Про путч он не знал. Его интересовал город, где он будет жить, а не страна. Батуев во многом напоминал Куйбышев, только не хватало Волги и дореволюционной застройки – обветшалой, но красивой. Советский промышленный миллионник. Больше, вроде, и сказать нечего.

Герман ехал в дребезжащем трамвае и рассматривал город. Рафинадные башни проспекта, породистые «Икарусы», стеклянный ящик ЦУМа, пёстрые шатры кафе на бульварах и девушки с эскимо. Здание облсовета напоминало бетонный аккумулятор. Возле театра с колоннами воздел руки памятник какому-то композитору. В перспективе улиц промелькнули сверкающий пруд с дебаркадером и зелёный ЦПКИО, над которым торчало колесо обозрения.

Тополя Батуеву были не по росту, улицы – не по размеру. За длинными оградами прятались прорехи долгостроев. Большой, но какой-то неуклюжий город застенчиво заслонялся плечами поставленных наискосок высоток. Он не умел показать себя, не умел встретить гостей, не умел развлечь хозяев.

«Коминтерн» Лихолетова гнезвился во Дворце культуры «Юбилейный», по телефону Серёга называл его «Юбиль». Громоздкое трёхэтажное здание занимало центр площади и

очертаниями напоминало бульдозер. Стекланный фасад безжалостно сверкал на полуденном солнце, как нож.

В просторном фойе Герман сразу понял, что всякие там студии бального танца у «Юбиля» в прошлом. Дворец был набит «афганцами». Пахло табаком и перегаром. Среди штабелей из коробок стояли раскладушки со спящими, люди лежали на полу на матрасах. Видимо, «Юбиль» жёстко бухал всю ночь.

Второй и третий этажи выдвигались в атриум фойе балконами, оттуда звучали голоса и бречанье гитар. Герман с чемоданом осторожно пробрался к лестнице, ступая как на поле боя между ранеными и убитыми.

На втором этаже несколько компаний продолжали пьянку.

– Земляки, где Лихолетова найти? – спросил Герман у парней, которые курили, опасно рассевшись на перилах балкона спинами в пустоту.

– На третий этаж и налево по коридору. Он у себя на «мостике».

«Мостиком» называли кабинет, который Серёга приспособил себе под жилище. Перед «мостиком» в курилке находился контрольный пост – здесь дежурила Серёгина охрана. Сейчас бойцов было четверо: Макс Дудников по прозвищу Дудоня, Жека Беглов, Темурчик – Темур Рамзаев и Витя Басунов. Они пили пиво и перекидывались в карты. На тумбе в углу видак беззвучно крутил заезженный и обесцвеченный боевик с восточными единоборствами.

– Стоять! – тормознул Германа Басунов.

Это была их первая встреча, и оба они сразу не понравились друг другу.

– Мне к Лихолетову, – пояснил Герман. – Он меня сам пригласил.

Басунов строил свой авторитет на доступе к командиру: он придумал для себя правила, по которым следует пропускать к Лихолетову, но держал эти правила в тайне даже от Серёги, однако твёрдо карал нарушителей.

– Пригласил – хорошо, – сказал Басунов и вышел из курилки в коридор, перегораживая Герману дорогу. – Пстой и подожди, когда он позовёт.

– Он же не знает, что я здесь, – рассудительно заметил Герман.

– Ну, ты как-нибудь определись, приглашал тебя Сергей или нет.

Герман разглядывал Басунова. Парень тренированный и крепкий. Морда русская, приятная, только очень напряжённая и застывшая. Длинную косую чёлку, обесцвеченную по моде, Басунов культурно закладывал набок.

– Я что-то не понял прикола, – холодно сказал Герман, хотя всё понял.

– Так погуляй и подумай.

Басунов, конечно, знал, что он не прав. Но задержать человека, которого ждёт Серёга, означало поставить себя выше Серёги, а это было приятно.

– Серый! – закричал Герман, не желая отталкивать Басунова. – Серый!..

Басунов в досаде сам толкнул Германа в грудь. Герман отлетел назад и чуть не упал, взмахнув чемоданом. Охранники в курилке вскочили на ноги.

– Чего творите, хандроиды?

Серёга Лихолетов стоял в коридоре – босой, в камуфляжных штанах и в майке-тельняшке. Он был лохмат, небрит, с мощным коньячным выхлопом.

– Немец? – удивлённо спросил он. – Й-ёпс!.. Бегом сюда, боец!

Он распахнул руки и крепко облапил Германа. Герман ответил тем же.

Это был всё тот же Серёга, из тех бешеных дней у развалин Хинджа.

– Пошли ко мне, сука, – отстраняясь, восхищённо сказал Серёга. – Ну ты п-поршень ваще, я скажу! Виктор, запомни моего друга, зовут Немец, понял?

Басунов пожал плечами, не отводя взгляда. Серёга усмехнулся:

– Это, бля, такой у меня начальник охраны. Помнишь шутку: «поставьте шлагбаум или толкового подполковника»? Про тебя смехуёчек, Басунов.

Басунов молча вернулся в курилку. Он остался вполне доволен стычкой: командиру пришлось за него извиняться – значит, он нагнул командира.

Серёга завёл Германа к себе, закрыл дверь и завершил тему:

– В общем, не напрягайся из-за Виктора. Он у меня овчаркой работает.

«Мостик» был кабинетом на два окна. На подоконнике – электрочайник и подгорелая плитка. Тахта покрыта байковым одеялом в пододеяльнике, будто в купейном вагоне. Журнальный столик со стопой столовой посуды, литровая банка с букетом ложек. С полок книжного шкафа торчали обувные коробки, в которых Серёга хранил свои вещи. За шкаф был задвинут рюкзак.

Большой стол в виде буквы «Т» – такие, наверное, бывают у секретарей обкомов – загромождали грязные тарелки на газетах, стаканы и бутылки.

– Снаряды кончились... – пробурчал Серёга. – А «тигры» атакуют...

Он отыскал бутылку, в которой бултыхалось, и плеснул в стакан. Среди тарелок тихо шипел транзисторный приёмник. Серёга покрутил верньер.

– Батарейки за ночь сдохли... Как там наша контрреволюция, Немец?

– Какая?

– Да вчерашняя. ГКЧП. Путч вонюч и злобуч. Я «Коминтерн» по тревоге поднял, то-сё, боевая готовность. «Эхо Москвы» слушали. Но раз уж собрались вместе – заодно и бухнули... «Коминтерн» за Горбачёва.

Серёга посидел, ожидая, когда опохмелка расправит его изнутри.

– Накати давай писюрик, – предложил он. – И я тебе «Юбиль» покажу.

Охрану Серёга оставил возле «мостика», но дверь на «мостик» запер. Он повёл Немца к служебному подъезду и вниз по лестнице – на первый этаж.

– «Юбиль» – весь «коминтерновский», – рассказывал он. – Считаю, что я просто отжал у города Дворец. Пионерию и пенсильванию отсюда выпер.

– А куда им?

– А куда нам? Мои-то работают, а не фишки двигают. Штас тут конторы всяких фирм моих парней. Часть помещений беру в аренду, а пустующими нахаляву пользуюсь. Рядом-то с нами никто не арендует. Боятся «афганцев».

На первом этаже Серёга открыл боковую дверь и пропустил Германа в большой спортивный зал с тренажёрами в два ряда. На многих занимались.

– Наш кач, – пояснил Серёга. – Парни тягают железо, набивают банки. В «Коминтерне» есть боевое крыло. Без бойцов сейчас никуда. В городе самая борзая группировка – у Бобона, такой типа блатарь. За вокзалом поднимается группировка спортсменов. Есть черножопые, есть залётные, есть отморозки.

– У вас в Батуеве – как у нас в Тольятти на автозаводе. Это плохо.

– Не бзди. Мой «Коминтерн» всех круче, у меня армия. Бойцов спецом на убой кормим, а остальные всегда готовы к мобилизации. Все разделены на боёвки, если тревога – каждый знает своё место и своего командира.

– То-то у тебя весь «Юбиль» бухает, – поддел Герман.

– И что? – усмехнулся Серёга. – Забыл, как мы сами родину защищали?

Да, там, под Гиндукушем, они с Серёгой пили как проклятые...

Возле пустого тренажёра, подкручивая специальным ключом какую-то блестящую гайку, стоял тренер – сидящий, благородно-красивый мужик в костюме «Адидас». Он был высокий и стройный, словно стрелок из лука.

– Ярослав Саныч Куделин, – не пожимая тренеру руки, сухо и даже слегка насмешливо представил Серёга. – Верховный начальник этого зала.

– Какой я начальник, если мне никто не подчиняется? – надтреснутым и громким голосом раздражённо ответил тренер. – Лодягин так и не пришёл противовес перетянуть! Пружину рвать он может, а ремонтирует пусть дядя?

– Саныч, я ведь уже объяснял тебе, – сдерживаясь, сказал Серёга. – Гоша Лодягин – из Штаба, он не будет в зале вверх воронкой стоять. Нехер тебе с ним меряться, кто из вас важнее. Возьми с него бабки и вызови мастера.

– Вообще нельзя так к инвентарю относиться!

– Нельзя, кто спорит? Но мозги Лодягину чинить буду я, а не ты, а ты почини тренажёр. Устроил тут кусалово из-за какой-то херни.

– Инвентарь не херня! – со скандальным раскатом заявил Куделин.

– Всё, залепили контрабасы, – отрезал Серёга. – Где Татьяна?

Тренер как-то сник, отвернулся и забрякал ключом по блестящей гайке.

– У меня в тренерской, – глухо ответил он.

Серёга прошёл в комнату тренеров, а Герман по инерции – за ним. Здесь стояли стеллажи с какими-то спортивными снарядами, шкафы с наградными кубками, стол. Девочка лет пятнадцати мыла в умывальнике стаканы. Узкие плечики, тонкая русая косичка, неяркое и нежное лицо, бледные губы.

– Здорово, Татьяна, – Серёга приобнял девчонку за талию, поцеловал в скулу и оглянулся на Германа. – Это, Немец, её батя был. Говнистый мужик – ты не обижайся, Тань, правду говорю. Разбодался с Гошей из-за тренажёра. Оба бараны, блин. Один орёт: «Зал закрою!», другой орёт: «Уволю!»

Серёга привычно потискал девочке зад. Таня словно ничего не заметила; она смотрела в раковину умывальника и вертела гранёный стакан под струёй воды. Герману эта девочка показалась холодной, надменной и равнодушной. В её недозрелости чудилась жёсткость почти несъедобного раннего яблока.

– Когда мне булки оттрастишь нормальные, а, Татьяна? – ласково и по-хозяйски спросил Серёга. – Как домоешь, сходи в «Баграм», там нам чё-то испекли на вечер – возьми и принеси на «мостик». Пошли дальше, Немец.

Герман поскорее вышел из тренерской. Ему неловко было смотреть, как наглый Серёга бесстыже лапает Таню Куделину. Неужто Лихолетов имеет какие-то отношения с малолеткой? Хотя Серёге закон не писан, а малолетка, похоже, в жизни бестрепетно перешагивает через ступеньку.

Серёга и Немец пересекли спортзал, направляясь к выходу. Саныч что-то объяснял потному парню, зажатому в пыточных объёмах тренажёра, и сделал вид, что не заметил Лихолетова. Серёга понимающе усмехнулся.

– Ну, блин, скотобойня! – изумился он, когда оказался в фойе, где среди коробок отсыпались упившиеся «коминтерновцы».

Серёга бесцеремонно распахивал коробки и раскладушки, прокладывая путь от дверей спортзала к лестнице на второй этаж, и ворчал:

– Напрасно мы со Штабом созвали эту популяцию... Всё из-за путча...

– А что у тебя за Штаб?

– Я же не один руковожу. В одиночку напряг. У «Коминтерна» – Штаб. Кто за бизнес отвечает, кто за социалку, кто за финансы. Саня Завражный по властям ходит. Егор Быченко командует бойцами. Игорь Лодягин, который тренажёр сломал, – секретарь. Всех выбирают на три года. И меня тоже.

Герман не ожидал, что у Серёги так по-настоящему. Сам-то он не сумел организовать себе место под солнцем, а вот Серёга – сумел. И себе, и другим.

– Что ещё у меня? – продолжал Серёга, поднимаясь по лестнице. – Там – кафе. Было «Топаз», стало «Баграм». Типа аэродром, где все приземляются. Там – кинозал. Городские в

«Юбилей» не ходят, мы сами себе кино крутим. В «Юбиле» не только работа и кач, но вообще место сбора. Парни просто так околачиваются, если делать нечего. Видак посмотреть, побазарить, бухнуть.

Серёга вывел Германа на балкон второго этажа. Здесь все компании уже слились в одну, и в толпе, кивая кудлатой головой, бил по струнам и рыдал гитарист, а ему подпевали грубые, хмельные, неумелые голоса:

– Помни, товарищ, ты Афганистан! Зарево пожарищ! Крики мусульман! Грохот автомата! Взрывы за рекой! И того солдата, что хотел домой!

Всю стену над кучей поющих «афганцев» занимала большая мозаика – крейсер «Аврора». А дальше, возле второй лестницы, располагался зимний сад Дворца культуры. Сквозь декоративные решётки ограды торчали острые листья пальм, звонко щебетали в клетках разноцветные тропические птички.

На третьем этаже Серёгу остановил высокий парень-калмык.

– Серый, сегодня же вторник, рабочий день! – с упрёком накинулся он на Серёгу. – Мне подпись твоя нужна под поручительством! Дела не ждуть!

– Запомни эту суку, Немец, – сказал Серёга. – Это Каиржан Гайдаржи. Он, блядь, родину продаст и сам упакует. Между прочим, член Штаба. У него под «Коминтерном» своя контора, называется «Факел». Бизнес. Типа как всей фирмой по друзьям собирают гондоны на переплавку.

– Ты прикалываешься, а у нас всё буксует! – заулыбался Гайдаржи.

– Я тебе сказал, Каиржан, что «Коминтерн» в поручители я не запишу! Чего ты там мудишь со своим Бобоном? Чего вы там ещё скоммуниздили?

– Серый, всё чисто! – Каиржан убедительно вытаращил раскосые глаза.

– Нихера. Ищи других. «Коминтерн» вышел из ваших учредителей.

– А ещё, блядь, «афганское братство»! – вслед Серёге укорил Каиржан.

– Не гони, – надменно ответил Серёга. – У тебя подстава для «братства».

Серёга провёл Немца по коридору мимо кабинетов, где за обычными конторскими столами сидели совсем обычные женщины, и остановился возле двери с табличкой «Заубер Семён Исаевич. Директор Дворца культуры».

– Единственный, к кому я стучусь! – шёпотом сказал Серёга и культурно постучал в косяк костяшками пальцев. – Заубер – хозяин Дворца! Мозг!

Семён Исаевич оказался невысоким пожилым человечком с трагическим еврейским лицом: морщинистый и седой, но чернобровый и глазастый.

– Меня Сергей Васильевич гонит, а я всё цепляюсь, – сердечно сообщил он Герману, пожимая руку. – Видите, молодой человек, часы? – В шеренге полированных шкафов югославского гарнитура возвышалась дубовая башня с циферблатом и медным маятником величиной с тарелку. – Моё сокровище. Двойной бой!.. Куда мне его деть? Я в общежитии живу! Держу часы здесь, а сам караю, как последняя собака. Да ещё вот монстера, – Заубер указал на огромное доисторическое растение в бочке. – Детей нет, и она мне как дочь.

– Детей нет, а внуков шестеро, – сказал Серёга. – Иди сюда, Немец.

Он подвёл Германа к окну и сдвинул штору. Внизу был внутренний двор «Юбилея», где стояли два старых автобуса с облезлыми крышами.

– «КАВЗик» – это «трахома». С первого дня у «Коминтерна». Водила – Андрюха Воронцов. А «Кубань» мы недавно купили. Знаешь, как прозвали? «Барбухайкой», – Серёга испытующе посмотрел на Германа. – Пойдёшь на «барбухайку» шоферить, Немец? Дам общагу и членство в «Коминтерне».

Герман молчал, размышляя.

– Или ты думал, что я тебя сразу в Штаб включу и квартиру выделяю?

Конечно, Герман думал, что Серёга сделает предложение повыгоднее... Хотя, вообще-то, с чего? Они столько лет не виделись. Всё так изменилось...

– Серый, спасибо, – сказал Герман. – Я согласен.

Они спустились во двор и залезли в раздолбанную «Кубань». В Афгане «барбухайками» называли пассажирские грузовики с высокими кузовами. Эти чудища ездили без правил, а возили сразу и людей, и скот. Серёга сел в салоне на диванчик, достал плоскую фляжку коньяка и складные стопочки.

– Садись, – предложил он Немцу. – Дошёл патрон, мишени чешутся.

Серёга хотел, чтобы Немец понял: он получит не только работу и жильё, но и самое большое благо – возможность общения с ним, с Лихолетовым.

– Серёга, а насколько у тебя тут всё надёжно? – спросил Немец.

– В смысле?

– Ну... В Москве заваруха – и ты сразу же бойцов мобилизовал...

– А-а, это... Это херня. «Коминтерн» ведь вовсе не на бизнесе держится. Бизнес – просто потому, что при Горбачёве можно. А «Коминтерн» держится на «афганской идее». И она всегда будет работать, хоть при какой власти.

– Что за «афганская идея»? – недоверчиво спросил Герман.

– Идея, Немец, в том, что «афганец» всегда поможет «афганцу». Как там было, помнишь? Прижмут басмачи пехоту на седловине – к пацанам сразу помощь: с неба вертушки летят, по дороге бэтээры катят, из-за хребтов по бородастым «грады» работают. Все друг другу помогают, так положено.

– Ну, было, – неохотно согласился Герман. – А здесь это при чём?

В «барбухайке» пахло пылью. Серый снова разлил коньяк по стопочкам.

– «Афганская идея» – братство. В Афгане мы были братья по Союзу и на этом воевали. А в Союзе мы братья по Афгану и на этом делаем дела.

– Какие?

– Да какие обычно. Какие по закону разрешается. В основном разный бизнес: кооперативы, эспэшки, «челноки», кредиты, биржа. Ещё всякий собес и «гуманитарка». Да можно дохера всего, Немец. Тебя везде поддержат. Коммерс-«афганец» тебе всегда в долг даст, поверит, поручится. Мент-«афганец» твою жопу прикроет. Бандос-«афганец» на тебя не полезет. Любой начальник тебя выслушает, если его самого как-то Афганом задело, посоветует, познакомит с нужными людьми. Вот и работай. Зелёный свет!

– А я подумал, ты что-то вроде бригады сколотил, – признался Немец.

– Здесь, в Батуеве, многие так думают, – согласился Серёга. – Мы же не терпили. Мы нагибаем, кого надо. Каких-то – крышуем. Ставим себя жёстко. Но не грабим и не отжимаем. Живём по закону – обычному, а не воровскому, и других тоже заставляем по закону жить. Пинком под срандель.

– Виннету – вождь апачей, – усмехнулся Герман.

– Ну, да, сын Инчу-Чуна, – Серёга весело оскалился, а потом посмотрел Немцу в глаза: – Короче, знаешь, что такое «Коминтерн»? Никому не говори, военная тайна. Это землячество по войне. Похеру, какая была война. Похеру, герой ты там был или чмordiaй. Зато тебя здесь свои не кинут. Сведи в систему свои силы и «афганскую идею», и получится «Коминтерн».

– Ты сам такое придумал? – Герман был поражён Серёгиной стратегией.

– Я же в душе генерал, – самодовольно ответил Серёга.

А Немец ещё там, под Гиндукушем, понял, что он в душе – солдат.

* * *

За полтора месяца Герман не успел выучить улицы Батуева, и потому Серёга сейчас стоял у него за спиной и подсказывал:

– За гастрономом сворачивай направо. Теперь налево – до бани. Прямо.

Осень в этом году получилась какая-то ярмарочно развесёлая и свежая – наверное, потому что деревья в запущенных скверах разрослись привольно и дико. Серые стены панельных многоэтажек окрасило отсветами петушиных хвостов. Улицы переметало разноцветными фантиками палой листвы, точно затягивало в карусель. Бульвары казались пёстрыми матрёшечными рядами.

От «Юбиля» отъехала целая автоколонна с «афганцами»: «барбухайка», «трахома» и три автобуса-пазика, арендованных «Коминтерном». Колонна покатила на окраину Батуева – в Шпальный посёлок возле Сортировки.

Для Германа это было первое дело в «Коминтерне», и он волновался, как школьник: всё напоминало начало учебного года – осень, новые люди, новые темы. Автобус подбрасывало на ухабах; парни в салоне курили, материли разбитую дорогу и взвинченно гоготали. В колонках по-блатному хрипел шансон, набирающая обороты модная группа «Лесоповал», – это помогало озвереть и распоясаться. «Коминтерн» ехал избивать торгашей Шпального рынка. Силовыми акциями «афганцев» руководил Егор Быченко – Бычегор.

Город Батуев жил при железной дороге: двумя главными предприятиями были тепловозный завод и «Электротяга», комбинат силовых агрегатов. Но важнее оказалось то, что через город проходил поезд Ленинград – Улан-Батор, который в Монголии менял номер и шёл до Пекина. На рынке Батуева встречались потоки китайского ширпотреба и скандинавского секонд-хенда.

Руководства у рынка не было, люди просто приходили на пустырь за Шпальным посёлком на Сортировке и продавали шмотьё с рук поштучно или кучами. Бандюки Бобона пробовали подгрести рынок под себя, но рынок утекал сквозь пальцы. Его невозможно было контролировать: территория не огорожена, торговля мелкооптовая, а торговцев тыщи – они то являются, то не являются, постоянных мест нет, никого не отследишь и не выловишь.

Серёга придумал, как «Коминтерну» овладеть барахолкой на Шпальном. Для этого надо ввести неуправляемое торжище в устойчивые и регулярные формы. Лихолетов и Штаб определили эти формы, и далее требовалось силой загнать торговцев в подготовленный вольер. За этим сейчас и ехали бойцы.

Улица, которая вела на Шпальный посёлок, была просто бетонкой через трущобы пригорода. В районе рынка по её обочинам двумя тесными рядами выстроились легковушки. Вдали виднелись решетчатые мосты и фермы, крыши пакгаузов и багажных дворов. Вдоль длинной железнодорожной насыпи, размеренной столбами, на пустыре гомонила огромная толкучка.

Дорогу автоколонне перегородили два мощных грейдера «Кировец». «Афганцы» выбирались из автобусов на бетонку, разминали плечи и руки гимнастическими движениями. Было солнечно и прохладно. Сквозь шум базара доносились свистки локомотивов и голос диспетчера на Сортировке.

Серёга, прищуриваясь, разглядывал просторную барахолку.

– Объявляли этим чертям, что рынок закрывается, предупреждали, – и нихера их не проняло, – удовлетворённо сказал Серёга. Его радовало, что противник не покинул поля боя и не уклонился, воодушевлял масштаб дела.

Горисполком и управление железной дороги не раз пытались запретить столпотворение «на Шпальном», но «челнокам» было удобно сбывать товар неподалёку от складов, а горожанам место нравилось, и плевать на запреты.

– Вон ту халабуду видите? – Серёга обратился сразу ко всем парням.

Ближе к станции стояла сквозная трёхэтажная громада недостроенного товарного терминала: горизонтальные плоскости и колонны вместо стен.

– Говорите всем, что с завтрашнего дня рынок работает только в этом здании. Вход платный, но порядок мы гарантируем. Рэкета не будет.

Серёга Лихолетов, настойчивый и предприимчивый, выяснил, что брат замначальника Батуевского железнодорожного узла – инвалид Афганистана. Пограничник с Пянджа, командир мотоманевренной группы, в рейде он подрывался на mine и остался без ноги ниже колена. А у Серёги было что предложить таким инвалидам для ускорения жизни. И замначальника узла у себя в конторе продвинул Серёгин проект.

Дорога подписала соглашение, что недостроенный товарный терминал бесплатно передаётся «Коминтерну» в пользование на пятнадцать лет. Потом «Коминтерн» зарегистрировал на себя новое предприятие – рынок. Доходы от рынка шли на счета «Коминтерна». «Коминтерн» обретал независимость.

Заброшенный терминал «афганцы» прибрали, склотили трапы вместо лестниц, приварили решётки вместо стен. Получился торговый центр для «челноков». Тут «Коминтерн» мог охранять своё стадо от волков и спокойно стричь шерсть. Оставалось перевести баранов на это пастбище. Но бараны не хотели уходить с прежней поляны – они просто не понимали ситуации. И Серёга решил загнать баранов палками. Так он прибирал ресурс к рукам.

– Готовы, туловища? – с презрением спросил Егор Быченко, командир «коминтерновских» боевиков. – Разбираемся по боёвкам. Руки-ноги лохам не ломать, бить только по жопам. Задача – выгнать всех, чтобы обосрались и не вернулись сюда никогда. Их место там, где приказал Лихолет, – в терминале.

Быченко бравировал армейской грубостью. Он был невысокого роста, а бодибилдингом довёл себя до того, что казался вообще кубическим: руки в толщину равнялись ногам. Все знали, что он жрёт стероиды и курит анашу. Его принимали за добродушного силача – и напрасно. Вопросы он решал упорством и силой. То, что сделано силой, он считал сделанным правильно.

– Виктор, со мной Немец останется, он ещё «черпак» в наших делах, – сказал Серёга. – А ты забирай своих волкодавов и шуруй к Бычегору.

– Понятно, к Бычегору, – повторил Басунов.

– Смотри, салабон, идём в психическую атаку. Последний день Бомбея!

Герман не мог оценить, сколько человек топчется на рынке. Он видел пространство в несколько футбольных полей, сплошь заполненное людьми. Продавцы располагались неровными шеренгами; одни стояли, другие сидели на туристических стульчиках; товар показывали с рук или раскладывали на ящиках, заменяющих прилавки. В толпе громоздились машины: фургоны с раскрытыми дверями, грузовики, торгующие из кузова, маленькие пикапы.

Герман догадывался, что на самом деле пространство барахолки чётко структурировано и поделено. В одной стороне продавали пуховики и куртки, в другой стороне – обувь; в одной зоне – аппаратуру, в другой – бельё. Места и границы были обозначены затоптанными досками, колышками, кирпичами, покрышками. Продавцы окликали покупателей, расхваливали товар, курили, помогали примерить, считали деньги, ссорились, пили чай из термосов.

Тётки в куртках и беретах, с турецким загаром и в беспалых перчатках трясли импортной синтетикой химически-ярких цветов. Интеллигентные мужчины в кепках с наушниками предлагали букинистические редкости. Бабки из деревень, в платках и телогрейках, безменами взвешивали картошку и вертели из газет кульки под семечки. Работяги в спецовках раскладывали на лоскутах замасленного брезента ка-кие-то грязные железные узлы. Старик, дрожа от похмелья, продавал орден. Парни с ухмылками сутенёров переминались возле коробок с видами «Сони» и блоками «Мальборо».

В гомоне и суете рынок не сразу осознал, что начинается заваруха: на дороге завывали сирены-ревуны, как при воздушной тревоге. Люди умолкали, озадаченно прислушивались – и слышали голоса, усиленные динамиками: «Рынок закрывается! Всем покинуть территорию! Торговля переносится в здание терминала!» А потом люди увидели, что от дороги в толпу двинулись высокие кабины грейдеров. И тогда скопище народа задёргалось в судорогах паники: «Это “афганцы” устроили погром! Бегите! Бегите! Они идут!»

– Боятся нас, моральных уродов, – злорадно заметил Серёга. – Как они к нам, так и мы к ним. И не жалко нихера. Да, Немец?

Герман, как и любой «афганец», знал, что их, ветеранов, часто считают калеками: их изувечили бесчеловечные порядочки армии, лживая идеология государства и безнаказанность того насилия, которое они творили в Афгане.

Дудоня и Вован Расковалов в упоении крутили рукояти ручных ревунов. Серёга, ухмыляясь, с восхищением смотрел, как грейдеры, мигая маячками и квакая клаксонами, медленно прут на народ. За рычащими грейдерами, словно автоматчики за танками, шагали бойцы Быченко: в руках у них были гибкие хлысты – велосипедные цепи, толсто обмотанные изолентой.

Толпа ошеломлённо попятилась перед грейдерами. Люди поняли, что их просто вытесняют с пустыря: грейдеры не остановятся, а «афганцы» врежут по шее, если не уберёшься отсюда. Покупатели кинулись в разные стороны, а продавцы, матерясь, принялись лихорадочно распахивать свой товар по сумкам и коробкам, сгребать в охапки.

Егор Быченко обогнал грейдер и вломился в сутолоку: левой рукой он выхватывал у торговки вещи – куртки на плечиках, джинсы на держалках – и швырял под ноги, а в правой руке у него была цепь, и он хлестал орущих тёток по круглым бокам и по широким задкам и насмешливо приговаривал:

– Торгуй, где разрешают, мамаша! Торгуй, где разрешают!

Только в таких акциях Быченко ощущал, что «Коминтерн» существует и занимается нужным делом, и потому одобрял любое применение силы.

Другие парни-«афганцы», смеясь, тоже лезли в толпу и махали цепями.

– Круто, блин! – признал Серёга. – Немец, пошли за нашими.

«Афганцы» гнали торговцев прочь от бетонки, хотя не имело значения, куда гнать, лишь бы сорвать с места. Страх взбудоражил всех. Люди, очумев, носились, сшибали друг друга с ног, топтали вещи. Никто не сопротивлялся погромщикам, но порой из толпы истерично выкрикивали: «Нелюди!», «Фашисты!», «Привыкли в Афгане грабить и насиловать!»

В суматохе уже сноровисто шныряли мародёры – те, кто сообразил, что под шумок можно урвать добычу. Какая-то женщина, спотыкаясь, катила по ямам велосипед. Мужчина в пальто упал на четвереньки и что-то колул в земле. Два парня, семена, упрямо тащили из давки коробку с телевизором. Уползали машины: на рытвинах высокие фургоны опасно раскачивались. Всё пространство было взболтано хаотичным, бессмысленным мельтешением.

– Смотри, Немец, никто не защищается, – пренебрежительно заметил Серёга. – Точно – бараны. Вон по рельсам дрыгнули на станцию...

Дальше всех оторвался от своих Басунов. Он уходил вперёд в одиночку, провоцируя, чтобы на него напали. Он хотел, чтобы противник был перед ним виноват – тогда сам он автоматически чувствовал себя правым.

В переполохе общей эвакуации Басунов наткнулся на парня, который собирал рассыпанные по земле грампластинки в ярких импортных конвертах. Басунов опустил берц на конверт с надписью *“Def Leppard”*. Под ботинком захрустело. Парень вскинулся: это был длинноволосый неформал с бородкой.

– Вроде блядь, а с бородой! – деланно удивился Басунов.

Музыкой он не интересовался, а доморощенных нефоров терпеть не мог. Для Басунова их понты означали, что эти сосунки присвоили право раздавать оценки, что хорошо, а что плохо, но право на такие оценки Басунов ревниво считал исключительно своим, потому что заслужил его в Афгане.

Басунов давил берцем диски – *“Scorpions”, “Rainbow”, “Deep Purple”*.

– Да вы же просто гиббон... – с тихой ненавистью сказал нефор.

Басунов стегнул его цепью поперёк плеча, чтобы сломать ключицу.

– Садист! – закричал нефор, кривясь набок. – Вы все в Афгане садисты!

Басунов тотчас размахнулся цепью, ощущая себя полностью свободным. Длинноволосый нефор кособоко бросился прочь, и Басунов ринулся за ним.

«Афганцы» зачистили уже половину территории. Грейдеры двигались, словно тралы: их огромные рубчатые колёса ломали доски и давили коробки, бульдозерные ножи сгребали ящики и крыши, волочили грязное тряпье. За «афганцами» оставалась просто свалка: рваная одежда, пластмассовый лом, сплюснутые флаконы, мятая обувь, блестящие ключья упаковок. Среди мусора бродили потрясённые люди, что-то подбирали, отряхивали. Пожилая женщина в пальто с оторванным хлястиком сидела на земле и плакала:

– Я же... Я же их в школе читать-писать учила... А они меня бьют...

Серёга поддел ботинком и вывернул искалеченную куклу. Он понимал, что испытывают люди, которых избили, ограбили и прогнали. Эти люди привыкли иметь достоинство, их уважали на работе, их называли на «вы», – и вдруг они поняли, что они скот, для которого есть пастухи. Оскорбительно.

В Афгане он тоже прошёл через такое потрясение, когда осознал, что он – «туловище», как говорит Бычегор. Им распоряжаются командиры, как хотят; его могут принести в жертву или потерять – и никому за это ничего не будет. Он – копейка в чужом кошельке. Но ведь он смог выстоять, он вернул себе право распоряжаться своей жизнью. Пусть и другие борются.

– За Афган вас судить надо, а за это вообще расстрелять! – крикнул Серёге какой-то мужчина с детской коляской, переделанной в тележку.

А на окраине рынка Басунов всё ловил волосатого нефора. Этот пидор гибко проскакивал в суете между людей, а Басунов расшвыривал встречающих. Волосатик вылетел из толпы и побежал по склону железнодорожной насыпи. Над ним медленно катился длинный грузовой состав. Басунов тоже вывернул на склон – вот уж здесь-то он быстро догонит козломордого мудака.

Нефор оглянулся, понял, что «афганец» не отстанет, и бросился выше, к поезду. Сплошная череда вагонов прерывалась просветами пустых открытых платформ; беглец подождал такую платформу и через борт ловко взобрался наверх. Он метнулся на другую сторону, соскочил вниз – и тут Басунов увидел, как за колёсной парой по шпалам кубарем прокрутились руки-ноги. Крик, если он и прозвучал, затерялся в стуке и лязге состава.

Басунов остановился, тяжело дыша. Поезд долго тянулся мимо него.

Последний вагон унёсся вдаль. Басунов поднялся на рельсы, закурил и пошагал туда, где на смоляных шпалах и на гравии темнели мокрые пятна.

Длинноволосый нефор лежал под насыпью в неглубокой дренажной канаве, полной жёлтых листьев. Жёлтых – и ещё красных, блестящих, будто бы кленовых или рябиновых, хотя за насыпью всеми веточками трепетала берёзовая лесополоса. Парень был жив: он тихо стонал и ворочался, утопая в осеннем опаде, и от его движений багряных листьев становилось больше.

Басунов не стал спускаться и выяснять, чего там беглецу сломало-порвало-отрезало. Он молча смотрел сверху, не испытывая ни жалости, ни злорадства, ни удовлетворения. В душе была только брезгливость, да ещё где-то в самой глубине чуть пульсировала тоненькая жилка страха. Басунов видел кровь в Афгане, но там кровь пугала его почему-то куда больше. Он

щелчком отбросил окурок и пошагал прочь. Никто не заметил, как он гнался за этим мокро-жопиком, никто не видел его тут, на рельсах. Ну и всё.

А территория рынка уже обезлюдела: разбежались почти все, кроме самых пострадавших, которые, отупев, бродили как на пепелище. Грейдеры разворачивались. «Афганцы» возвращались к своим автобусам и оживлённо обсуждали трофеи: кто-то разжился фотоаппаратом, кто-то – утюгом, кто-то – блоком сигарет. Серёга тоже поднял какую-то книгу и глянул на разворот.

– Слушай, немец, прямо про нас стихи, – усмехнулся он: – «Захватили золота без счёта, груды аксамитов и шелков, вымостили топкие болота епанчами красными врагов». Что за хрень – аксамиты, епанчи?

– Не знаю, – Герман оглядывал захламленный пустырь, парней, машины на бетонке. – Думаешь, торговцы сюда вернутся после нашего погрома?

– Сто пудов, – Серёга бросил книжку в кучу мусора. – Куда денутся? И вернутся, и торговать в терминал залезут. На рынке гордых нету, немец.

– А зачем «Коминтерну» рынок?

Холодное солнце летело в небе над пустырём, словно безгрешный ангел.

– Я чувствую, немец, что будет война. У меня на всё такое нюх с Афгана. И мне нужна база. Чтобы я достроил свою экономику и не боялся подставы.

– Что у тебя за экономика, Серый? – осторожно спросил Герман.

– Четверть дохода – доля командира и Штаба. Четверть на «Коминтерн»: транспорт, зарплаты работникам, аренда. Четверть – социалка: матпомощь, пенсии инвалидам, оплата лечения и учёбы, займы. Это чтобы на выборах парни меня и выбирали командиром. А четверть – на развитие бизнеса. Такой расклад, немец, я сам в Уставе «Коминтерна» прописал. Читать надо.

– А я думал, что ты... ну, за идею... – смущённо замялся Герман.

– Работаю я за деньги. Но если меня посадят или убьют – то за идею.

* * *

После восьмого класса Таня ушла из школы и поступила в училище на парикмахера. Вскоре девчонки в учаге пронюхали, что Танька Куделина из группы один-двенадцать – любовница Сергея Лихолетова. Это аукнулось Танюше в конце октября, когда «афганцы» захватили Шпальный рынок.

В группе один-двенадцать лидером сразу стала Неля Ныркова – мелкая нахалка с пышным хвостом и светлыми, широко расставленными глазами. В её свите всегда ходили три-четыре подружки – крупные и простоватые девахи. С этими кобылами Нелька подкараулила Таню в гардеробе учаги, запихала в дальний угол за вешалки с куртками и заявила:

– Ты мне денег должна, шалава, поняла?

– Почему? – пролепетала Танюша.

– Потому что у меня мамка на Шпальном рынке торговала, а ей товар испортили, целую партию! Твоего Лихолетова «афганцы» были!

Конечно, материны неприятности на рынке для Нельки Нырковой были только предлогом, чтобы прощупать Таньку Куделину на сопротивление.

– А сколько мне отдать? – наивно и жалко спросила Танюша.

– Всё, сколько есть.

Деньги на обеды в столовой и на карманные расходы Тане выдавал Серёга. Нелька смело обшарила Танюшу и заодно полапала за грудь – проверила, что в Куделиной интересного для такого опытного мужика, как Лихолетов. Вытащив Танюшин кошелек, Нелька забрала деньги, зыркнула своим девахам – «Потом поделим!» – и сунула добычу себе в сумку.

– Она в лифон чего-то напихивает, чтобы сиськи были, – презрительно сообщила Нелька фигуристым подругам, и те засмеялись.

Нелька толкнула Танюшу в плечо:

– Теперь каждый день всё будешь отдавать мне, овца.

Танюша никого не могла попросить о помощи. Родители отвернулись от неё, друзей не имелось, а за жалобы преподавателям в учаге избивали как за стукачество. Разумеется, был Серёга, Сергей Васильевич, но Таня робела отвлекать его по пустякам, а себя она считала пустяком.

Она покорно отдавала деньги Нырковой и её подругам, которые ловко выщепляли Танюшу то в туалете, то в каком-нибудь глухом коридоре, а сама оставалась без обеда и ходила в учагу пешком. Она пыталась прятаться от своих обидчиц, но у неё не получалось: её всегда отыскивали.

Неля Ныркова преследовала Танюшу Куделину не из-за денег, просто Танюша собою опровергала Нелькину картину мира. Нелька считала, что она очень умная, красивая и горячая – ну, будет такой, когда начнёт встречаться с парнем. И парень у неё должен быть лучше всех. Самый крутой парень у самой крутой девчонки. Самым крутым парнем в Железнодорожном районе был Лихолетов. Но что он нашёл в Куделиной, в овце? Неля ревновала Таню, хотя ни разу не видела Серёгу вблизи. Прессануть Таньку – значит, дерзко потребовать у судьбы, олицетворённой Серёгой: объясни, почему так!

Ныркова грабила Таню две недели, а результата не было. Тогда Нелька велела подругам побить Куделину. Три здоровые девки заперли Танюшу в кабинете и неумело, но сильно поколотили. Таня сидела на полу между парт и плакала. Нелька вытащила деньги из её кошелька и разрешила подругам:

– Берите у неё чего хотите.

Разрешение соблазнило лишь Анжелку Граховскую – красивую девицу, по-женски созревшую раньше возраста. Анжелка опустила на корточки и принялась спокойно копаться в вещах Танюши. Она отложила в сторону пакетик с жевательными резинками, косметичку Тани и какой-то журнал, расстегнула пенал из кожзаменителя и вытащила цветные шариковые ручки.

– Ты чего совсем-то крысятничаешь? – удивилась Нелька.

– Если дают, надо брать, – рассудительно ответила Анжелка.

– А нас её мужик не убьёт? – боязливо спросила другая девица.

– Иди, расскажи муженьку своему! – крикнула Нелька и пнула учебник Танюши, валяющийся на полу. – Если он настоящий мужик, ничего он девчонкам не сделает! – Нелька схватила Танюшу за волосы и дёрнула.

В этот день группа один-двенадцать занималась физкультурой. Девочки бегали вокруг стадиона с тыльной стороны училища. Побитая Таня, которая и так две недели не обедала, одолела два круга, потом сошла с дорожки, села на лавочку и повалилась, потеряв сознание. Её унесли в медпункт.

Медсестра привела её в чувство нашатырём, напоила горячим сладким чаем, расспросила и отослала домой, а сама направилась к завучу.

– Девочка недоедает, – сказала она. – Обморок от анемии.

– Безобразие! – возмутилась завуч. – Буду звонить родителям!

– Не советую, Анна Ивановна, – сказала медсестра. – Зачем вам опасные конфликты? Эта девочка живёт не с родителями, а с Сергеем Лихолетовым, который командир у группировки «афганцев» во Дворце культуры.

– Я не поняла, Наденька...

– Эта девочка – любовница Лихолетова. Считайте, что как жена.

– К-какой кошмар!.. – охнула завуч. – В пятнадцать лет?

Медсестра Надя пожала плечами. Она видела в учаге пьяных девочек, изнасилованных, обдолбанных, беременных. А тут подумаешь – любовница.

– Что случилось с нами, Наденька? – спросила завуч. – Ещё пять лет назад всё было нормально!.. А сейчас? Подростки курят и пьют, прогуливают занятия, на преподавателей ругаются матом!.. Родителей не дозваться!..

– Я пойду, у меня медпункт не заперт, – ответила медсестра.

В тот же день вечером Таня, как обычно, делала Серёге массаж. Серёга лежал на тахте, на животе, голый по пояс, а Танюша в спортивном костюме сидела верхом на его заднице и старательно мяла ему спину. Серёга млеял.

– Может, надо было тебя на массажиста отдать, а не на парикмахера? – прокричал он. – Стрижешь-то раз в две недели, а массаж – каждый день...

Массажировать по-настоящему Танюша не умела, но этого Серёга и не требовал: достаточно было, чтобы ему просто пошевелили мышцы.

Днём Серёге позвонила завуч из училища; она вежливо рассказала про недоедание и обморок Тани и попросила «обратить внимание». Серёга тотчас же поговорил с Танюшей и рассердился: зачем она молчала про этих сучек?

– Чучундра ты глупая, Татьяна! Обо всех таких вещах ты должна сразу сообщать мне! Это ведь не шутки, это предьявы! Кто тебя обижает, тот меня обижает, а я не терпила и наездов не прощаю. Поняла меня?

– Поняла, – тихо ответила Таня.

Жизнь Тани для Серёги была чем-то очень милым, тёплым и чистым – каким-то детским садом. Серёга не принимал всерьёз того, что волновало Танюшу, не придавал значения её отношениям с девочками из группы и её успехам в учёбе, его не интересовали Танюшины впечатления от кино или от историй с подружками, от ситуаций и случаев её повседневности.

Серёга был убеждён, что по-настоящему у Танюши нет ничего, кроме него; это ему и нравилось. Таня казалась Серёге личной принадлежностью, причём такой рискованной, что не всякий крутой мужик решится обладать чем-то подобным – несовершеннолетней девочкой в собственности. Танюша была Серёгиным вызовом всему свету.

– А вы меня любите, Сергей Васильевич? – робко спросила Таня.

При важных или напряжённых разговорах она не могла говорить по-домашнему «Серёжа» и начинала называть Лихолетова по имени-отчеству.

– Конечно, – уверенно ответил Серёга. – Станный вопрос, Татьяна.

На массаже он любил расслабленно порассуждать о своих принципах и убеждениях. Он считал, что Таня ничего не поймёт и никому не разболтает.

– Ко мне сейчас знаешь как ищут подхода? Куча контор к рынку хочет пристроиться, на биржу зайти. У дверей с подарками караулят. Я уже охрану нанял. Всё, блин, набрал силу. Понятно, всякие жучилы засуетились вокруг. Так что, Татьяна, доступ ко мне – это, блин, большая ценность. Кого попало я не подпущу. Если кому-то разрешаю быть рядом, значит, это мой человек, надёжный. У меня сейчас только один вид хорошего отношения – позволять другим делать мне хорошо. Кому позволяю, того, значит, блин, и люблю.

Танюша массировала тренированные плечи Лихолетова и пыталась определиться, кто она для этого самоуверенного и опасного мужчины. Да, Сергей Васильевич не обидит её, любит её, но ведь и кошек домашних тоже любят и не обижают. Сергей Васильевич старше её на шестнадцать лет; он командует не только ею, но даже её отцом. Он вообще всеми командует. У него все – солдаты. И Танюша так поняла свою роль: она – служанка Сергея Васильевича. Она исполняет свои обязанности, а он её защищает. После тех страданий, которые Танюша претерпела из-за побега из дома, ей стало казаться, что защита важнее всего. Пусть без любви, лишь бы не больно.

– А вы не поменяете меня на другую девушку? – осторожно, чтобы не рассердить Серёгу, спросила Танюша о своём главном страхе.

– Не бойсь, – покровительственно сказал Серёга. – Не поменяю.

В ближайшие два-три года этого точно не случится, а дальше Серёга и не заглядывал. С Танюшей ему было хорошо. Таня тешила его самолюбие. За неё он и вправду хоть кому порвал бы глотку. С Таней Серёга был не пацан.

Пацаны бегали, суеились и клеили тёлок. Пацаны понтовались, у кого больше баб. А настоящие мужики не мерялись бабами – не потому что имели много баб, а потому что баб никто уже не считал. Настоящие мужики ценили настоящих женщин, точнее, настоящую женственность. И эта женственность вполне могла воплощаться в одной-единственной женщине. А в Тане Серёга нашёл даже больше, чем женственность. У Танюши было то, чего не было у других девиц, которые вились вокруг него, – превосходство в молодости. Но это ещё полдела. Серёга учуял в Тане тонкий горький вкус: не зная, как это назвать, он угадал непреходящее девичество будущей Вечной Невесты.

Серёга не знал, как ему укоротить обидчиц Танюши. Расстрелять их, что ли? Серёга решил просто показать себя этим злым девкам: увидев, какой он правильный и хороший мужик, девки полюбят его и прекратят изводить его подругу. Серёга не сомневался, что на всех он производит сильное впечатление, и возможность дружить с ним – это крепкая мотивация.

По делам ветеранов Афгана Серёга был знаком с Иваном Даниловичем Чубаловым, полковником в отставке; знакомство переросло в приятельство. Иван Данилович с женой жил за городом, где у него была настоящая усадьба: он управлял охотхозяйством «Крушинники». При казённой работе Чубалов устроил много полезных собственных заведений, в том числе и конюшню.

Серёга предложил девчонкам, обидчицам Тани, в воскресенье поехать с ним и с Танюшей за город – пожарить шашлыки и покататься на лошадях. Дело было в конце ноября, на первые прочные снега. Ранним утром Герман и Серёга во дворе «Юбиля» загрузили в «барбухайку» тяжёлую коробку с продуктами и бутылками, посадили в салон Танюшу и покатали к учаге. У запертых ворот их поджидали девочки, одетые в тёплые пуховики и куртки, – Нелька Ныркова, главная злодейка, и с ней Анжелка, Лена и Наташка.

В городе неспешно светало, сумрачный рассвет словно снимал упаковку с улиц и перекрёстков. Герман вёл «барбухайку» к выезду: с той стороны в небе синели промоины. Ветер обдувал лобовое стекло снежной пылью.

– Я закурю тут? – дерзко спросила Нелька у Серёги.

– В трамвае ты тоже куришь? – поинтересовался Серёга.

– Я же видала, у вас всегда все парни прямо здесь курят.

Нелька закурила, неловко держа сигарету меж растопыренных пальцев. Она поняла, что её позвали пободаться за Танюшу с Лихолетовым – у кого гонора больше. Танюша смотрела в окно, девчонки притихли, и в полумраке салона Нелька осталась как бы лицом к лицу с Серёгой. Серёга улыбался. Он почувствовал, что контакт с этой хулиганкой установлен, надо дожимать.

«Барбухайка» выбралась за город, где просторно белели заброшенные поля, а на плоских, почти незаметных холмах стоял запорошенный лес. Снег, ещё пухлый, лёгкий и воздушный, таял от малейшего прикосновения – заяц проскачет или упадёт шишка. Автобус оставлял на дороге чёрные следы.

Для пикников в «Крушинниках» была выделена поляна, где Чубалов соорудил очаг и деревянную беседку со столом. Герман занялся ржавым мангалом, Серёга и Нелька надевали мясо на шампуры, девочки накрывали на стол. Танюша одна сидела в автобусе, из которого гремела музыка.

– А где лошади? – задирала Серёгу Нелька. – На шашлык пошли?

Девочки в беседке выглядели разноцветно и весело. Они сустились, смеялись и галдели, доставая из картонной коробки припасы для застолья. Анжелка Граховская внимательно разглядывала продукты. В магазинах нет ничего, а тут – колбаса, рыба, сыр, конфеты. Анжелка спокойно рассовала по карманам пуховика несколько консервных банок и упаковок с нарезкой.

Ворочая угли в железном ящике мангала, Герман поглядывал на Таню. Она вроде бы даже и не скучала в одиночестве. Герман подумал, что Таня слишком рано узнала, каковы мужчины, и теперь тихо презирает обыденную жизнь и обычных людей: для неё всё стало мелким и понятным. Интересны ей только герои вроде Серёги Лихолетова. Хотя почему это Танюша узнала мужчин «слишком рано»? Вон девки – уже бабёшки, и тоже небось в курсе, чего надо мужикам, однако не замыкаются в надменном отчуждении...

А Таня просто не знала, что ей делать. Девочки не были ей подругами, и возиться с ними у стола Танюша не хотела. Сергей разговаривал с Нырковой как-то слишком увлечённо, и Танюше от этого было очень-очень грустно. Она просто ждала, когда всё начнётся, а потом закончится, и они уедут.

– И зачем вам всё это надо? – негромко спросила Серёгу Нелька.

Её волновала близость Лихолетова, такого сильного и знаменитого человека. Нельке бесознательно хотелось как-то завязаться с Серёгой.

– Желаю, чтобы вы не третировали Татьяну, – ответил Серёга.

– Танька ваша – овца, – с превосходством сказала Нелька, подразумевая, что она-то, Нелька, не овца: вот на кого надо было обращать внимание.

– Не всем же быть командирами. Скромные девушки тоже хорошие.

– Кому как. Скажите честно, что любите её, да и всё.

– Говорю, – весело подтвердил Серёга: дескать, понимай как хочешь.

– Вам не такая девушка нужна, – уверенно и с вызовом заявила Нелька.

– А какая? – подыграл Серёга.

– Чего вы придуриваете-то! – разозлилась Нелька. – Сами знаете!

– Типа тебя, что ли? – лукаво спросил Серёга. Он видел, что понравился этой дикарке, и был доволен, что правильно рассчитал отношения.

– Да нафига мне-то с вами? – сразу отступая, бурно возмутилась Нелька Ныркова и покраснела. – У меня свой парень есть!

Нельке очень польстило внимание Лихолетова, даже окатило жаром, когда она представила, что крутой командир «афганцев» – её парень.

– Жаль, – сказал Серёга, продолжая расколупывать Нельку.

– А чё вам-то жаль?

– Жаль, и всё, – Серёга многозначительно пожал плечами. Он заронил в сердце Нельки семена надежды, и на этом пока следовало остановиться. – Но учти, красавица, если вы будете гнобить Татьяну, я её просто заберу из удачи.

Получалось, если Нелька на что-то надеется с Лихолетовым, то ей нужно отцепиться от Таньки, а то Серёга переведёт Таньку в другую усадьбу, и Нелька его больше не увидит. Нелька и не поняла, как ловко её усмирили.

– Пойдём шашлыки жарить, – позвал Нельку Серёга.

Распогодилось. Влажное небо синело ярко и густо; казалось, что сверху вот-вот закапает краска. Облака с сизыми утробами будто напились воды и грузно зависли, не в силах двигаться. Белый лес вокруг поляны от снега был толстолапым и толстолапым, как перебинтованный; деревья растопырили острые локти, многосуставные ветви застыли в странной жестикуляции. В воздухе плавали крохотные искры. В перспективе дороги виднелись дальние пространства, неравномерно захламлённые малярными полосами извёстки.

Серёга и Нелька пожарили шашлыки, все расселись в беседке. Серёга и девочки пили красное вино, разговаривали, смеялись. Герман держался в стороне – ему нельзя пить, он за

рулём, да и не его компания, и Танюша тоже старалась быть незаметной. А потом на поляну выехали всадники.

Их было трое – сам Иван Данилович, его жена Виктория и сын Володя. В поводу Виктория вела ещё одну лошадь. На фоне снежного леса всадники выглядели очень эффектно: берцы, зимний камуфляж, белые свитера и кепи. Чубаловы двигались в ряд, чтобы гости оценили мастерство и стиль.

Ивану Даниловичу, полковнику в отставке, было за пятьдесят. В Афгане под Кундузом он командовал танковым батальоном и получил орден; дома, в Батуеве, он устроился на редкость благополучно: его назначили заведующим охотобазой «Крушинники», которая обслуживала обкомовское начальство. Чубалов с семьёй переехал в усадьбу при базе. Пользуясь дружбой с боссами, он завёл конюшню и собачий питомник и арендовал закрытый пионерлагерь, где собирался организовать тренировочную базу для частных охранников.

Вообще-то Иван Данилович жил на милости у начальства, но выглядел настоящим мужчиной. Он коллекционировал ножи и упражнялся в стрельбе, любил верховую езду и купался после бани в проруби, читал жизнеописания полководцев и умело выпивал, никогда не перебирая норму. В Лихолетове Чубалов сразу узнал будущего генерала и ценил Серёгу за «воинский дух».

– Здорово, Лихолет, – возле беседки Чубалов спрыгнул с коня, шагнул к Серёге и протянул увесистую и твёрдую ладонь.

– Здорово, Данилыч.

– Добрый день, девочки, – музыкально сказала с седла Виктория.

Это была красивая, ухоженная и моложавая женщина лет под сорок. Она приветливо улыбалась. Сразу было понятно, что она довольна своей жизнью: любима, желанна, хороша собой, здорова. Муж – воин, сын – юноша, друзья мужа – молодые герои. Живёт по-дворянски: усадьба за городом, камин в гостиной, верховая езда. Девочки во все глаза смотрели на такую необычную семью. Виктория заинтересовала их даже больше юноши Володи.

– Кто умеет ездить на лошади? – спешиваясь, спросила Виктория.

Никто не умел. Девочки обступили лошадей и рассматривали их морды, упряжь. Городские девчонки чаще, чем лошадей, видели слонов и тигров.

– Можете ей сахар дать, вот вам кусочек, – предложил Нельке Володя.

– А как её зовут? – с благоговением спросила Нелька.

– Клеопатра, – Володя незаметно оглядел Нельку. – Попросту – Клёпа.

Володя сразу настроился с этими девочками вести себя как рыцарь.

– Я кататься не поеду, – вдруг заявила Анжелка. – Я их боюсь.

– Это прекрасные животные, – обворожительно улыбнулась Виктория.

– Не поеду, – повторила Анжелка, повернулась и пошла к автобусу.

На самом деле она сунула во внутренний карман пуховика украденную бутылку вина и опасалась, что бутылка выпадет, когда она полезет на седло.

– Я тоже боюсь, – тихо сказала Серёге Таня.

– Ничего-ничего, – Серёга ободряюще похлопал Танюшу по задку, чтобы это видел Чубалов. Серёге было любопытно, как Чубалов отнесётся к Тане.

– Трусишки вы, девочки, – сказала Виктория. – Тогда получается, что три лошади – три наездницы. А Володя будет вас сопровождать.

– Я по среднему маршруту их провезу, мама, – предупредил Володя.

– А мы тут подождём, – добавил Серёга.

– Кто не умеет со стремени в седло садиться, можно с ограды беседки, – подсказал Володя. – Мама, подведи им лошадей, пожалуйста.

Лена и Наташка полезли на ограду беседки, держась за столбики, а Виктория подвела им сначала свою лошадь, потом – лошадь мужа.

– Подсадишь меня? – хрипло спросила у Серёги Нелька.

Она хотела, чтобы Серёга потрогал её руками. Серёга подсадил Нельку за талию, а потом и придержал за бедро. Нелька гордо отвернулась.

– Ну всё, Володя, они готовы, с богом, – отступая, сказала Виктория и дружелюбно посоветовала: – Девочки, слушайте Володю, он опытный.

Она поцеловала пальцы и перекрестила сначала сына, а потом всех его спутниц вместе. Она вправду не ревновала к юности девочек. У неё-то было всё, чего уже желают, но ещё не имеют эти девочки, и даже мальчик был – собственный сын. Четыре всадника медленно поехали от беседки к лесу.

Возле беседки остались Серёга, Танюша, Иван Данилович и Виктория. Герман и Анжелка сидели в автобусе; Герман читал газету, Анжелка грызла яблоко и думала: в одиночку ей выпить добытое вино или позвать подруг?

– Приятно познакомиться, Вика, – сказал Серёга. – А это Татьяна.

Виктория улыбнулась. У неё были сочные вишнёвые губы.

– Где наловил таких селёдок? – усмехнулся Чубалов и кивнул на дорогу.

– Подруги Татьяны из училища.

Они стояли и смотрели на лес, будто связанный из чистой белой шерсти, смотрели на яркий небосвод, словно разомкнутый к югу, где в стеклянном свечении растворилось дистиллированное ноябрьское солнце.

– Холодно сегодня, – Чубалов поднял ворот бушлата.

Серёга, наоборот, расстегнул куртку на груди и сунул руки в карманы.

– А не перебраться ли нам к тебе, Данилыч? – спросил он. – Разожжём камин, согреем глинтвейн. Ты меня в баню зазывал. Твоя Вика мою Татьяну поучит, как надо мужика парить, – Серёга прищурился на далёких всадников. – Потом твоей настоечки дёрнем, я балык взял. Утром меня заберут. Дело?

Серёга, ухмыляясь, поглядел на Чубалова.

– Нормальный план, Лихолет, – не дрогнув, ответил Иван Данилович.

– Не возражаешь, Виктория?

– Мой долг – повиноваться мужчинам! – умело сыграла Виктория.

– Тогда девчонок ждать не будем, – сразу решил Серёга. – Прогуляемся до «Крушинников» пешочком. Коней ваш Володька пригонит, а девок Немец в город увезёт. Татьяна, двигаем шмотки скидать.

Приобняв Танюшу, Серёга повёл её к «барбухайке».

– Серёжа, а почему Ныrkова с тобой на «ты»? – тихо спросила Танюша. Она неотступно думала об этом и напугала себя, что Серёга бросит её.

– Какая Ныrkова? – удивился Серёга. – А-а!.. Татьяна, не клюй мозг.

Виктория повернулась так, чтобы из автобуса не было видно её лица.

– Иван, это же чудовищно! – гневно, но негромко сказала она. – Подруга Лихолетова – совсем девочка. Лихолетов совершает уголовное преступление!

– На войне мы убивали, так что все мы уголовники, – буркнул Чубалов.

– Извини, это разные вещи. Твой Сергей – человек без ограничений.

– Такие парни первыми с брони спрыгивали, – хмуро ответил Чубалов.

– Ваня, тут не встреча однополчан, – сердито зашептала Виктория. – Он идёт в наш дом! У нас Володя – ровесник лихолетовской подруги. Я не хочу, чтобы он видел, как девочка его возраста пьёт вино и ложится в постель с мужчиной... Мы же воспитываем Володю для совсем других отношений!

– Я сказал, Лихолет – гость, значит, гость! Володька пусть у себя сидит!

– Но я сама не хочу идти в баню с этой девочкой, раздеваться перед ней, вести себя так, будто она мне ровня!.. Ваня, отмени всё. Я прошу тебя.

Иван Данилович, конечно, мог отказать Лихолетову в гостеприимстве, но знал, какой вывод сделает Серёга. Он скажет: Чубаловым командует жена.

– Замолчи, Виктория! – отрезал Чубалов. – Мужик решает, а не баба!

Он грубил, потому что аргументов уже не было, и Виктория обиделась.

В это время в «барбухайке» Серёга договаривался с Немцем.

– По-моему, тебе не рады, – заметил Герман, глядя в окно на Чубаловых.

– Есть такое, – ухмыльнулся Серёга. – Ничего, прогнутся.

Серёге нравилось, чтобы ради него поступались принципами и смиряли гордыню. Значит, общение с ним для людей ценнее всего прочего и люди согласны принимать его правила. А по его правилам побеждал всегда он.

– Зачем ты так напрягаешь своих же? – осуждающе спросил Герман.

В салоне «барбухайки» Анжелка флегматично курила, ожидая, когда вернутся девчонки. Танюша собирала рюкзачок. Серёга смотрел в зеркальце заднего вида и пальцем ерошил свои щетинистые усишки.

– Ты ведь меня знаешь, Немец, – самодовольно сказал он. – У меня нету решки для своих. У меня на обе стороны орёл.

Глава вторая

Ярослав Саныч Куделин и не заметил, как в его жизни всё изменилось.

Он был мастером спорта по лёгкой атлетике. У него не получилось стать призёром или рекордсменом, зато на тренерскую работу его взяли в сборную области. Куделин вволю наездился по Союзу на соревнования и первенства и в 1984 году перешёл работать начальником спортзала во Дворец культуры «Юбилейный». Он говорил всем, что устал от поездок, а на самом деле его запилила жена.

В «Юбилейном» Куделину понравилось. Его зал был укомплектован новыми тренажёрами, и в городе Дворец ценили за профессиональное и дефицитное в СССР оборудование. Яр-Саныч был полновластным хозяином, под его руководством работали восемь тренеров от гороно и спортбществ и Ваня Боков, инструктор зала. В секции «Юбиля» набирали только лучших пацанов. И Яр-Саныча все считали волевым и жёстким мужиком, офицером спорта. Он и вправду производил впечатление человека требовательного: подтянутый, моложавый и строгий – как белогвардеец из кино. Держался он прямо и красиво, говорил сдержанно. Он чувствовал себя очень уверенно.

Но в перестройку жизнь в городе стала разваливаться. Осмелев, в зал к Яр-Санычу принялась таскаться всякая гопота, приезжали и приценивались бандиты. Залу требовалась надёжная защита. И поначалу Куделину казалось: хорошо, что «Юбиль» отжимают «афганцы». Солдаты, пусть и бывшие, – это армия, а где армия – там, думал Ярослав Саныч, дисциплина и порядок.

«Коминтерн» вышиб шпану и прочую шушеру. А потом вытеснил из «Юбиля» детские клубы и разную самодеятельность, прикрыл киносеансы и праздники. В бывших изостудиях и танцклассах разместились конторы «афганских» кооперативов. По всему Дворцу теперь слонялись «афганцы», курили, матерились, бездельничали в ожидании приказов своих командиров.

Яр-Саныча потряс такой поворот. Яр-Саныч перестал ходить в спортзал через фойе Дворца, чтобы не видеть «афганцев»: он открыл прежде запёртый отдельный подъезд на боковой стороне здания. На работе Куделин сделался раздражительным: устраивал выволочки инструктору Ване, придирался к тренерам, наказывал пацанов из спортсекций. Это объяснялось не тем, что люди работали плохо; Яр-Саныч психовал, потому что сдавал позиции.

При «Коминтерне» секции начали терять воспитанников: родители не пускали пацанов в зал, где хозяйничали страшные «афганцы», и тем более не пускали девчонок на аэробику, которую проводили в зале на баскетбольной площадке. Финансирование сокращалось. Тренеры увольнялись. Спортотдел «Юбиля» могли бы совсем закрыть, но выручал хороший парк тренажёров.

В конце концов город отвернулся от «Юбиля». У Яр-Саныча остались только те, кто имел какое-то отношение к «Коминтерну»: сами «афганцы», их приятели и младшие братья. Но этим парням плевать было на графики тренировок, на режимы питания и системы нагрузок. Они тягали железо просто так, от нечего делать; они курили в зале и выпивали в раздевалке.

Потом подал на расчёт инструктор зала Ваня Боков. Однажды он попытался согнать с тренажёра Быченко, потому что Егор под свою силу цеплял на стальные тросики грузы сверх всякой меры, и Бычегор врезал Ване в челюсть. Ваня не решился искать правды, а Яр-Саныч пошёл к Лихолетову.

– У меня спорт, а твои вахлаки превратили спортзал в кабак! – заявил он. – Инструктору челюсть сломали! Кто теперь будет за него работать?

– Ты, – ответил Серёга. – Саныч, спорт – на Олимпиаде, а у меня парни ходят отдыхать. Держи инвентарь в исправности, это теперь твоя работа.

– Я тренер! – крикнул Яр-Саных ломким голосом. – Я не ремонтник!

– Чего залупаешься? – удивился Серёга. – Ты тренер? Шуруй тогда на стадион. Только там шас тачками торгуют. Твою ставку вообще сократили, я тебе плачу из кассы «Коминтерна». Ладно бы, Саных, ты был бодибилдер или борец какой-нибудь, чёрный пояс – пятый дан. А ты, блядь, лёгоатлет – бегун, прыгун, метатель мячика. Ну и не ори, а сделай пацанам красиво.

Яр-Саных снова был потрясён. Он считал себя командиром, а ему дали должность обслуги. Но вариантов не имелось, и Куделин смирился. Бороться с решением Серёги, отстаивая своё достоинство, Яр-Саных не пожелал. Для сохранения достоинства ему легче было просто пребывать в раздражении.

– Это новые времена, – сочувственно сказал ему Заубер, наливая рюмку «Сльнчев бряга». – Надо принять. Берегите нервы.

Впрочем, дома у Яр-Саныха уже давно творилось примерно то же самое, что и на работе. С Галиной, женой, он старался держать себя как с тренерами, но Галина никогда не признавала его руководства. Причин тому не было. Он не пил, не распускал рук, зарабатывал прилично, однако Галина по какому-то непробиваемому бабьему убеждению считала себя умнее и обротистее мужа. Она работала закройщицей в ателье.

В перестройку её позвали в какой-то швейный кооператив, и здесь она вдруг начала получать хорошие деньги. Не бог весть что, конечно, но раза в два больше, чем Яр-Саных. И муж с его тренировками и тренажёрами теперь казался ей неприспособленным дурнем. Победа бабских тряпок над мужской силой стала очередным потрясением для Яр-Саныха. Жизнь для него вообще превратилась в серию апперкотов, сокрушающих прежнюю картину мира.

Надеждой семьи была старшая дочь Ирка, которая училась в институте. У Галины болели колени, и она часто брала заказы на дом, а Ирка гоняла по указаниям матери. Рыская туда-сюда, она расчихала, что почём, и бросила институт: дело при матери было выгоднее учёбы. Яр-Саных ругался и топал ногами, но жена и дочь его уже не слышали. Какое ещё образование, какие лекции и семинары? Работа – лучший семинар. Надо уметь вертеться. Сидеть на одном месте – геморрой высидишь. Отец отстал от жизни.

Ирка легко втянулась в коммерцию, быстро обнаглела и привела домой парня – какого-то Русланчика, мелкого управленца-побегушника с комбината «Электротяга». Куделины жили в тесной «двушке». Ирка и Танька, дочери, занимали маленькую, но отдельную комнату, а родители – большую, но проходную. Ирка выселила младшую сестру к родителям, а Русланчик без смущения врезал замок в дверь Иркиной комнаты и поселился у Куделиных.

Этот Русланчик в доме вёл себя совершенно свободно, и Яр-Саных его возненавидел. Вот поганец! Взял и въехал на чужую жилплощадь! Ни ордера, ни прописки! Живёт с девкой без загса прямо при родителях! Делает всё, как хочет, и всегда тихонечко улыбается – загадочно так, уклончиво, дескать, пока что он не имеет права объяснить, почему все должны ему всё отдать! Куделин привык, что его уважают и считают человеком, умело устроившим свою жизнь, а теперь выясняется, что молодые наглецы легко сдвигают его с дороги. Он ничего не может понять и принять, а поэтому бессилен.

Яр-Саных ворчал, брюзжал и еле сдерживался, чтобы не взорваться. Его все раздражали, однако никто не обращал внимания на его чувства. Галину заботили многочисленные дела, заказ-наряды и счёт-фактуры, фасоны и шаблоны, поставки и приёмки; супруг Галине не требовался, а зять не мешал. Ирка была довольна, что имеет под боком мужика; она вертелась вокруг своего Русланчика, и на отца ей было плевать. А Русланчику ссы в глаза – божья роса. Он получил всё, что надо, – жильё, уход и бабу, – и, усмехаясь, просто не замечал Яр-Саныха. Галина, Ирка и Руслан – все трое – ощущали себя хозяевами. Почему-то им было удобно в этой жизни.

Однажды вечером Яр-Саных всё-таки сорвался на Русланчика.

– Чего ты куришь тут везде? У нас в семье никто нигде не курит!

Руслан смотрел телевизор, Ирка строчила на швейной машинке, Галина полулежала на диване с подушкой под спиной и читала сонник.

– А чего ты на него наезжаешь? – тотчас взвилась Ирка.

Яр-Саныча понесло, не разбирая дороги.

– Вместе живёте, оба работаете, так давайте на квартплату! Чего мы с матерью-то вдвоём и за электричество платим, и за всё!..

– Ты ещё заработай, чтобы платить-то, папаша, – буркнула Галина.

Руслан встал, не снисходя до оправданий, и с сигаретой отправился на кухню, где за столом готовила уроки восьмиклассница Танька.

– Хочешь, чтобы мы свалили отсюда, да?! – заорала Ирка.

– Помалкивал бы вообще! – добавила Галина. – Молодым помогать надо, а этот всё ходит, ходит, как сыч, сам себе не рад, – Галина противно сморщилась, изображая недовольное выражение лица Яр-Саныча.

Яр-Саныч обомлел: обе бабы объединились против него за Русланчика!

– Заткнитесь!.. – дрожа голосом, крикнул Яр-Саныч.

– Раскомандовался тут! – с презрением ответила Галина. – Ведёрко сзади подвесь, а то песок от крику посыпется.

– Папка, не мешай людям жить, – с сердцем посоветовала Ирка. – Если сам ничего не можешь, так не лезь, где нормально. Никто тебя не обижает.

Семья не подчинялась Яр-Санычу, и на работе тоже всё было не так, как должно. Яр-Саныч не понимал, почему нет результата, почему всякий раз всё катится не в ту сторону, ведь он-то делает правильно. Раздражение его лишь возрастало. И реально управлять он мог только младшей дочерью – Танькой. Но в марте 1991 года Танька сбежала из дома. Ей было пятнадцать лет.

Танька отпросилась на неделю пожить у одноклассницы, у которой куда-то уехали родители. Танька всегда была тихая и послушная, в семье с ней никаких проблем не случалось: почему бы и не отпустить? Через два дня Яр-Саныч встретил на улице эту подружку-одноклассницу, спросил, как дела, и узнал, что Танька соврала и в эти дни в школе не появлялась.

Таня была девочкой незаметной, серенькой, обычной: училась средне, ничем не выделялась, косичка будто мышинный хвостик. В классе её никто не обижал, но и её отсутствия тоже не замечали. Она всегда была где-то сбоку, во втором ряду, в безликом числе прочих. Она стеснялась чужого внимания, робела напоминать о себе, не умела ни драться, ни плакать. Никому не интересная, Таня жила тайными и бурными переживаниями, причудливыми фантазиями, о которых никто не мог даже догадываться.

Таню, младшую дочь, Куделины родили, когда подошла их очередь на жильё: семьям с двумя детьми давали двухкомнатную квартиру. Танюша знала, что она появилась «ради квартиры», и гордилась этим: всех родили просто так, а её – не просто так. Значит, она необычная, она – неповторимая. Когда родители ругались, она сидела в углу и думала, что ведь квартира-то должна принадлежать ей, а она вот возьмёт и подарит квартиру родителям, чтобы те увидели, как она их любит, и между собой не ссорились.

Таня была младше Ирки на семь лет. Обычно младшим детям достаётся больше любви, чем старшим, но у Куделиных вышло наоборот: Ирка была светом в окошке, надеждой семьи и объектом общих капиталовложений, а Танька... ну, Таньку в качестве подсобной рабсилы включили в деятельность отца и матери по обеспечению жизненного успеха старшей сестры.

Мама занималась с Иркой домашними заданиями, а Таня делала уроки на продлёнке. На день рождения Ирке покупали настоящий торт, а для Тани мама пекла пирог с вареньем. Тане доставались потрёпанные Иркой платья и куртки, портфели и учебники. Мама ехала с Иркой по путёвке в Геленджик, а Таню отправляли в деревню Ненастье к дяде Толе, пьянице. Таня вообще не выезжала из Батуева дальше Ненастья, не видала ни Москвы, ни моря.

Иркино поступление в институт для семьи Куделиных стало триумфом. Таня тогда перешла в пятый класс, не понимала, в чём дело, но была так захвачена ликованием родителей, что хохотала и прыгала по квартире, будто сумасшедшая, пока не разрыдалась, и её наказали – заперли в тёмной ванной.

К тому времени мать уже была порабощена страстью к огородничеству: участок в Ненастье она засадила картошкой, редиской и ремонтантной клубникой, в парнике с полиэтиленовыми стенками на реечных рамах висели кудрявые плети с огурцами. Мать объявила работу на огороде священным делом, однако Ирка была освобождена от упражнений с лейкой и лопатой и ездила в Ненастье как дачница. Она сидела в раскладном кресле с книжкой, в панаме и чёрных очках, а мать, отец и младшая сестра окучивали и поливали.

Тане было и скучно, и тяжело, но она, доверчивая девочка, верила, что так надо: надо стараться, чтобы Иришка училась на экономиста-товароведа. Без этого семья погибнет. Таня таскала вёдра с водой и носилки с компостом и думала, что она – глупая, ленивая, как говорили мама и папа, ничего из неё не выйдет, но потом, через много лет, Ирка станет знаменитой, встанет перед всеми и скажет: это всё благодаря моей сестре, которая работала за меня.

Когда Ирка бросила институт, отец с матерью орала друг на друга две недели. Яр-Саных впервые не уступил Галине сразу, не согласился, что нынче кооператив лучше института. Впрочем, Галина всё равно утоптала его. Пока родители ругались, Ирка жила у Русланчика в общежитии, а Таня две недели провела как в аду, ожидая развода отца с матерью. Она воображала свою разрушенную жизнь после этого развода, искала спасения и загадывала: если она назовёт своих детей Ярослав и Галина, тогда родители помирятся.

Мать не зря заступалась за Ирку, защищала её выбор: Ирка всё более походила на мать, точно её не родили, а скопировали. Обе они стали толстые, энергичные, самоуверенные, только мать – с уклоном в торгашество, а дочь – с уклоном в блядство. Ирка не изменяла Русланчику, но их супружество в многолюдной квартире было каким-то публично бесстыжим, словно разврат.

Ирка выпихала Таню к родителям, и ночью, лёжа на кресле-кровати, Таня слышала в закрытой комнате сестры возню, ритмичное движение и тяжёлое дыхание. Танюша знала, что там творится, – пару раз с девчонками она ходила в видеосалон смотреть порнуху. Всё это было почти невыносимо. От такого вынужденного свидетельства Тане казалось, что Русланчик трахает её рядом с Ирой, и Таня боялась Русланчика, будто насильника.

Старшая сестра и её любовник не оставили Танюше места для жизни, лишили убежища, и теперь Танюша всегда находилась в тесноте чужой деятельности. В большой комнате толкались мама с сестрой и разговаривал телевизор. На кухне и так было не развернуться, но тут всё время кто-нибудь пил чай с бутербродом. Везде курил Русланчик. Вечером возвращался отец и срывал раздражение на Тане, прогоняя её отовсюду, где она примостилась.

Таня надоедала отцу ещё на работе, потому что после школы шла к нему в «Юбилей». В тренерской Яр-Саныха она делала уроки. Здесь не было окон, под потолком с тихим звоном горели голубые люминесцентные трубки, по стенам стояли стеллажи со спортивным инвентарём, но зато в тренерской можно было уединиться: сюда мало кто заглядывал, а сам Яр-Саных был в зале.

Потом она отправлялась из «Юбилея» домой, шла одна по страшным чёрным улицам. Острым полудетским-полудевичьим чувством она понимала, что её все обманули. Её родили для квартиры, а у неё нет даже своего угла. Она старалась, чтобы Ирка училась в институте, а Ирка бросила учёбу. Она всем мешает. Она никому не нужна. Её не любят ни папа, ни мама. Что же делать? Тихая Танюша придумала только одно – убежать из дома.

* * *

Для Яр-Саньча причиной всех перемен был лично Серёга Лихолетов, к нему на «мостик» Яр-Саньч и побежал просить помощи в поиске Танюши.

Серёга слушал Куделина и вспоминал: да, какая-то девочка-подросток по вечерам сидела в спортзале у стены на скамье возле двери в тренерскую, терпеливо ждала... Скромная, застенчивая, неброская... Никаких примет.

– Саньч, а ты уверен, что она сдёрнула? – осторожно спросил Серёга.

Серёга куда лучше Яр-Саньча знал, в какое время они живут. Гопота, бандиты, наркоманы, сутенёры, просто всякие нелюди. Может, глупая Таня Куделина выпила с подружками водки – и замёрзла в мартовском сугробе? Может, её случайно сбили на перекрёстке машиной – и увезли за город в лес, бросили умирать? От той девочки, которую припомнил Серёга, веяло тоской; она была беззащитная и жалкая – идеальная жертва для выроdkов.

– Сбежала она! – сердито и грубо ответил Куделин. Он не желал думать о худшем, убеждал сам себя и злился на Серёгу, что тот предположил иначе.

«Довёл папаша девчонку», – подумал Серёга о Куделине.

– Дома-то у тебя как? Хреново ей было?

– Нормально ей дома! – дребезжащим голосом огрызнулся Яр-Саньч.

Он был неприятен Серёге: крикливый и слабый мужик. Но его дочка?... Маленькая мышка, которую походя мог зашибить кто угодно. Серёга не был сентиментален, но понимал: «афганцы» качают железо, готовятся к большим делам, а кто-то прямо у них на виду взял и раздавил ногой серенькую мышку, и говно-цена их понтам, если они этому никак не помешали.

Серёга подумал, что загрести Таню в проститутки или просто хапнуть с обочины, чтобы повеселиться, могли бандиты Бобона или кавказцы. К ним Серёга отправит Егора Быченко; Бычегор прокачает тему и всё узнает. Если Таню убили, то надо искать по моргам и ментовкам; Серёга подключит Саню Завражного, который в «Коминтерне» контактирует с властями и общается с полковником Свиягиным, начальником горотдела милиции.

– Позвони домой, пусть жена фотки приготовит, – приказал Серёга.

– А нельзя жену не беспокоить? – взъерошился Яр-Саньч.

– Лады, как хочешь, – Серёга презрительно хмыкнул. – А есть, к кому она могла сбежать? Тётка или бабка, знакомая какая-нибудь или ещё кто?

– Негу никого.

– Может, к парню своему?

– И парня у неё нет. Маленькая ещё.

– Про Москву она не мечтала?

– Она дура трусливая.

Яр-Саньча бесило, что Лихолетов не расспрашивал, а вёл болезненный допрос. За стёклами больших окон кабинета чирикали и прыгали по карнизу воробьи. Полированная столешница сияла на утреннем солнце. Серёга курил, и дым его сигареты висел в солнечном воздухе призрачными объёмами. Лихолетов был гораздо младше Куделина, но вёл себя как начальник; это у него получалось совсем непринуждённо, и Куделин почему-то подчинялся.

– Дача у вас есть?

– Есть, – кивнул Яр-Саньч, – в деревне Ненастье. Но ключи от дома у меня, я уже проверил. И Танька не доберётся туда, автобус пока не ходит. Его только на дачный сезон пускают, с майских по октябрьские.

– До Ненастья на elektrone можно.

– Мы ни разу так её не возили. Там от станции пять километров идти.

– Если она сбежала, то на дачу, – уверенно сказал Серёга. – Сейчас Воронцов подгонит «трахому», и поедет, Саныч, вместе с тобой в Ненастье.

Яр-Саныч был прав только в том, что Танюша сбежала. Он не знал, что у младшей дочери появился мальчик, хотя это случилось у него на глазах.

Танюша училась в восьмом «б», а Владик Танцоров – в десятом «а». В школе Владик не замечал Таню, а в спортзале «Юбиля» заметил, потому что Таня была дочерью Яр-Саныча. Владик полагал, что Куделин – авторитет у «афганцев», и искал знакомства с таким важным человеком.

С седьмого класса Владик посещал в «Юбиле» секцию баскетбола; при «Коминтерне» секция закрылась, но Владик остался во Дворце – ходить в зал к свирепым «афганцам» у пацанов окрестных районов считалось очень круто. Владик примелькался, и никто не обращал внимания, что в «Юбиле» ему делать нечего, потому что к «афганцам» он не имеет никакого отношения.

Таня наблюдала за Владиком и почувствовала родство. Владик тоже был чужак, хотя изображал, что свой. Высокий и плоский, на тренажёрах он выглядел смешно, а потому не лез качаться. Он имел вид усталого человека, который перетрутился и теперь отдыхает. Он со всеми здоровался за руку, то и дело закуривал в разных компаниях, снисходительно посмеивался над другими – рост позволял ему играть роль бывшего мужика. У тренажёров Владик всегда был на подхвате: что-то придерживал, что-то подкручивал.

Он уходил из спортзала домой примерно в девять вечера. Однажды Таня подкараулила его у выхода из «Юбиля» и просто пошла рядом. Владик узнал дочь Яр-Саныча и не стал отрываться от попутчицы, хотя не умел общаться с девочками. Он и в «Юбиле»-то опшивался для уверенности в себе.

– Прикинь, у меня из подъезда пацан тоже ходил к нам на тренировку, дебил, а у самого старший брат у Бобона в бригаде, – рассказал Владик. – Дебил, да? Он такой типа не знал, что здесь «афганцы». Наши пацаны-то поржали, и всё, а бобоновские поймали этого дебила и всю жопу распинали.

Владик курил, сплёвывал, загребал снег ногами, и походка у него была вихлястая, разболтанная. А Танюша просто молчала.

Она стала поджидать Владика всякий раз, когда бывала у отца, и Владик быстро привык, что возвращается домой с девочкой, только не он провожает девочку, а девочка провожает его. Но Владик Танцоров и Танюша Куделина не ощущали неправильности: их свела какая-то общая надобность.

Впрочем, саму Танюшу Владик не воспринимал. Была девочка, которой он рассказывал такие истории, какие должен был рассказывать крутой пацан, и была дочь хозяина спортзала, до которого Владик хотел донести известие о себе, чтобы его взяли «в компанию». А Танюши Куделиной не было.

– На треньке позавчера Мишаня Поляков, дебил, качал становую тягу и перегрузился. Ему говорили: ты нахрена? – а он перед Егорычем Быченко выёбывался. Всё, вчера с животом в «скорую» увезли, грыжа. Дебил, блин.

Но и Танюша тоже не очень-то понимала, кто таков Владик Танцоров. Тане вопреки разуму хотелось ощущать себя рядом с мужчиной – страшным существом иной природы, которое что-то сделает с ней, охватит её собою, наполнит её жизнь содержанием. И неважно, каков будет этот мужчина.

В конце зимы, расставаясь у подъезда, Владик вдруг протянул Тане пластмассовый пенал с дешёвой турецкой косметикой. Подобную косметику на рынок возила мамка Владика: Владик украл пенальчик у неё из баула. Таня приняла подарок в бессловесном изумлении. Она не могла поверить, что ей тоже что-то подарили, и подарили не школьный микрокалькулятор и не шерстяные носки, а что-то девичье, прекрасное, почти любовное.

Танюша носила этот пенал в пакете с учебниками, куда мать и сестра не совались. Конечно, краски Танюша не тронула, но часто открывала пенал и смотрела на себя в зеркальце на крышечке. Неужели у той девочки, у той девушки в зеркальце появится всё-всё-всё – муж, семья, дом, много детей? Владик стал для Танюши каким-то волшебником, уводящим в страну мечты.

– А ты кем будешь после школы? – спросила Таня, пытаясь узнать хоть какие-то приметы волшебной страны. В той стране, конечно, главным станет Владик, но как бы и не он, не такой, а другой Владик, самый лучший.

Отца у Владика не было. Мамка работала на заводе «Затвор», уволилась в перестройку и с другими тётками-челночницами гоняла в Турцию за шубами и ширпотребом. Товар тётки продавали с рук на Шпальном рынке.

– Да бизнес заведу, – ответил Владик с выражением человека, который много раз объяснял, как надо делать, но без толку, и теперь вынужден всё сделать сам. – Мать всякую херню возит. Дура, блин. Кому шубы-то нужны? Они стоят дохера. Я говорил, надо «адидаски» возить, спортивные костюмы, кроссовки разные. Это вообще в улёт уйдёт. Мать, дура, со своими бабами не верит, а я-то знаю, чего говорю. Всегда всё самому, блядь, надо организовать.

– А давай убежим вдвоём? – вдруг предложила Танюша.

Конечно, Таня думала убежать в Ненастье. Иного укрытия она не знала.

Дом в деревне с грустным названием Ненастье принадлежал дяде Толе, маминому брату. Вообще сначала дядя Толя жил в селе в соседней области за пятьсот километров от Батуева. Там он крепко пил. Жена его бросила, детей у него не было. Мать боялась, что брат в запое сожжёт жильё, и перетащила алкаша поближе к Батуеву. Основательную колхозную усадьбу поменяли на теремок в Ненастье – зато от Батуева всего пятнадцать километров.

Ненастье считалось дачным кооперативом, «подсобными хозяйствами». Участки вытянулись вдоль насыпи железной дороги в четыре ряда. Хибарки при огородах, сооружённые неумелыми горожанами, не могли сравниться с добротными сельскими домищами, но дяде Толе повезло: Галина выкружила ему не фанерную коробку под рубероидом, а прочное строение из бруса, к тому же с мансардой. Двускатную крышу покрывал шифер.

Дядя Толя жил в Ненастье круглый год. Зимой он бухал со сторожем кооператива, а летом вкалывал на огороде: всю семью Галина рекрутировала на сельскохозяйственные работы. Яр-Саныч и дядя Толя выправили забор, вкопали бочки для полива, вычистили погреб и яму под компост, сколотили парник и сараюшку, оббили грядки досками. Цирроз уложил дядю Толю в 1985 году. Его похоронили на кладбище при станции Ненастье, а дача досталась Куделиным.

Танюша любила приезжать в Ненастье. Ей нравилось, как стучат поезда, нравилось, что из окошка мансарды видны перелески и луга, которые будто бы дышат в просторном передвижении облачных теней. Дом Танюше тоже нравился. Больше всего волновала лестница. В городских квартирах лестниц не было, и Таня сразу придумала, что там их запретили злые ведьмы, потому что на втором этаже – всегда волшебный мир, где вещи понимают речь людей и все желания сбываются, ведь отсюда можно смотреть до края земли.

Танюша не смогла бы объяснить, зачем ей надо с мальчиком убежать из дома от родителей, как она собирается прятаться, что вообще будет делать? Танюшу несло в потоке смутных желаний и странного воодушевления – не бунтарского, а совсем тихого, но неотвратимого, как цветение подснежников.

А Владик Танцоров ничего не понял. Он решил, что Танька зовёт его к себе на дачу, чтобы он её отшпилил. Владик был девственником; он очень хотел и очень стеснялся близости с девочкой, особенно если рядом приятели, которые увидят его неопытность и оборжут. Дача – лучший вариант. И Таня сразу стала для Владика «путевой соской», хотя раньше была безразлична.

Владик знал, как доехать до Ненастья на электричке. За городом ещё продолжалась зима. По тёмной дороге, хрустя снегом, они дошли от станции до кооператива, где над железными воротами горел фонарь. Таня попросила ключ от своего дома у сторожа, который помнил её со времён дяди Толи.

Таня затопила печь – утробистую чугунную буржуйку, а Владик открыл привезённую бутылку водки и слегонца глотнул – для храбрости и для того, чтобы Таня оценила, какой он мужик. Таня сидела возле печки на маленькой скамеечке и смотрела в огонь расширенными глазами. Она ждала чего-то небывалого, чего-то огромного и опаляющего, что случится само собой.

Владик утащил Таню на старую тахту, принялся раздевать и лапать, а Таня вдруг начала яростно и молча сопротивляться. Нет, это не так должно быть, это всё должно произойти как-то изнутри, раскатываясь волной до самых краёв – р-раз, и всё уже есть, уже окутало, уже всё творится.

Владик немного растерялся: зачем его позвали? Танька отбивалась – но никуда не убегала, когда он останавливался. Она лежала на продавленной замасленной тахте в смятой и задранной одежде, тяжело дышала и смотрела в потолок, на котором играли багровые отсветы из печки. Владик вставал с тахты, выпивал водки, курил, а потом снова лез к Тане, и они опять упрямо боролись, хватая друг друга за руки и не сообщая, кому что нужно.

Эта бессмысленная возня продолжалась полночи. Владик потихоньку напился. Ему уже и не хотелось, чтобы дошло до главного: он перегорел.

– Прости меня, пожалуйста, – шептала Таня. – Завтра обязательно...

Владик заставил её трогать себя, и Таня трогала – словно перебирала кишки, выпавшие из распоротого брюха дохлой рыбы. Таня знала, что там имеется у мужчин, – видела по виду, рассказывали девчонки. Знанием этих подробностей Таню дразнила Ирка. Но реальная телесность Тане оказалась неприятна. Для неё в настоящем опыте не было волшебности и любви.

Пьяный Владик заснул. Таня оделась, сунула полено в печь, сполоснула руки в рукомойнике и ушла наверх. Она села у заиндевелого окна и смотрела на поля, на дальние синие перелески: их плотные вертикальные массивы поблёскивали паутиной изморози. Чёрные тени стереоскопически отделяли деревья от плоскости снежной равнины, бледно-лимонной в лунном свете.

Рано утром Владик поднялся, выпил воды и, не разбудив Таню, ушёл на станцию. Он-то не собирался сбегать от матери или прогуливать уроки. Он еле вытерпел в школе, мучаясь головной болью с похмелья, но ещё хуже ему было от мысли, что вчера он ничего не добился: эта сучка ему не дала, а у него не сработало; он просрал свой шанс, и сейчас он как мудака и импотент.

После уроков Владик выпил пива, дома похавал, и ему стало легче. Он подумал, что всё можно оценить и по-другому. Он – настоящий мужик: он выбрал бухло, а не бабу, баб-то у него ещё будет навалом, подумаешь... Хотя и Танька никуда ведь не делась. Она всё так же торчит на даче в Ненастье. Можно вернуться и переиграть, впердолить девке по самые гланды...

Владик быстро оделся и поехал на вокзал, но последняя электричка до Ненастья уже укатилась. Владик помялся и решил идти в деревню пешком. Часа за три дотопает. Очень хотелось оттрахать девчонку. Все нормальные пацаны в его классе уже кого-то трахали, а он никак не мог замутить с какой-нибудь нормальной девкой – не такой, которая всем подставляет.

Пятнадцать километров Владик шагал по снежной дороге через поля и леса. Когда совсем замерзал, то бежал. Невдалеке за деревьями временами подвывала железная дорога, обмахивала путь быстрым светом поездов. По игольчато-чёрному небу, вращаясь, плыла ноздреватая льдина луны. Владик перелез забор, окружающий дачный кооператив. В доме у Тани горело окно.

Танюша целый день думала о том, что ей нужно как-то преодолеть эту страшную черту. Да и чем она страшна? Ничем. Просто зажмуриться, и всё. Так надо. Так делают все. Потом будет хорошо. Почему она такая дура?..

Для голодного и усталого Владика Таня торопливо пожарила целую сковородку картошки с солёными грибами из материнских заготовок. Печка шаяла во всю мощь, чтобы Владик отогрелся. На первом этаже было тепло, а в мансарде – жарко. «Значит, проще будет раздеться догола», – подумала Таня.

– Ты подожди здесь, – виноватым шёпотом попросила она. – Мне надо... ну... настроиться... Я тебя позову.

Она оставила Владика внизу и поднялась в мансарду, села на топчан, бельё на котором всегда пахло кислым хлебом. Сквозь проём люка в полу красный печной свет озарял потолочные балки. В железной печной трубе, обмотанной асбестовой тканью, пощёлкивало. Синее ледяное окно казалось полыньёй; луна свешивалась, как петля. Таня разделась до майки и трусов.

– Владик, – позвала она. – Иди.

Владик не шёл.

– Ну, Вла-адик... – умоляюще повторила Танюша.

А Владик заснул на тахте, завалившись в угол. Недосып, похмелье, марафон и плотный ужин срубили его. Танюша постояла над ним, переступая босыми ногами по холодному полу, и вернулась наверх. Она по-турецки уселась на топчан, закуталась в одеяло, а потом угрелась и тоже заснула.

Печка догорела. На шиферной крыше вокруг трубы протаяло тёмное пятно. Транзитные поезда как стрелы неслись строго по прямой линии через снежную равнину мимо маленькой дачной деревни Ненастье. В алмазных и морозных небесных водах, веерами распустив хвосты и плавники, грозно и величественно, словно сквозь какие-то стеклянные сферы, плыли огромные и прозрачные неевклидовы рыбы с яркими лунными глазами.

* * *

Первым собственным транспортом «Коминтерна» был толстощёкий автобус «КАвЗ», изношенный прежними хозяевами на колхозных просёлках. Парни прозвали его «трахомой». Сейчас «трахома» почти упёрлась помятым бампером в ржавые ворота кооператива «Деревня Ненастье». Андрюха Воронцов, водитель, требовательно посигналил, и вскоре дачный сторож с опаской выглянул из калитки. Серёга открыл дверь автобуса.

– Узнал Куделина? – спросил он сторожа и указал на борт «трахомы»: Яр-Саньч сидел в салоне автобуса у окошка. – Кто-то в его доме есть?

– Дак дочь его, – ответил сторож. – Татьяна. Я ключ дал. Здоров, Саньч.

Куделин за стеклом молча качнул головой.

– Открывай нам ворота, – приказал Серёга сторожу, убрался в салон и захлопнул дверь. – Она здесь, Саньч. Считай, всё обошлось.

«Трахома», подвывая, покатила по узкой улице дачного кооператива, с обеих сторон огороженной чем попало – реденьким штaketником, сетками, плотными дощатыми заборами или просто вкопанными автопокрышками.

– Вон мой дом, зелёный, – с места глухо пояснил Воронцову Яр-Саньч.

Воронцов тормознул возле двухэтажного дома, обитого тёсом и некогда покрашенного, а теперь облезлого. На перилах крыльца висел половичок.

– Я один схожу, – сказал Яр-Саньчу Серёга.

Вдруг девчонка с каким-нибудь мужиком? У Куделина будет истерика. Впрочем, девчонка и сама может закатить истерику, не желая возвращаться к отцу, от которого сбежала. В любом случае без папаши будет проще.

Серёга шурился от яркого и свежего мартовского солнца. Истоптанная тропинка по-морковному хрустела под ногами. Сугробы уплотнились, осели, плавно изогнулись, как диваны; их выпуклости сверкали зернисто и янтарно. Зима будто бы сняла шапку, опустила воротник и расстегнулась: оголились хребты крыш, перекладины телеграфных столбов, макушки дачных яблонь. С неба пригревало, а в синей тени домика оказалось неожиданно студёно.

В это время в мансарде Владик опять раздевал Танюшу.

Всю ночь он спал так крепко, будто его забетонировали в сон, пропустил все электрички в город и, получается, прогулял школу. Таня, промаявшись полночи, тоже спала до полудня. Владик проснулся первым, сообразил, где он и что случилось, выпил холодного чая и побежал наверх – к Танюше.

Он торопливо разбудил её и принялся стаскивать одежду, которую Таня напялила под утро, когда печка остыла и сделалось холодно. Владик стянул с Тани кофту-олимпийку, толстые носки и тренировочные штаны, а дальше затея опять застопорилась. Вроде бы ночью Таня настроила себя всё сделать так, как делают все, а утром решимость рассыпалась, и Таня снова отдирала и отталкивала от себя руки Владика. Она плакала от того, что боится, что всё происходит не так, что она – дрянь, дрянь, пустышка, не способная ни на что.

А Владiku на третью попытку уже не хватало даже вежливости.

– Ты чо, с-сука! Ты чо, с-сука! – вскрикивал он, точно получал удары.

Они ворочались на топчане, сдвинули его с места и взрыли всё бельё. Владик порвал на Тане майку, а Таня расцарапала Владiku запястья. И вдруг на первом этаже крякнула пружиной дверь, и кто-то вошёл в комнату.

Это был Серёга. Он оглядывался, готовый ко всему. На первом этаже – ничего особенного. Печь прогорела, занавески задёрнуты, на тахте – одеяло, на столе, покрытом клеёнкой, – два стакана с заваркой на дне и сковородка.

Серёга слышал сдавленные голоса и скрип топчана в мансарде и сразу ринулся вверх по лестнице. Он вынырнул из люка на втором этаже и увидел сидящую на топчане полураздетую девчонку – дочь Яр-Саныча, а вокруг на одной ноге испуганно прыгал, натягивая брюки, длинный и костлявый юнец.

Серёга опасался, что застанет с куделинской девчонкой какого-нибудь кавказца с кинжалом или быка со шпалером, а этот малолетний дровича – да тьфу, херня. А Владик Танцоров обмер, узнав самого Сергея Лихолетова – могущественного командира «афганцев». У Лихолетова была хищная рожа, прозрачные глаза и растопорщенные щетинистые усишки.

– Ах ты фраер! – с облегчением сказал Серёга и двинул Владiku в скулу.

Владик отлетел и с дробным грохотом ссыпался в угол.

Серёге стало радостно, что победа далась так легко: беглянка сразу же нашлась на даче, а её похититель – просто утырок членистоногий. Серёга провёл ладонью по лицу, словно стирая выражение озверелости, и посмотрел на куделинскую дочку повнимательнее.

Там, в спортзале, она была серой мышкой, а тут – от испуга, наверное, – словно ожила: лицо как вымыто слезами, глазёнки вытаращены, губы алые и надутые, волосы торчат вздыбленными космами, будто девочка полыхнула в разные стороны. Серёга сам себе удивился – так ему понравилась эта кош-щёнка. А точнее, он сам рядом с ней был богатырь, спаситель и герой.

– Собирайся, красавица, – сказал Серёга. – Тебя все обыскались.

– Кто? – глупо спросила ошалевшая Танюша. Она даже не застеснялась, что сидит перед мужчиной в рваной майке и приспущенных трусах.

– Папандер твой, кто же ещё? – снисходительно сказал Серёга. – Он на улице в автобусе ждёт. Да не бойся, он тебя не обидит, я прикрою.

Андрей Воронцов за рулём «трахомы», наверное, и не понял, как много переживаний укрывалось за внешне бесстрастной поездкой в Ненастье. На обратной дороге Таня молчала, Серёга молчал, и Яр-Саных тоже молчал, ни на кого не глядя. Его злость на то, что беда с Танюшей сломает ему жизнь, сменилась озлоблением против Тани: сколько нервов сожгла ему эта дура!

«Трахома» заехала во двор «Юбиля». Яр-Саных что-то буркнул Серёге в благодарность и повёл дочь в спортзал, толкнул в тренерскую, вошёл сам и запер за собой дверь. Танюша, сжавшись, в тоске смотрела на отца, согласная принять любое наказание. Ей казалось, что в последние дни её жизнь катится через какую-то бесконечную галерею ужасов – вроде той, которую Танюша в детстве посетила в гастролирующем Луна-парке в ЦПКиО города Батуева.

Яр-Саных странно шевелил руками, будто осьминог. Он не знал, как ему наказать дочь. К этому он тоже не был готов. Не пороть же её ремнём или скакалкой – девчонка уже взрослая... Яр-Саных повернул Танюшу спиной к себе, схватил руками за плечи и принялся по-пацански пинать Таню под зад, нелепо задирая колени. Так иной раз наказывали мальчишек на тренировках. Таня выгибалась и дёргалась, но даже не плакала – настолько это было глупо.

Яр-Саных не сумел сохранить тайну и рассказал всё Галине.

Мать била Танюшу уже дома. Таня скорчилась на кухонной табуретке, прикрыв голову ладошками, а толстая мать, держась за угол холодильника, хлестала её полотенцем по темечку и по затылку, больно хватала пальцами за шею и зачем-то нагибалась, будто кошку тыкала в её лужу.

– Ах ты тварюга! – орала мать. – Притащила в дом чёрт знает кого! Блядина! А если он обворовал бы нас, ты соображаешь? Что жрать будешь, мерзавка? А если бы поджёг и всю дачу спалил? Сука! Мокрощёлка! Сыкуха неблагодарная! Сопли не подтёрла, а уже ноги раздвинула! Манда!

И отец, и мать понимали, что их младшая дочь входит в ту пору, когда девочки становятся девушками, вырываются из-под опеки, влюбляются, начинают жить своей жизнью, своими чувствами. И родители бессильны остановить это. Но Яр-Саных и Галина не думали о том, что они стареют: они думали о том, что Таня тоже может привести в семью своего Русланчика. И первый-то зять – ни дать ни взять, а второго приживальщика благополучие Куделиных не выдержит. Короче, Танька не имела права на личную судьбу.

Ирка смотрела на сестру с презрительным сочувствием.

– Это чо, из ваших старших классов Владька Танцоров? – тихо, чтобы родители не слышали, спрашивала она. – Длинный, да? И чо, ты с ним? Ну даёшь, Танюха! У отца полный спортзал «афганцев»: не могла, что ли, парня нормального найти? Такой выбор, а она с каким-то подпиздышем связалась!

Неудачи и промахи Танюши укрепляли Ирку в ощущении собственной женской полноценности. В бабе важна цепкая бабья хватка, а не молодость, не красота. Девочку-красоточку за копейку купишь, а бабу не провести.

Даже Русланчик не остался в стороне. Как-то в кухне, один на один, он, невинно улыбаясь, тихо сказал Танюше:

– Пригласила бы меня пробку выдернуть – никто бы и не шумел.

Танюша испугалась Русланчика больше, чем мать и отца, которые могли побить и наорать. Нажаловаться на Русланчика Танюша уже не посмела: кто ей, проститутке, поверит? Это мать сказала, что теперь она как проститутка.

Танюша понимала, что мать права. Понимала, что сама испортила себе жизнь. Да, Владик ничего у неё не взял, она осталась девственницей, но ведь проститутка – не та, которая потеряла девственность, а та, которая потеряла неприкосновенность. Грубые руки Владика, пинки отца, удары матери, намёк Русланчика – всё это разрушило в Танюше ощущение неприкосновенности.

Она лежала ночью на своём раскладном кресле и думала, что теперь она опозорена и перед всеми виновата, с ней теперь можно делать что угодно. Как ей прожить оставшуюся жизнь? Танюша представляла, что, когда у неё будут дети, она всё равно убежит с ними куда-нибудь вообще далеко-далеко, и там вырастит детей, и они будут её любить и уважать и никогда не узнают про её падение. Только так она снова станет хорошей и любимой.

Через несколько дней после спасения из Ненастья Серёга опять увидел Таню в спортзале. Правда, Яр-Саных теперь не оставлял дочь в тренерской – как будто вся передрыга с побегом случилась из-за того, что Таня находилась в каморке отца без присмотра. Танюша послушно сидела на скамеечке у запертой двери в тренерскую, держала на коленях тетрадь и что-то писала – делала домашнее задание. Раскрытый учебник лежал рядом на скамье.

– Как дела, Ярославна? – весело спросил Серёга.

– Хорошо, – тихо ответила Таня.

Серёга всё понял. Он уже разобрался в характере Яр-Саныха. Он достал из кармана ключ от «мостика» и протянул Танюше:

– Иди в мой кабинет, – сказал он. – Будь там, сколько тебе надо.

Таня робко взяла ключ, прикрепленный к увесистой деревянной груше.

Серёга направился к Куделину, который возился около тренажёра.

– Саных, ты чего, решил замордовать дочь? – негромко спросил он.

Куделин злобно молчал. Его заколотило, потому что опять его гнули об колено, не давали отвести душу, однако спорить с Лихолетовым он боялся.

– Не трясись, – посоветовал Серёга. – Я твою дочь не украду.

Яр-Саных Серёге не поверил, но с того разговора Таня проводила вечера на «мостике». Серёга старался не заглядывать туда, чтобы не смущать девочку. Однако ему всё больше и больше нравилась мысль, что у него на «мостике» сидит Танюша. И девочка эта ему тоже нравилась всё больше.

На «мостике» расстояние, которое отделяло Танюшу от постели Серёги, оказалось слишком близким. Серёга, человек прямой и наглый, быстро устал от ограничений, которыми он сам себя повязал. Серёгу тянуло к этой робкой и незрелой школьнице. Она почему-то волновала Серёгу, словно мальчика.

Тогда, весной 1991 года, «Коминтерн» уверенно набирал силу: объединил бизнесы «афганцев» и навёл свои порядки на городской товарной бирже. Серёга, лидер «Коминтерна», становился в Батуеве авторитетным деятелем. В боевых подругах у Серёги тогда числилась Ленка Лещёва, сестра Митьки Лещёва, «афганца», которого Серёга пристроил в один из кооперативов.

– Серёня, ты чего такой? – обижалась Ленка. – Всё у тебя дела, дела. Мы уже неделю с тобой никуда не ходили – ни в кабак, ни в кино. Так-то, если что, я твоя девушка – напоминаю. Чего я одна-то сижу, как дура?

– Слушай, Лен, некогда, – пояснил Серёга. – Правда: бодаться надо.

– Зажрался ты, я вижу. Я так-то два раза звать не буду, Серик.

– Какой ещё Серик? – рассвирепел Серёга. – Я тебе не тряпичный заяц!

– Офигел, что ли, да? – оскорбилась Ленка. – Давно к Дуньке Кулаковой не посылали? Нормальные-то пацаны так-то себя с девушками не ведут!

– Пошла вон, курица, – холодно ответил Серёга.

Танюша Куделина, конечно, тоже была глупенькая, но не курица. И она смотрела на Серёгу снизу вверх, не пытаясь командовать. Серёга был уверен, что для Танюши он – вообще словно королевич из сказки. А королевич не только спасает царевну от чудища, но потом ещё и женится на ней.

В апреле, вечером, когда за окном уже синело, Серёга со стаканом чая сидел за столом и смотрел, как напротив него Таня с линейкой и циркулем старательно чертит в тетради по геометрии треугольники и окружности.

– Татьяна, оставайся сегодня у меня, – прямо предложил Серёга.

Танюша чертила окружность вторым оборотом, третьим, четвёртым.

– Не слышу ответа.

– Как скажете, Сергей Васильевич.

Танюша давно поняла, что получится именно так. Сергей Васильевич – решительный человек. Он выручил её тогда, в Ненастье, он пустил её здесь к себе в жилище, – значит, думала Танюша, она ему нравится. И он – рано или поздно – протянет к ней руку. А она должна будет на всё согласиться. Это как продолжение наказания за тот побег. Нет, нисколько не обидное. И всё же она об этом не просила и сама всего этого для себя не выбирала.

– Предупрежу твоего отца, – сухо сказал Серёга, встал и вышел.

Эту ночь и Яр-Саныч, и Серёга, и Танюша провели в «Юбиле». Яр-Саныч сидел, запершись, у себя в тренерской, неумело напивался водкой и плакал: почему он – ноль? Ведь он не ворюга, не алкаш, не лентяй, а с ним всё равно никто не считается. А Серёга, лежа на тахте, похозяйски обнимал худенькую Танюшу и пребывал в приятном недоумении: у него ещё никогда не бывало такой чистой и нежной близости с женщиной. Конечно, он оставит эту девочку себе – продолжит благоденствия, от которых ему тоже хорошо.

Танюша, не шевелясь, смотрела, как по тёмному потолку от стены к стене перемещается бледный прямоугольник окна, освещённого фарами проезжающих внизу автомобилей. Для Танюши всё прошло быстро и почти без боли. Танюша вспоминала измученного Владика... Серёга действовал точно, технично и умело, но даже не заметил, что Танюша – девственница.

У неё был очень маленький опыт, однако она уже извела горе, которое приносит близость с мужчиной. А радости не извела никакой, будто радости и не бывает. Так начинался её путь к Вечной Невесте.

Через несколько дней Серёга подарил Яр-Санычу охотничье ружьё «Зауэр». Понятно было, что это как бы плата за Танюшу. Яр-Саныч мог с негодованием отвергнуть подарок, но уж слишком хорошим и дорогим был тяжёлый импортный карабин-бокфлинт, и Яр-Саныч оставил его себе – повесил на стену поверх ковра над диваном в большой комнате.

* * *

В апреле 1992 года Серёгу Лихолетова на лестнице в «Юбиле» подкараулил Володя Канунников – хороший парень, в Джелалабаде он командовал отделением мотострелков. Сейчас Володя учился на третьем курсе в политехе, был женат, имел двоих детей, жил с семьёй в общежитии в комнатёнке три на пять метров и стоял в очереди на квартиру. Володя сказал, что его свекровь работает в горисполкоме, и там она узнала, что Глеб Палыч Лямичев, председатель горисполкома, распорядился готовить документы по двум высоткам на улице Сцепщиков для продажи их банку «Батуев-инвест». В этих зданиях даже лифты включили, чтобы банк был сговорчивей.

Два одиннадцатизэтажных дома «на Сцепе» – так говорили в городе – строились уже пять лет. Три года назад, едва советские войска вышли из Афганистана, Серёга добился от горсовета постановления, что все квартиры в этих высотках отдадут только что учреждённому «Коминтерну». «Афганцы» распределили жильё между собой, и каждый, кому повезло, знал, куда он заедет. Но горсовет в пух и прах рассорился с горисполкомом, и Лямичев отменил постановления депутатов: «афганцы» пока потерпят, они молодые, а город задыхается без денег, вся инфраструктура сыплется.

– Вот ведь, бля, Кидай-город! – разозлился Серёга.

Не поднимая шума, Серёга созвал штаб «Коминтерна»: Игоря Лодягина, секретаря, Саню Завражного, который отвечал за взаимодействие с властями, Колодкина и Капитонова, которые занимались социалкой, Гайдаржи (он координировал бизнесы «афганцев»), Быченко, ещё кое-кого – Лоцманова, Чекона, Билла Нескорова, всего человек пятнадцать. Штаб несколько раз собирался у Серёги на «мостике», пил водку и вырабатывал стратегию.

Решили, что дома «на Сцепе» надо захватить – то есть заселиться внезапно и всем вместе. Неважно, что помещения без отделки, а ордера не выписаны, всё можно довести до ума потом. Главное сейчас – физически не упустить здания, не дать горисполкому или банку «Батуев-инвест» выставить охрану и напихать в квартиры «Коминтерна» других жильцов. Штаб решил держать план захвата в тайне. Но захват следовало подготовить.

Быченко шуганул прорабов стройки «на Сцепе» и подсадил в вахтовку к сторожам своих наблюдателей. Завражный нашёл юристов, сразу пятерых, и Серёга принял их по договору на работу, заставив Семёна Исаича Заубера уступить им свою приёмную с югославским гарнитуром, напольными часами двойного боя и распальцованной монстерой в бочке. Юристы должны были сделать так, чтобы заселение «афганцев» выглядело максимально законно.

В конце апреля Серёга как-то впроброс сказал Герману:

– Слушай, будет время – заскочи ко мне на «мостик», надо перетереть.

Герман зашёл на следующее утро. На «мостике» вкусно пахло кофе – Серёгиным солдатским завтраком. Лихолетов демонстрировал аскетизм, хотя Герман, человек близкий, знал, что джинсы у Серёги штатовские и дорогие, и английские ботинки – тоже дорогие, и немецкий парфюм очень недешёвый.

Серёга сидел во вращающемся кресле перед полированным Т-образным столом и листал цветной «Плейбой». На тахте на боку лицом к стене лежала Танюша. Голову и плечи она закутала одеялом, и Герман видел только её попу и ноги, обтянутые светло-серыми шерстяными колготками в рубчик.

– Я не вовремя? – в двери спросил Герман, глазами указывая на Таню.

– Да заходи, Немец, – Серёга, не вставая, повернулся креслом, потянулся и постучал Танюше по бедру журналом, скрученным в трубку.

Танюша недовольно отлягнулась.

– Она стихи зубрит, в учаге задали, – ухмыльнулся Серёга. – Я приказал ей все домашние задания делать. Не смущайся. Приятно же посмотреть.

Герман присел с торца стола. Ему всё равно было неловко, что Танюша лежит вот так на тахте. Конечно, он знал, что Таня – любовница Серёги, но не мог представить её в постели. Она была какая-то неразбуженная, а потому бесчувственная, как безвкусная талая вода. Герман уже не думал, что Таня – надменная и бесстыжая; она просто ещё не выросла, не перешла из детства в девичество, хотя и спит с мужчиной. Лишь Серёге хватало тепла её отогреть. Впрочем, близость с ней казалась Герману невозможной и неправильной.

Серёга с интересом наблюдал за Немцем, обычно сдержанным. Серёге нравилось, что люди вынуждены принимать его вызывающие отношения с Таней: таким образом они как бы признавали Серёгину исключительность.

Танюша откинула одеяло, села на тахте – и увидела, что в комнате гость. Она бледно покраснела и сразу перетянула одеяло на бёдра.

– Ничего-ничего, – успокоил её Серёга. – Читай вслух, что выучила.

– «На озарённый потолок ложились тени, скрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья», – негромко прочитала Таня.

– Есть контакт, – удовлетворённо сказал Серёга. – Долдонь дальше.

Герман против воли смотрел на Таню. Она была вся какая-то узенькая, как пёрышко, – с тоненькой шейкой, с тоненькой косичкой. В большой Серёгиной рубашке она казалась засу-

нутой в конверт. На тахте страницами вниз лежала раскрытая книга. Возле тахты стоял яркий девчачий пакет с учебниками, тетрадями и контурными картами.

– Ау-у, юноша, ты что-то не по уставу размышлялся, – Серёга вернул Германа к действительности. – Я вообще-то тебя по делу позвал.

– Да слышу, слышу, – виновато проворчал Герман, отводя глаза.

– Хочешь, квартиру дам «на Сцепе»? – запросто спросил Серёга.

Герман даже не удивился. Это же Лихолетов. С ним всё возможно.

Таня, которая совсем было улеглась обратно, замерла, слушая разговор.

Герман и Серёга смотрели друг на друга, Герман – недоверчиво, а Серёга – испытующе. Ему интересно было поиграть с Немцем.

– Квартира, конечно, хорошо, – осторожно ответил Герман, – только я ведь ещё и года у тебя не работаю. Я не заработал квартиру, Серёга.

Глупо было отказываться от жилья, но Герман не хотел ощущать себя прислугой. Ему нравилось командование Серёги, он видел смысл и результат в действиях Лихолетова, но презенты с барского плеча принимают только лакеи. А солдат – не лакей. Серёга понял сомнения Немца.

– Татьяна, брысь под одеяло, – приказал он. – У тебя своё дело.

Танюша сразу легла и закинулась одеялом с головой.

– Квартира – удача, а не подачка, – снисходительно пояснил Серёга. – На неё был записан Витя Шестаков, но в январе он уехал в Кемерово, насовсем. А парни будут не против, если я перепишу хату на тебя, Немец.

Герман уже понял, что Серёга Лихолетов как-то вот не умеет любить людей, не заточен под это, – но ему очень нравится осчастливливать.

– Только поначалу в той хате жить будет хреново.

– Почему?

– Потому что всех нас из домов «на Сцепе» попытаются вышвырнуть менты. Нам надо будет держать наблюдательный пост. И лучшее место для него – у тебя на балконе. Въезд во двор оттуда под контролем, и третий этаж – высоко: не прихлопнут незаметно, караульные успеют поднять тревогу. Но парни будут околачиваться у тебя в квартире день и ночь.

– Долго?

– Не знаю. Пока горисполком не выдаст ордера.

– Нифига себе ты развоевался, Серёга, – уважительно сказал Герман. – За такие фокусы мы всей компанией поедem рукавицы шить.

– А всё по-настоящему, Немец, – самодовольно ответил Лихолетов.

Танюша снова вылезла из-под одеяла. Она разругалась от духоты, и Герман отвернулся, едва взглянув на неё.

– Давай, Татьяна, – благодушно кивнул Серёга. Его наглая физиономия с щёткой усов стала совсем воровской, будто он что-то украл у Танюши.

– «И падали два башмачка со стуком на пол. И воск слезами с ночника на платье капал», – послушно прочитала Таня. – «На свечку дуло из угла, и жар соблазна вздымал, как ангел, два крыла крестообразно».

Герману даже стало не по себе от этих нездешних и неуместных слов. Он увидел у двери под вешалкой Танюшины демисезонные сапожки.

– Я хую, какие они теперь стишки учат, Немец! – При Тане Серёга старался не материться. – А ты понимаешь, Татьяна, про что психотворенье?

– Понимаю, Сергей Васильевич, – тихо ответила Таня.

– Догадливые все стали, – Серёга развалился в своём кресле и выложил на полированный стол ноги в разношенных тапках. – Смотри, Татьяна, вот умник, который боится квартиру получить. Может, тебе эту хатку отдать?

Танюша робко смотрела на Серёгу. У него появилось то преувеличенно-серьёзное выражение лица, с которым он решался на самые рискованные поступки. Танюша знала, насколько в жизни важен вопрос квартиры; её ведь саму родители завели ради жилплощади. Танюша вдруг поверила, что Серёга и вправду подарит ей квартиру. Сергей Васильевич всегда так добр к ней...

– Я старенький, а ты молодая, – рассуждал Серёга. – Я должен тебя как-то обеспечить. Будешь жить в своей хатке и вспоминать дядю Серёжу...

Конечно, Лихолетов кривлялся и балагурил. Хотя вообще-то он вполне был способен подарить Танюше квартиру – но не так и не сейчас.

– Вы же наврали, Сергей Васильевич, – грустно сказала Танюша.

– А чего мы такие печальные сразу сделались? – тотчас спросил Серёга. Он продолжал играть. – Без подарков настроения нет?

Герман понял: Таня спокойно проживёт и без широких лихолетовских благодеяний, но не следует шутить с теми вещами, от которых ей больно. Однако проницательный Серёга почему-то не улавливал таких тонкостей.

Танюша легла на тахту и закинулась одеялом с головой.

– Ну вот, Немец, всегда-то я её обижаю, – озадаченно сказал Лихолетов.

– Ладно, я пойду, Серёга, – Герман решительно встал.

– Ну, двигай. Только про хату, Немец, реальный базар. Нечего думать.

В первый же выходной Герман поехал в квартиру «на Сцепе». Выходной попал на первое мая. День выдался просторный и тихий, словно бы всё лишнее в мире раздвинули или убрали. В гладких лужах от лёгкого ветерка нервно вздрагивали чёткие отражения проводов. В пустых кронах деревьев чуткое боковое зрение улавливало что-то призрачно-зелёное. Тени высоток пересекали проспект Железнодорожников, и трамвай, в котором сидел Герман, то вдруг бодро освещался изнутри, когда катился через солнечную дистанцию, то дремотно угасал. Вагон покачивался. Герман смотрел в окно.

На длинной и неухоженной набережной городского пруда трамвай начал обгонять каких-то людей, идущих то поодиночке, то небольшими толпами. Оказывается, это была первомайская демонстрация. Мимо Германа на фоне водного простора в окне проплывали знамёна, провисающие красные полотнища с лозунгами, портреты Ленина, макеты советских орденов. Сквозь перестук колёс Герман обрывками слышал то нестройное женское пение, то гулкие голоса усилителей, то мощные оркестровки маршей в записи.

Герману как-то странно было смотреть на это шествие. Разбитое войско, которое изображает триумф. Красочная атрибутика была бессмысленна, как помпезные аксельбанты, альбомы и значки дембелей. Болоньевые плащи, потёртые куртки, немодные шляпы, усталые немолодые лица. Демонстранты никого уже не смогли бы напугать, да и вышли они от обиды, от злости, из упрямства, а вовсе не в порыве праздничного воодушевления.

Нелепая первомайская колонна напомнила Герману о матери, хотя мать никогда не обращала внимания на советскую агитацию. Просто под этими транспарантами шагала её эпоха. Мама согласна была хоть на что, лишь бы ей дали отдельное жильё, а он вот уже едет смотреть себе квартиру... Потому что у мамы был СССР, а у него – афганский друг Серёга с его дерзостью и малолетней любовницей. И ему, Немцу, всего-то двадцать шесть лет.

Он вышел на своей остановке, на размашистом перекрёстке рядом с неухоженными громадами новостроек. Солнце светило свежо и ярко, звонко чирикали воробьи. Хотелось чего-то одуряющего – напиться, бросить всё и улететь на море, иметь девчонку прямо на лестнице в подъезде. К домам вела дорога, разъезженная панелевозами; Герман по доске перебрался через лужу.

У отворота во двор стоял вагончик-вахтовка, за решётками его открытых окошек играла музыка и звучал женский смех. На стук Германа выглянул Джон Борисов – парень из отряда

Бычегора. Джон и Чича – Саня Чичеванов – сегодня караулили дома «на Сцепе». Они отпустили сторожей, а сами взяли бухла и позвали девок, всё равно нерабочий день. Джон предложил Немцу присоединиться, а потом, после отказа, пояснил, в каком подъезде находится квартира номер сто сорок семь.

Дорожки во дворе «афганских» домов уже закатали асфальтом, но бурые газоны оставались пока без чернозёма, зато на одном из них торчала рожица тоненьких берёзок, чудом уцелевших при строительстве. Дома были повернуты друг к другу боком и ограничивали квадратный двор с двух сторон. С третьей стороны тянулась бетонная ограда гастронома, а с четвёртой стороны зиял заброшенный котлован со сваями.

В пустом дворе Герман почувствовал себя на дне какой-то гигантской геометрии: плоскости стен, прямые линии углов и дорожек, а в воздухе – ровно очерченные объёмы теней от высоток. Космически идеальное небо и маленький шарик солнца в пересечении невидимых орбитальных парабол.

Он вошёл в нужный подъезд, поднялся на третий этаж и открыл дверь квартиры. Бетонные потолки, мусор на полу, некрашенные оконные рамы... Он озирался, пытаясь представить, как тут всё будет. Это его дом. Возможно, единственный в жизни. Сюда он приведёт свою жену. Будет здесь раздевать её и любить. Сюда будут приходить его друзья. Здесь будут расти его дети. Из этих окон этот вид он будет наблюдать много лет. Этот свой дом он должен будет защищать до последнего дыхания. Возможно, здесь он и умрёт. Герман примерял себя к своему будущему. Его всё устраивало.

* * *

Информационный стенд «Коминтерна» был сколочен из реек, покрытых олифой, и находился в фойе Дворца культуры рядом с витриной, за стеклом которой жухли и коробились ватманы с графиками работы кружков и секций. Эти графики, красиво написанные плакатными перьями, остались от времён СССР. А стенд «Коминтерна» был завешан объявлениями, настулканными пишмашинкой на тетрадных листах. На двух кнопках тут неделю болтался призыв ко всем, кто стоит в очереди на жильё, прийти на собрание в кинозал.

Собрание Серёга назначил на 6 июня 1992 года.

Серёга выбрался на сцену через боковой вход. В зале было темно, а на уходящем к потолку экране мелькали тени: двигались огромные руки и ноги, появлялись лица размером с ворота гаража. Шумно, как два паровоза, в динамиках дышали мужчина и женщина. Ожидая собрания, парни смотрели порнуху. Споткнувшись обо что-то, Серёга чертыхнулся и вышел к рампе, отбросив на экран яркую тень. В сумрачном зале светлело множество лиц.

– Бакалым, вырубай! – крикнул Серёга горящим окошкам кинобудки. Кино в «Юбиле» всегда крутил Лёха Бакалым, киномеханик и телемастер.

Под потолком вспыхнули жёлтые лампы. Большой ступенчатый зал был заполнен на две трети. Парни сидели как попало, даже на спинках кресел, будто на лавочках бульвара: пили пиво, курили, пересмеивались. Перед экраном сцену по краям загромождала какая-то мебель в полиэтиленовых упаковках – шкафы, диваны, поставленные стоймя пружинные матрасы. На одном из диванов поверх упаковки развалились Пашка Зюмбилов и Колян Гудынин. Они решили, что смотреть порнуху со сцены будет прикольнее.

– Семён Исаич, что это за склад? – безадресно обратился Серёга в зал.

Он был уверен, что пронырливый Семён Исаич непременно сидит где-то здесь же, хотя ему тут делать нечего, он же не «афганец»-очередник.

– Некуда ставить было, Сергей Васильевич, – из рядов ответил Заубер. – Это Готыняна партия. Гайдаржи сказал, что вы временно разрешили.

– Я вас застрелю, – устало пообещал Серёга.

– Я совершенно ни при чём. Распоряжение вашего заместителя.

– Бойцы, вопрос такой, – начал Серёга. – Дело серьёзное, и про него в городе никто раньше времени знать не должен. Это в наших интересах.

– Не базар! – крикнули из зала.

– Вы расписаны по квартирам двух домов на Сцепщиков. Дома почти готовы к сдаче, – напомнил Серёга. – Но горисполкому нужны деньги, и он продаёт наши дома банку «Батуев-инвест», а вам, бойцы, ни говна, ни ложки.

Зал взревел от возмущения:

– Да порвать их всех!

– Охерели!

– Меня моя же баба зарежет!

– С-суки! – истерично и по-блатному заорал Гудынин с дивана на сцене.

Серёга покосился на Гудыню, немного подождал и махнул рукой.

– Тихо, бойцы, – продолжил он. – Короче, мы со Штабом уже месяц над этой ситуёвиной работаем. Подготовили бумаги. Осталось главное. Надо всем вместе разом заселиться в дома. Захватить. Это сделаем в воскресенье четырнадцатого. За день мы должны въехать полностью во все квартиры.

– Да я хоть щас! – закричали из зала.

– А кто перевозить будет?

– У меня мебели нихрена нету!..

– Я четырнадцатого не могу!

Гудыня засвистел на весь кинозал. Серёга злобно посмотрел на него.

– Поломаю улыбаторы, парни, – предупредил он Гудыню и Зюмбилова.

Колян Гудынин был дурак, шут по природе. Его ломало и корчило, едва он попадал в центр внимания, – так пьяного подмывает плясать под любую музыку. А быть на виду Гудыне нравилось, поэтому он и сам начинал паясничать и куражиться, чтобы на него смотрели ещё больше.

– Бойцы, бойцы, ахтунг! – призвал Серёга. – Вам надо собраться по взводам и написать заявки на грузовики, чтобы Штаб знал, сколько машин заказывать и куда гнать. Распределение смотрите у Колодкина, у Лебедухина и у Дисы Капитонова. Микрорайон За Баней – к Израиделову. И ещё...

– Маневровая общага чья? – кричали из зала.

– А на Токарях кто?

– А мне грузить некому, Серый! Я-то один, Ленка беременная!

– Бойцы, важно! – надрывался Серёга со сцены, ожидая тишины.

В зале среди рядов поднялся Витька Басунов и рявкнул:

– Тихо всем, командир сказал!

– Важное говорю, парни, – спокойно продолжил Серёга. – «На Сцепе» нас наверняка обложат. Ментов поставят, прикажут освободить площади, может, пришлют ОМОН. Будут прессовать. Газеты заорут, что мы в Афгане фашистами работали, что рынок на Шпальном отжали, как бандосы, теперь «на Сцепе» снова рванули себе лучший кусок. Это будет. Но по-другому нам квартиры не получить. Такая у нас жизнь. Кто солдату блядь припас?

– И чего ты предлагаешь, Серёга? – спросили из зала.

– Мы должны заехать с семьями. Слышите? Если мы будем одни, сами по себе, картинка будет – прикиньте какая. Город нас не поддержит, а власти пошлют ОМОН на штурм. А если мы будем с семьями, то все увидят, что мы нормальные, не звери, не бандюганы отмороженные, что у нас маленькие дети, что мы за закон, а не за беспредел. Я понятно объясняю, бойцы?

Зал притих. Это было для многих важно – числиться среди людей, а не среди беспредельщиков. Общество и так считало «афганцев» психопатами, привыкшими к насилию. На

митингах про «Коминтерн» порой орали: «Они палачи! Руки по локоть в крови! Они в Афгане убивали женщин и детей!» И вот теперь уже свои женщины и дети... Тащить их «на Сцепу» – значит, реально рисковать ими, ставить под удар. Кто знает, вменяема ли власть? А вдруг и вправду ОМОН получит приказ идти на штурм жилых домов?

– Серёга, детьми прикрываешься? – глумливо завопил Гудыня.

Он ничего особенного не имел в виду, даже и не размышлял, просто кривлялся всем на потеху и крикнул первое, что пришло в голову. Он думал, что зал будет ржать над такой шуткой.

А Серёга не искал, чем ответить Гудыне, просто мгновенно ощутил, что сейчас нужен сильный жест. Он шагнул к Гудыне, сцапал его за грудь и дёрнул к себе. Прямо на сцене перед всем кинозалом Серёга двинул Гудыне в челюсть так, что разболтанная Гудынина физиономия прыгнула вверх, а сам Гудыня отлетел, разбросав руки, и упал на обомлевшего Пашу Зюмбилова.

– Потеряйся, утырок! – рявкнул Серёга.

– Падла ты, Серый! – Гудыня взвыл от оскорбления и рванулся к Серёге, но Паша Зюмбилов обхватил его сзади и не отпустил.

В зале среди рядов несмело и неуверенно хохотнули. Серёга понял, что интуиция его не подвела: он поступил правильно. Дурак Гудыня озвучил общие сомнения, и озвучил, конечно, по-дурацки, но Серёга отреагировал, как надо, и переломил ситуацию. Теперь парни поедут «на Сцепу» сразу с семьями. По женщинам и детям в Батуеве пока ещё не стреляют, а этих парней из Афгана без стрельбы уже никому не победить.

Всю неделю Серёга и штаб «Коминтерна» готовились к захвату домов. Уточняли списки и адреса будущих жильцов, планировали маршруты. Надо было забирать парней из общаг и малосемеек, от мамаш и тёщ, из съёмных квартир и углов. Касса «Коминтерна» ушла на оплату грузовиков, автобусов, грузчиков, на ссуды тем, у кого нет ни стула своего, ни матраса. Людей тоже не хватало, и Серёга решил привлечь баб. Одну «трёшку» он распорядился на день уступить под «ясли», чтобы запихать туда всех детишек, а девчонки, которые освободятся, будут командовать работягами, куда им чего тащить.

Немец получил приказ привезти «афганцев» из общаги завода «Затвор».

В воскресенье в девять он подогнал свою «барбухайку» к скверу возле общаги. Его ждала небольшая толпа: девчонки с детьми сидели на скамейках, а рядом стояли коляски и сумки; парни курили. В листве какая-то птичка чирикала так звонко, словно осталась одна на весь город. Володя Канунников открыл узкую дверку «барбухайки». Девчонки забрались в автобус, а парни передали им детей – и свёртки с младенцами, и карапузов в комбинезонах.

– Не, я в курятнике ехать не хочу, – заглянув в «барбухайку», весело сказал Митька Лещёв. – Я пивасика возьму, пацаны, и на трамвае приеду.

– Давай вали! – ответили ему девчонки. – Резвый, пока трезвый. Царь зверей, блин! Мошонка от петушонка! Пока-пока!

– Запокакали тут, – хохотнул Митька и захлопнул дверку «барбухайки».

Герман вёл автобус по летним утренним улицам города Батуева. Герман крутил широкий, словно объятие, руль «барбухайки» и чувствовал себя очень странно, будто вдруг скажочно разбогател. Почему-то он улыбался. Сзади, в салоне, сидели и болтали вредные, острые на язык молоденькие бабёшки, и у кого-то из них уже захныкал ребёнок. Герман заботливо объезжал выбоины в асфальте, чтобы раздолбанную «барбухайку» не трясло. Он чувствовал себя капитаном, который везёт колонистов на пока что пустынный материк.

День ещё не разгорелся, солнце не жарило вкрутую, и влажные краски мира не загустели до обеденной плотности масла. Всё вокруг было чуть-чуть прозрачным, словно бы сохраняло недавнюю просвеченность насквозь. Панельные высотки казались отлитыми из дымчатого стекла. Впитав рассветный туман, неясное небо выглядело нежным, как парное молоко.

Город начинал воскресенье. В больших витринах магазинов продавцы отмыкали замки на решётках и приоткрывали фрамуги. Возле подъездов мужики в майках мыли свои машины, макая тряпки в вёдра с грязной, искрящейся водой. На пустыре грузовик парковал большую двухколёсную бочку с пивзавода. Бронированные ларьки пережили субботнюю ночь, будто выстояли в бою, и теперь ларёчники снимали с окон железные щиты и меняли ценники с ночных высоких цен на дневные, умеренные. Вокруг ресторана-дебаркадера – логова группировки спортсменов – в замусоренном городском пруду плавали бутылки, словно отстрелянные гильзы.

Герман вырулил на улицу Сцепщиков, докатил до нужного перекрёстка и свернул в проезд «афганских» высоток. Просторный двор был освещён так ярко, будто солнце пикировало в него, как бомбардировщик. «Барбухайка» оказалась первой машиной великого переселения, ковчегом.

– Приехали, – оглянувшись, сказал Герман в салон, заглушил двигатель автобуса и выпрыгнул из кабины.

Возле среднего подъезда левой высотки стояли два сторожа, Серёга и парни из Штаба – Диса Капитонов, Завражный, Билл Нескоров, Бычегор и Колодкин. Парни рассматривали какие-то схемы, сверялись друг с другом, курили. Герман подошёл, поздоровался и замолчал, ожидая указаний.

Он издалека смотрел на свою угловатую «барбухайку», отбрасывающую чёткую тень. Девчонки выбирались из автобуса и осторожно опускали на асфальт карапузов, парни вытаскивали коляски и сумки. Возле «барбухайки» образовалась небольшая толпа. И потом она двинулась к Лихолетову.

И Герман на всю жизнь запомнил, как они тогда шли, хотя вроде бы ничего особенного не было. Квадратное пространство двора. Солнце. Острые косые тени. Высокие стены домов. Старый облезлый автобус, просто рыдван. Пассажиры. Не парни и девчонки, а молодые мужчины и женщины: недавние солдаты со своими молоденькими жёнами, а ещё младенцы, коляски, вещи... Первые люди с первого плота на незнакомом берегу. Всё только начинается.

И спеленатые младенцы на руках у мужчин были будто автоматы. И карапузы ковыляли, держась за мам, точно после плавания ещё не научились ступать по твёрдой земле. И беременные женщины шли так уверенно, словно всё в жизни у них уже было решено, – а на самом деле у них были заботы важнее мужской войны. Переваливаясь, как утки, они уже не могли скрыть свою победительную телесность: круглые животы, груди, налитые будущим молоком, одурелую томность лиц и жестов. Солнце, выглядывая из-за угла высотки, проницало подолы, высвечивая фигурные, крепкие женские ноги.

И Герману, и Серёге казалось, что женщины идут к ним, к командирам, но женщины прошли к ним по касательной, мимо – они направлялись к дому, к жилью. А командиры оставались в стороне, как бы в прикрытии. И Герман понял: ему завидно, что среди этих женщин нет его жены с его ребёнком.

Взволнованный, он пошагал к «барбухайке», чтобы запереть двери.

С улицы он заметил, что в автобусе ещё кто-то есть. Герман поднялся в салон и увидел, что здесь Маша Ковылкина, жена Саньки, с которым он делил бокс на станции техобслуживания. Маша сидела на диванчике боком, выставив колени в проход, и кормила грудью младенца. Она была так поглощена кормлением, что не застеснялась Германа, не отвернулась. И в тот момент Герман вдруг остро ощутил свою судьбу: для этой юной женщины он как бы не существует, а значит, ничего такого у него не будет никогда.

А потом за углом начали сигналить, и во двор стали заезжать машины – грузовики с мебелью, фургоны, пассажирские «буханки». Сразу появилось много народу, и все парни были знакомы по «Юбилю». В домах захлопали двери, загудели лифты, в квартирах зазвучали гулкие голоса. Открывались окна, новые жилыцы выходили на лоджии и что-то кричали, где-то

заиграла музыка. Командиры – члены Штаба «Коминтерна» – собирали свои бригады. Серёга сновал туда-сюда с хмурым и озабоченным лицом. Он чувствовал себя полководцем, который руководит штурмом крепости. Он распоряжался:

– Настёна Флёрова, ты где? Выдай новеньким рукавицы. Макурин, твоя квартира в третьем подъезде! Спасёнкина, эй! Лена! Лена! Продукты прими по накладной, обед в два, пиво до обеда не выдавай! Капитонов, рассчитайся с бухгалтером из автоколонны, вон он бумажками трясёт. Димон Патаркин, гони два «зилка» в общагу на Кирова, возьми бригаду грузчиков Бакалыма.

– Сергей, а мне что делать? – Басунов ходил за Серёгой по пятам.

– Отрегулируй движение с улицы, Виктор. Когда одна машина выходит со двора – тогда одна машина заходит. Иначе тут затор будет.

– Отрегулировать движение, – вдумчиво повторил Басунов.

Солнце слепило, начиналась жара. Парни разделись по пояс, понтуюсь мускулатурой, наработанной в качалке «Юбиля», и наколками из Афгана – факелами «ДРА», парашютами, тиграми. Всем было весело, все ржали. В одном из подъездов ушлый Гудыня тайком от командиров в каморке лифта устроил забежаловку, где можно было замахнуть рюмаку или поддать пивца.

Нанятые грузчики снимали мебель с машин и с завистью поглядывали на довольных «афганцев». На их шкафах, кроватях и диванах мелом были написаны номера домов, подъездов, этажей и квартир – так придумал Серёга. Картонные бирки с такими же цифрами были на шпагат примотаны к большим узлам с вещами, к тюкам и коробкам. Мебель и прочее имущество «афганцы» уже сами растаскивали со двора по квартирам хозяев.

Здоровенный Егор Быченко вделся под верёвки, которыми был обвязан трёхстворчатый шкаф, стоящий в кузове грузовика, сдёрнул с бритой головы берет десантника и, растопырив руки, со страшным напряжением поднял шкаф на спине. Полосатая майка Егора едва не лопнула на вздутых мышцах.

– Жми, Егорыч! – издали крикнул Серёга и заржал. – Рекорд в толчке!

– ВДВ! – победно взревел Быченко, стискивая в кулаке берет.

Говорили, что в Афгане Егор Быченко командовал разведвзводом и получил орден Боевого Красного Знамени...

Первую половину дня Герман катался на «барбухайке», но ему хотелось остаться во дворе «на Сцепе», где сейчас все заодно в работе: тут смеются друг над другом, но не ссорятся, тут меряются силой и ловкостью, тут девки смотрят с лоджий, тут общее радостное оживление. Герман попросил Серёгу после обеда заменить его в автобусе другим водителем. Лихолетов заменил.

Обед привезли в бачках из ближайшей столовки. Девчонки во дворе раскладывали макароны с котлетами по плоским алюминиевым тарелкам.

– Подходите за добавкой, подходите за добавкой, – повторяли они.

– Серый, чего такой фигнёй кормишь? – спрашивали парни у Серёги.

– Меню афганское! – не смущаясь, балагурил Лихолетов. Он стоял возле бачка, держал миску в руке и всем на показ орудовал ложкой. – Макароны джихадские, котлета «Клятва Ахмад Шаха», бром и хлорка по вкусу! Всем приятного гепатита!

Парни смеялись, вспоминая жратву в Афгане, и больше не возмущались: домашнее будет дома, а сейчас они солдаты, поэтому лопают что дают.

Герман сидел на скамейке неподалёку от Серёги, и рядом вдруг подседа красивая грудастая девица с весёлыми и развратными глазами.

– Позови Лихолетова, – негромко попросила она. – У меня дело.

– Ладно, – кивнул Герман. – А ты кто?

– Марина, – со значением сказала девица и улыбнулась. – Моторкина.

Герман понял, что это жена Мопеда, Гоши Моторкина, – мутного типа, который вертелся на подхвате у деловых приятелей Гайдаржи. Хотя вообще-то жена Мопеда была беременна, и сегодня утром её увезли в больницу.

– Ты, что ли, уже родила? – нелепо спросил Герман.

Марина засмеялась, мягко толкаясь грудью Герману в предплечье.

– Я сестра Гошки. А жена у него тоже Марина. Позови Лихолетова.

Оказывается, придурок Гудыня в своей лифтьёрской каморке всё-таки нарезался разбодяженным спиртом с Моторкиным, с Лёликом Голендухиным и с Андрюхой Чабановым – такими же болванами, как и сам. Марина пришла пожаловаться на алкашей и попросить, чтобы ей притащили брата домой.

– Вот гады завсегдатые! – в сердцах сказал Серёга. – Сукамулировались всё-таки, мудни!.. Немец, поможешь девушке? Витя Басунов, а ты прикрой лавочку у Гудыни. Можешь табло ему разбить.

– Прикрыть лавочку у Гудыни, – кивнул Басунов.

Пока Марина искала подмогу, Голендухин успел куда-то уползти, а Мопед, Гудыня и Чабанов, пьянущие, валялись в лифтьёрской, словно бомжи в коллекторе на теплотрассе. Герман взгромоздил Мопеда на плечо.

По лестнице в подъезде Марина поднималась впереди Немца, и Немец глядел на её круглую, крупно вылепленную задницу. Марина говорила:

– К паразиту этому я приехала помочь вместо жены. Замок поцеловала, и всё. Новая квартира, скоро ребёнок, а Гошка, урод, квасит. Я сама такого же своего бухарика вышибла и осталась мать-одиночка. Ничего им не надо.

Верно. В общежитии, где жил Герман, многие парни тоже начинали пить и опускались. Особых на то причин у них не имелось: парни просто не хотели выбивать себе место под солнцем. Герману потому и нравилось в «Коминтерне», что «афганцы» не сдавались. Там, в Афгане, все они воевали за свою жизнь: выходили в рейды на бронемашинах, прыгали с вертолётов, карабкались по горным тропам. А здесь, в Батуеве, Серёга заставлял парней снова сражаться за свою судьбу. И они опять воевали. Боролись. Зачистка Шпального рынка была этапом этой борьбы. Драки с бандюками, на которые «афганцы» приезжали, набившись в «барбухайку» с палками и кастетами, тоже были этапом этой борьбы. И захват домов «на Сцепе» – тоже. И всё благодаря Серёге. Ведь он написал тогда Немцу: «Дембеля не бывает».

Герман свалил Моторкина в квартире на пол.

– Спасибо, – улыбнулась Марина, испытующе глядя на Германа. – Если понадобится жена – обращайся.

– Я понял, – ответил Герман и пошёл обратно.

Обед закончился. Работа продолжалась.

В проезде между левой высоткой и бетонным забором гастронома стоял автокран. Он снимал с платформы тягача прямоугольные бетонные блоки и опускал на асфальт – строил ограждение, чтобы никакой транспорт, даже БТР, не смог бы здесь прорваться. Узенький проём между высотками уже перекрыли грудой из колец шипастой ленты «егоза»; такой же вал из колючей проволоки потом положат поверх бетонных блоков. Попасть во двор можно будет только одним способом: по дороге между торцом правой высотки и котлованом. Но этот путь будет охранять круглосуточный пост. «Коминтерн» решил превратить свои дома в укрепрайон.

Серёга ходил по двору, всё видел, был в курсе всех дел.

– Вы нахера на газонах разворачиваетесь? – заорал он на шоферюг, которые курили в ожидании разгрузки. – Устроили нам во дворе свинорой!..

Парни переносили вещи наперегонки, бегали к подъездам напрямик.

– Птуха, с дороги! Подрезаю тебя! На спидометре сотка! Соси трубу! – на скорости вопил Жорка Готынян с длинной плоской упаковкой в руках.

– Жорыч, гамсахурдия ты гадская, разобьёшь мне зеркало – я тебя своими руками убью! – отчаянно ругалась с лоджии хозяйка упаковки.

В открытых окнах «ясельной» квартиры стояли мамашки с детьми на руках, смотрели на суету во дворе, на работу парней, на манёвры грузовиков.

– Миша, Миша, скажи ему! – вдруг закричала одна из мамаш, указывая кому-то во дворе на попятившийся фургон. – Он же нам берёзки задавит!..

Короб фургона и вправду угрожающе приблизился к тонким деревцам. Кто-то из парней подскочил к машине и замолотил кулаком в дверь кабины.

Грузовики постепенно освобождали двор, исчезали груды мебели возле подъездов, прекращалась беготня с тюками, спокойнее гудели лифты. Солнце переместилось по небосводу, и половину двора укрыла вечерняя тень. Возле бетонного забора загорелись костры – там жгли брошенную упаковку, доски и картон. Парни, которые уже отработали, вылезали на козырьки подъездов и рассаживались передохнуть, покурить и выпить пива для разминки.

На газонах и тротуарах новосёлы оставили множество разных столов. Здесь были кухонные столы с ящиками, солидные письменные – с тумбами, широкие и полированные – для гостиных комнат, узкие складные «книжки» и вообще какие-то колченогие уродцы. Так приказал Серёга. После большой общей работы надо устроить во дворе большое общее застолье. От каждой квартиры – по столу, если он есть. Девчонки приготовились к празднику и выходили из подъездов с кастрюлями и разной вместительной посудой.

Разномастные столы застелили клеёнками и газетами и выстроили в два ряда, к ним придвинули стулья или соорудили скамейки. А пировать было, в общем-то, нечем: гречка, рис и рожки, картошка «в мундире», всё те же столовские котлеты «клятва Ахмад Шаха», колбаса, кетчуп, солёная селёдка, пирожки с ливером, рыбные консервы, ликёр «Амаретто» для женщин, много водки для мужчин, и на запивон – растворимые напитки «Юпи».

Лена Спасёнкина притащила огромную лохань с квашеной капустой.

– Угощать не стыдно и выбросить не жалко, – философски изрекла она.

Впрочем, радость заслуженного праздника заменяла угощение.

– Сядем! – наконец скомандовал Серёга. – Бойцы, время приёма пищи!

Они долго, шумно и суетно разбирались по местам. Получилось человек пятьсот. Это без детишек, без мамаш, которые укладывали младенцев, без парней, которые сдуру уже надрались и рухнули. Два дома по одиннадцать этажей, шесть подъездов, почти четыреста квартир.

– Ну, с новосельем вас, бойцы! С новосельем, девчонки! – торжественно объявил Серёга, стоя со стаканом, и вдруг заорал: – Ура, блядь! Ура! Ура-а!..

– Ура-а! Ура-а! – заорали все парни что было сил, и орали до хрипа, до вывиха челюсти, и девчонки засмеялись, а некоторые вдруг заплакали.

И потом началось застолье.

Ели, выпивали, произносили тосты, наливали друг другу, закусывали друг у друга из тарелок, смеялись даже не от шуток, а просто так, потому что хорошо, тихонько гладили чужих жён по задам, улыбались чужим мужьям, хвастались детьми, хвастались будущими заработками, уговаривались на рыбалку, делились рецептами, выбалтывали чужие тайны, жаловались друг на друга, знакомились, рассказывали анекдоты, просили прощения, учили жизни, ввали для красного словца, обещали помочь, мирились, объясняли, как менять масло, как предохраняться, как развести пилу, как лечить зубную боль, как вычёсывать собаку, как выращивать рассаду и по какому телефону звонить, чтобы приехал мастер и починил холодильник.

– За ним как за каменной спиной! – говорила пьяненькая Оля Шахова.

– Смотри, салага, показываю, как пьют водку по-македонски, с двух рук! – роняя стаканы на столе, размахивал длинными лапами Вован Расковалов.

– И он меня спрашивает, зацени: вы такая стройная, на диете сидите? Я, дура, говорю ему, не на диете, а на зарплате...

– Он мне предъявляет: сегодня – сорок, завтра – пятьдесят, послезавтра – шестьдесят. Я ему говорю – ты, сука, чего десятками-то считаешь? Яйцами на рынке, что ли, торгуешь?

– На нём ваше лица нет, расстроился, а я его утешаю в том смысле, что чего ты, это неважно, лучше сорок раз по разу, чем за раз все сорок раз.

– Сколько можно базарить-то как дети? Туда-сюда, природа, я же не мальчик. Мы типа как ищем точки соприкосновения, дак два месяца уже ищем! Нашли уже, поди, я думаю! Пора этими точками соприкасаться!

Стемнело, но никто не расходился. Под бетонным забором догорали костры, и мягкая июньская темнота пахла дымом. На столах блестели стеклянные банки со свечами, и над ними порхали мотыльки. По кронам берёзок сверху вниз пробежал трепет, словно берёзки робко раздевались, как женщины. Луна ярко освещала гладкую белую стену высотки с одинаково-абстрактными чёрными окнами. Над крышами домов в сложных разворотах зависли созвездия, будто какие-то огромные летающие сооружения.

По ходу праздника Германа отгеснили от Серёги. Серёга пил мало, но чокался много, к нему то и дело подходили или подсаживались, товарищески стукали стаканом в стакан, обнимали за плечи. Парням хотелось с ним как-то завязаться, обозначить отношения или напомнить о знакомстве.

Лихолетов был герой: ему всё удалось, он доказал свою силу и правоту, он победил всех врагов и осчастливил всех своих. Он испытывал огромное удовлетворение, ему приятно было представлять себя со стороны. И все ему казались друзьями, отличными мужиками, хотелось сделать ещё что-то очень хорошее – раздать все деньги, жениться, пообещать невозможное.

Слева от Серёги сидела Алевтинка Голендухина – жена Лёлика, который забухал ещё днём у Гудыни, а сейчас уже ничего не соображал. Алевтинка спокойно ждала, когда Лихолетов насытится славой и поведёт её к себе. Она жевала жвачку, и лицо у неё было вызывающе самоуверенное. Она завладела лучшим жеребцом в табуне, и кто ей что скажет? Девки – те завидуют, парни сами её хотят, а муж – алкаш. Серёга, может, и не прихватил бы Алевтинку, но ему был нужен символ победы, а на такое дело Алевтинка – в самый раз.

– Сергей, если надо, я могу проконтролировать Голендухина, – негромко сказал Басунов, который прочно пристроился по правую руку от Серёги.

– Не надо, – поморщился Серёга. Он не любил помощи в личных делах.

– Понял. Не надо.

– Немец, ты куда свинтил? – крикнул Серёга Герману, который сидел уже поодаль. – Иди сюда! Виктор, будь ласков, пусти моего друга.

Басунов молча отодвинулся, и Герман пересел на его место.

– А ты чего один?

– Я не один, – возразил Герман. – Я вон с Лещёвым трепался.

– Да я про девушку, – пояснил Серёга. – Как говорится, через трение – к звёздам! – Серёге хотелось снизойти до Немца, щедро одарить неловкого друга. – Если надо, Алевтина для тебя договорится с подругой. Да ведь, Алевтина? Ты же у нас девушка полноприводная.

– Без проблем, – пожала плечами Алевтинка.

– Не надо, Серёга. Я или найду себе кого, или не найду, но сам.

Герману стало грустно. Ему и вправду некого было позвать, но подумал он почему-то о Танюше. Серёга не взял её сюда. Германа ущемила какая-то обида, что вокруг Серёги не Быченко или Лодягин из Штаба «Коминтерна», а Басунов и Алевтинка. А Серёга ведь хороший, настоящий. Герман помнил понтового прапора в лохматой каске и ледяную гряду Гиндукуша, помнил тот страшный мост и остовы взорванных бронемашин у кишлака Хиндж.

– Немец, у тебя всё нормально? – быстро спросил Серёга.

– Нормально, Серёга, – кивнул Герман. – Сегодня мы опять победили.

Глава третья

Вот уже лет десять – начиная, наверное, года с девяносто восьмого – огородный сезон в дачном кооперативе «Деревня Ненастье» заканчивался тогда, когда из своего имения выезжал Ярослав Александрович Куделин – последний огородник округа. Ненастье оставалось на попечение сторожа Фаныча – алкаша, как и все сторожа Ненастья. Никто не знал, почему он Фаныч: Митрофаныч? Епифаныч?.. Его домик стоял у входа в кооператив, возле больших и ржавых железных ворот. Тут же находились вместительный пожарный бак, большой электрощит на весь посёлок, сарай с общественной техникой (вроде косилки или бензопилы) и собачья будка.

Герман не боялся, что сторож Фаныч заметит его – тайного жильца. Выхолощенный водой Фаныч замечал только то, что нарушало порядок существования посёлка, а Герман этот порядок знал и ничего не нарушал. И собак, старую Найду и молодого Джека, Герман тоже не боялся: они давно были в дружбе. Собакам же никто не объяснил, что Герман – в федеральном розыске, поэтому теперь он враг и чужак, его надо не пускать и облаивать.

Герман приготовился жить на даче так, чтобы снаружи его дом казался необитаемым, законсервированным владельцами на зиму. Навесной замок на входной двери Герман ещё летом заменил врезным. Поленницу выложил нарочито неровно, чтобы вытаскивать поленья из середины. В подполе на полках оставил соленья Куделина, ящик с картошкой, канистры с водой – ведь артезианскую скважину Куделин, уезжая, законопатит, а насос отнесёт на хранение Фанычу. На кухне по шкафчикам Герман рассовал пакеты и банки с гречкой, макаронами и чаем. Обычно хозяева увозили с дач все-все продукты, даже соль высыпали в уборную, чтобы при запасах не поселились бомжи, поэтому свои заготовки Герман сделал втайне от Яр-Саньча.

Он пробрался на огороженную территорию кооператива через дыру в заборе и прошёл к даче с тыла, мимо кустов, вдоль дренажной канавы под железнодорожной насыпью. Домик, обитый облезлым тёсом. Шиферная крыша на два ската с переломом – под мансарду, то есть под второй этаж. Крылечко с козырьком. Пристрой, крытый рубероидом. Дровяник. Колода – рубить дрова, и козлы – пилить. Летняя печь во дворе. Вкопанная бочка. Гора побуревшего опила – остатки после утепления грядок. Рамы парников у задней стены дома. Плотный штакетник. Запертые ворота. Всё знакомо.

Герман осмотрелся. Улица пустая. Все окрестные дома с заколоченными окошками. Никого нет. Сторож Фаныч на другом конце посёлка. Герман поднялся на крыльцо, отпер замок и отворил дверь. Внутри – сумрак. Дом выстудился. Надо привыкать, что теперь тебя нигде никто не ждёт...

Вечером Герман взял в пристрое четырёхколёсную тележку, на которой Яр-Саньч возил опилки, подкормку и удобрения, взял лопату и топор и отправился в лес за деньгами. Он поднялся на железнодорожную насыпь и сверху посмотрел на посёлок: углы и рёбра мокрых крыш, лоскуты огородов, крыжовник и яблони, столбы с перекладинами, заборы. Да уж, Ненастье... То ли здесь погибель души, а то ли белый свет без Ненастья – как храм без креста. Омытые дождём рельсы, блестя, убегали в пасмурный простор.

От Ненастья до ямы, где он спрятал мешки с деньгами, напрямик было километра три. Герман шёл по лесу не спеша, тащил на буксире тележку. Хмурые осинники и ельники, покаты холмы – почти незаметные, словно дыхание спящего. Пышная иконная позолота осени в ноябре уже облупилась и облезла, стёрлась былая лазурь и потемнели белила: из-под ярких красок тихо проступила правдивая и чёрная доска. Герман с шуршанием и хрустом ступал по мягким ворохам древесного опада. В утасающей нежности леса его движение вызывало сырой трепет непрочной светотени и обострение свежих и разных оттенков прели – волглой коры, трухи, раскисающих покровов.

Тихим блаженством было ощущать всё это – усилия крепких ног и плеч, объём груди, прохладу воздуха, тяжесть тележки, ясность своего сознания. Герман вспоминал, как не раз ходил с Танюшей за грибами по здешним рощам и перелескам – тоже осенью, в непогоду. Дождевик, тёплый толстый свитер, прочные непромокаемые ботинки, нож, спички, компас... Бог с ними, с боровиками, – Герман был тут ради Танюши, это ей хотелось в лес.

Она крепко подпоясывала свою красную куртку, повязывала голову платочком (о, этот платочек, как он преображает русских женщин!), надевала детский рюкзачок и брала большую плетёную корзину. Большую – потому что считала себя очень хозяйственной: Таня направлялась в лес за добычей и не собиралась возвращаться пусторукой, будто какая-то разиня. В рюкзаке у неё были бутерброды и термос с чаем. Чай на привалах она пила только из стаканчика, а лишний хлеб ломала на кусочки и сыпала поверху на ствол какой-нибудь трухлявой валёжины – «птички съедят, им сейчас трудно».

Может, это и было его счастьем? Может, не надо было красть деньги, бежать, рвать пути?.. А как же тоска Танюши? Разве он не помнит, как Таня смотрела на кроны деревьев, сквозь которые ползли низкие облака? Герман читал у Танюши в глазах: этот лес останется сам у себя, вечно продолжаясь в себе, возвращаясь к себе, а она исчезнет без следа, как мёртвый камень, канувший в омут, потому что она проклята, лишена бессмертия души...

Герман нашёл свою яму, убрал с неё корягу, раскидал лапник и увидел мешки с деньгами, а сверху вытянулся карабин «сайга». Герман перетаскал мешки в тележку, лопатой сгрёб в яму землю, нарубил ещё лапника, укрыл им и яму, и тележку, пристроил карабин, лопату и топор и двинулся обратно.

Никто его вроде не видел. Пока он возился, на пенёк недалеко вылез встревоженный бурундук – вот и все свидетели. Садовая тележка теперь катилась еле-еле, глубоко вязла тонкими колёсами в рыхлой лесной подстилке. Смеркалось. В лесу не то чтобы темнело, а как-то всё слепо – это на вечернем холоде от земли всплывал тёплый пар неостывшей земли. Водяная пыль опушала деревья. Герман тянул тележку, тяжело дышал и думал, как всё странно: он, бывший солдат, ветеран Афганистана, в пустом осеннем лесу тянет сквозь тесные заросли ольхи и рябины дачную тележку, в которой лежит голимая гора бабла. Как так повернулась жизнь?

Он добрёл до своего домика почти в полной темноте. Заволок мешки в комнату и, не разуваясь, прошёл к комоду – достал сумку с пассатижами, мотком проволоки, изолянтной, ножом и гаечными ключами. Следовало организовать себе электричество – подключиться к общему кабелю, но мимо счётчика, чтобы сторож Фаныч не увидел увеличения расхода энергии в безлюдном посёлке. Герман знал, как это сделать.

На улице, укрываясь за кустом смородины, он присел возле столба поселковой электросети. Он уже заранее подтянул сюда провода: спрятал их под дощатым тротуаром и прикопал в колее. Отвинтив крышку ящика с блокираторами и разводкой, он уверенно подцепил свои провода к кабелю на металлических зажимах-«крокодильчиках», потом поставил крышку обратно, закрутил болты и ногами зашаркал следы. Улица молчала, как мёртвая. В домах не горел ни один огонёк. Моросило. За посёлком по железной дороге прогрехотал пассажирский экспресс; его свет замелькал на скатах крыш и в лужах, вспыхнули ряды штакетов в заборчиках. Казалось, вокруг идёт война.

Герман вернулся к себе, закрыл калитку в заборе, поднялся в дом, запер дверь, разулся, тщательно проверил, как занавешены окна – это была его светомаскировка, и включил маленькую настольную лампу. Стены из бруса. Балки потолка. Лестница на второй этаж. Комод. Тахта. Шкаф. Стол. Печка. Печку надо протопить, а то холодно... Посреди комнаты лежала куча чёрных мокрых мешков, облепленных палыми листьями. Это были его деньги.

Он раскочегарил печку, вскипятил электрочайник, заварил себе в миске китайскую лапшу, соорудил бутерброд с сыром, насыпал растворимый кофе из пакетика в эмалированную

кружку с чёрными выбоинами. Он ужинал и смотрел в огонь. Отблески пламени бежали по мешкам с деньгами, как белки. Ночной осенний дождь стучал по окнам и кровле крылечка.

Наверное, сейчас все друзья и знакомые уже узнали о том, что он сделал. Сидят друг у друга в гостях, обсуждают, выпивают – пятница же. Висят на телефонах. А что делает Танюша? Сегодняшний вечер для неё – один из самых страшных в жизни. Может, позвонить или хотя бы прислать ей СМСку?.. Нельзя. Нельзя. Стоит только хоть раз показать, что Танюша ему небезразлична, и её сразу превратят в приманку для беглого мужа.

Надо подтереть сопли и делать то, что предусмотрено планом. Ничего уже не изменить к лучшему. Лучшее начнётся, когда он реализует свой план. Поэтому незачем изводить себя страданиями. Герман допил кофе, расстелил у печки старое покрывало (на нём Танюша летом загорала на огороде) и достал из комода мощные портновские ножницы размером с грача.

Мешки с деньгами имели стальную окантовку горловин, сложенных на шарнире пополам, как у кошелька, и были заперты на кодовые замки. Герман с натугой разрезал на боку одного мешка плотную ткань – огнеупорную и водонепроницаемую – и решительно вытряхнул на покрывало содержимое. Деньги. Деньги. Купюры в пачках. Обандероленные или просто в резинке.

Герман принялся разбирать добычу. И мелочь, и крупные. И новые, и затасканные. Зелёные десятки, синие полтинники, жёлтые сотки, пятихатки цвета борща, синеватые косари... Памятники, корабли, плотины, театры... А вот упаковка с валютой – президенты, гербы, орлы, дворцы какие-то... Герман начал считать, аккуратно раскладывая купюры по достоинству. Однако на пятой пачке он остановился. Нет, запомнить такое невозможно; суммы и всё прочее надо записывать, иначе спутается.

Он поднялся и полез в комод, отыскал там амбарную книгу, в которой Танюша вела хозяйственные счета. Из своего саквояжа он достал толстую ручку с надписью «Герман» (ручку он прихватил из дома). Танюша любила именные вещи, это ей напоминало, что она – не одна. У них в общаге «Таня» и «Герман» было написано на кружках, на полотенцах, на тапках, даже на банных мочалках... На двадцатой пачке у Германа заболели глаза.

В мешке было – округлённо – семь миллионов восемьсот двадцать тысяч рублей. Он считал почти час. А таких мешков ещё четырнадцать. Хорош уже, надо ложиться спать. Он устал. Темно. Герман по-турецки сидел на холодном полу над ворохом денег. Если его на этой даче не вычислили и не арестовали прямо сегодня, значит, его убежище осталось нераскрытым. Это прекрасно. У него есть фора по времени, он всё успеет. Всё равно ему здесь – по плану – торчать до понедельника. Будет чем заняться в субботу и воскресенье. А сейчас надо отдохнуть. День был очень тяжёлым.

Герман поднялся и снова включил чайник. За окном, в щели между штор, шептала и мерцала дождливая ночь. Конечно, суммы в мешках разные. В этом – почти восемь миллионов. В другом может быть три. А может быть и десять, и двенадцать. Но всё равно в целом больше ста миллионов. Ёшкин кот. Он думал взять в лучшем случае миллионов тридцать. Хорошо или плохо, что такой перебор? Он составлял план в расчёте на тридцать лямов; сгодится ли этот план на куда более крупную добычу?..

Герман приготовил отличное место для мешков с деньгами. Раньше здесь, на даче, в дальнем углу участка был погреб. Довольно глубокий. В том погребе Танюша прятала документы Серёги – его папку-скоросшиватель, которую вынесла из разгромленного «Юбиля». Папка хранилась в старом ученическом портфеле – он стоял на полке над ящиком с картошкой.

Прошедшим летом Герман переоборудовал погреб: сделал новый сруб для шахты-спуска и сколотил для него крепкую крышку; полностью убрал будку, что громоздилась над погребом, а крышку засыпал землей и утрамбовал; вокруг пересадил кусты малины. Погреб превратился в бункер, который не имел никакого выхода на поверхность. Его практически невозможно было определить ни шупом, ни металлоискателем, разве что георадаром. Лишь тот, кто знает сек-

рет, может раскопать здесь грунт и добраться до крышки, под которой – проход в подземную камеру.

Там и будут стоять мешки с деньгами – сколько потребуется. Три месяца, полгода, год. Даже если новый хозяин снесёт дом, то край участка, на котором зарыт погреб, останется невредимым: тут неухоженный малинник, тут начинается зона отчуждения вдоль насыпи железной дороги. Такой тайник лучше ямы в лесу. До него несложно добраться, и его легко можно контролировать прямо из электрички – проехал мимо и посмотрел из окна, всё ли в порядке. Объяснить, как найти нужное место, не составляет труда; не требуется заморочек кладоискателей: «от алтаря старой церкви иди двести шагов на восток, потом сто шагов на север...» Это обстоятельство для него было важно: он не собирался возвращаться за деньгами сам, а думал указать тайник Сашке Флёрову. Или – если будет пропадать – Танюше. Ни Сашка, ни Танюша сами не найдут яму в лесу: один колченогий, другая – беспомощная.

Он достал из шкафа бельё и поднялся на второй этаж, постелил себе и улёгся под окном на самодельной кровати вроде топчана. Он слушал, как пощёлкивает, остывая, печная труба, как дождь гуляет по крыше, как изредка гремят и воют пролетающие мимо поезда. Он всё-таки осмелился на рывок к счастью. Он сделал этот шаг – неправильный, несправедливый, жестокий. Лишь бы Танюша поняла, что нужно именно так, а потом начала ждать его – и он обязательно вернётся, заберёт её из деревни Ненастье в дивную Индию.

Он спал – и словно метался во сне по временам и странам, был сразу везде, видел сразу всё. Ему снилась Индия, сияющее малабарское побережье в Падхбатти, кремевый песок вечернего пляжа у гестхаусов, розовая пена прибоя и тот странный индус в белом балахоне, который вечером приходил к океану с огромным расписным барабаном и медленно, гулко отбивал какой-то неизъяснимый счёт. Ему снился Афган, ночь в ущелье у кишлака Хиндж, ледяные призраки Гиндукуша над рекой, и они с Серёгой ложками хлебают спирт в чёрной тени сгоревшего грузовика, а напротив сидит и смотрит на них заминированный мертвец. А ещё ему снилось, что он дома, в Ненастье, и тут лето, август; он проснулся утром и видит в окно, как Танюша внизу ходит по грядкам и разговаривает со своими растениями: расспрашивает у помидорных кустов, чем они так недовольны и почему не плодоносят, хвалит аккуратную морковку за усердие и ругает буйный горох за хулиганство...

* * *

17 ноября, в понедельник, Герман проснулся уже после полудня. В мансарде, где он ночевал, стояло тонкое жемчужное свечение – это снаружи выпал снег. Герман отодвинул шторку и долго смотрел на огороды, словно бы застеленные чистыми простынями, на свежепобеленные крыши сараев, на благородно осеребрённый малинник. По насыпи железной дороги промчался эшелон, за ним в дренажной канаве стремительно летели струи позёмки.

Согласно плану, сегодня Герман должен был покинуть Ненастье. По новому паспорту он уже купил билет на скорый поезд Казань – Тюмень; он сядет в вагон на станции Батуев-Сортировочная. Завтра вечером он выйдет в Челябинске и по другому паспорту поедет на поезде Челябинск – Самара. В Самаре – мама, он её не видел уже двенадцать лет. Конечно, опера сейчас наверняка наведались и к ней, но вряд ли к ней приставлен наряд, так что он найдёт возможность встретиться с мамой и не попасть в ловушку.

Деньги он посчитал до конца и аккуратно расфасовал по мешкам, замотав разрезы скотчем. Сто сорок три миллиона семьсот тысяч. Джекпот. Герман взял с собой столько денег, сколько и запланировал, а мешки стаскал в погреб и составил на поддоны; доски поддона он застелил рубероидом, а мешки закутал полиэтиленом. Там же, в погребе, на крышку картофельного ларя он положил завернутый в брезент карабин «сайга» с четырьмя рожками патро-

нов. Потом плотно подогнал крышку погребца, засыпал лаз землёй, утоптал и подмёл метлой. А под утро всё ровным слоем покрасил снег.

Герман готовил себе завтрак на электроплитке и думал о предстоящем дне. Главную суматоху он пересидел. Его грабёж был информационной бомбой в пятницу и в субботу, а сегодня стал уже поднадоевшим приколом. Герман слушал новости по *FM*-станциям: ни одна программа не назвала сумму похищенного – видимо, чтобы не провоцировать народ на поиски счастливчика. Ведущие зачитывали комментарии с сайтов своих студий, и почти все комментаторы уверенно заявляли, что Неволина в области давно нет, он в Москве или даже на Майами, и менты не поймают его никогда.

Сюжеты о его подвиге уходили из топов: значит, на пике публичного интереса к событию (когда везде говорят об этом) случайные прохожие не опознают в нём злодея. А внешность у него заурядная, и он затеряется.

Герман выпил кофе и принялся прибираться: никто не должен заметить, что домик был обитаем. Итак, сейчас у него три новых паспорта. Полгода или год он поживёт по разным городам России, пока на Таню оформляют недвижимость в Индии, а потом вернётся, придумав, как решить проблему оставшихся денег, заберёт Танюшу и её отца и уедет из России навсегда.

Он вышел на крыльцо домика в зимнем пальто и с кожаным саквояжем в руке, запер дверь и оглянулся вокруг. Светило тусклое солнце, сверкал снег, воздух чуть вздрагивал. Прощай, Ненастье. Будет ли он в Индии тосковать по этой застенчивой погоде, по этой грустной прохладе? Может, и нет.

Он шагнул в сторону станции. Машины, что проносились мимо, обдавали его ледяной пылью. Сизая асфальтовая дорога, млечное пространство. Он сделал всё, что мог. Он воевал, потом боролся, потом работал. А счастья не получилось. Смириться? А как же его Пуговка? И вот он украл и бежит.

Он ощущал себя основательно подготовленным к поединку с судьбой, будто одетым в прочный бронежилет: по внутренним карманам он тщательно рассовал пачки денег – двадцать два миллиона самыми крупными купюрами. Шестнадцать лимонов он отдаст Флёрову; семьсот тысяч – Яр-Санычу; на пять миллионов триста тысяч будет жить до эвакуации из России.

На привокальной площади Ненастья он мельком глянул на автостоянку. Его «девятка», заросшая ином, находилась всё там же. Эх вы, сыскари. Он купил билет; к перрону подкатила электричка. Из тёплого вагона он ещё раз увидел деревню Ненастье, её улочки, домики, огороды, неурожайные яблони. Вот и его бывший дом. Вот крохотный прогал в малине – там закопан клад...

Герман вышел в тамбур и достал телефон. Он купил пяток краденых трубок, чтобы звонить по мере надобности (краденые телефоны продавали какие-то поганцы на районном рынке). Левые сим-карты он тоже купил с рук у каких-то мошенников прямо возле дверей фирменного салона сотовой связи. Герман включил телефон, вставил симку и набрал номер Флёрова.

– Саня, это я, – сказал он. – Всё, как договорились. Конец связи.

Саню Флёрова Герман встретил в апреле, до этого они не виделись лет восемь. Огромный Саня со своим протезом и костылём громоздился у входа в административную часть Шпального рынка, растопыренный, словно гигантский паук. Он яростно курил и плевал мимо урны.

– Здорово! – обрадовался тогда Герман. – Как дела?

– Да никак дела! – зарычал Саня. – Пушай этот ваш Щебет лезет корове в трещину! Вспух, как чирей, капиталист сучий! Не он тут всё начинал!..

Саня ходил в «Коминтерн» просить кредит на развитие своего бизнеса – маленького мебельного предприятия. Щебетовский ему отказал.

– При Лихолете и Бычегоре «Коминтерн» был, бля, какой надо! Свои парни решения принимали! – гремел Саня. – А здесь три зассыхи-умнявки зырят через очочки!.. – Саня запи-

щал, изображая сотрудницу «Коминтерна»: – «Нашу блядскую комиссию ваш бизнес-план не убедил! Наша блядская комиссия боится, что ваш кредит не будет погашен!» Да я Щебета сейчас самого погашу! Я чо, работать не умею, Немец?

– Умеешь, – кивнул Герман.

Саня всегда доказывал, что он и без ноги всем равен по возможностям.

– Знаешь, почему они мне отказали? Потому что по инвалидской пенсии не выплатить ихний процент. Они считают, что я нихера не заработаю и начну отдавать из пособия! Я этой соске ору: «Ты чо, болонка, мне же ногу оторвало, а не бошку!» Дайте подняться, суки!

Саня был женат; его Настёна была такой же деятельной и скандальной, как и Саня, – короче, два сапога пара. У них был сын. Пока «Коминтерн» был настоящей живой организацией, Саня волочил на себе трудоустройство инвалидов Афгана: пропихивал кого-то в какие-то фирмы, помогал с арендой и кредитами. Это у него было такое странное умопомешательство – упрямо помогать, выручать кого попало, вытаскивать из последних сил.

– Я же, Серый, ёбнутый, – честно говорил тогда Саня Лихолетову. – Меня же как на Хазаре ёбнуло, так я до сих пор всех вытаскиваю.

В 1984 году батальон, где был Саня, попал в засаду в ущелье речки Хазар – на ответвлении могучего Панджшерского ущелья. С господствующих высот басмачи из китайских крупнокалиберных пулемётов «тип 77» шинковали спешенных мотострелков – как тятками в корыте. Саня оттащил за камень кого-то из раненых бойцов, потом полез за другим – тут его и достали. Через годы, уже в Батуеве, у Немца в «блиндаже», Саня рассказывал, что видел, как после удара пули улетала, вращаясь, его нога.

– Я, конечно, не сдохну, Немец, но этого... – Флёров кивнул кудлатой башкой на комплекс Шпального рынка, – этого не понимаю. Для кого оно?

Злобно тыкая костылём в тротуар, Саня поскакал к остановке автобуса.

Герману эта встреча запала в память – и вскоре аукнулось.

Обдумывая ограбление, Герман осознал, что грохнуть броневик – ещё половина дела. Надо потом как-то легализовать чёрный нал, ведь нельзя везде ходить с украденными мешками, набитыми разномастными купюрами. А Герман хотел выехать за рубеж, и выехать легально, с капиталом.

У него будут новые банковские карты. Потребуется положить на них похищенные деньги. Однако он же не сможет прийти в ближайший Сбербанк со своими мешками и попросить разбросать бабки по счетам. Это должны сделать некие левые люди. В течение двух-трёх месяцев, не вызывая никаких подозрений, они перельют его бабло мелкими траншами на разные карты. Но где найти подходящих людей – реальных, однако неприметных участников рынка? Таких, которые не присвоят его деньги и не сдадут его властям.

Вот тогда Герман и подумал о Флёрове с его инвалидами. Герман позвонил Флёрову и договорился приехать в гости – обсудить идею.

Флёров с женой Настёной и сыном жил по-прежнему «на Сцепе», в той маленькой «двушке», которую выписал ему Лихолетов. Герман давно уже не бывал в «афганских» домах. Теперь главный заезд во двор вёл с улицы от супермаркета: во времена «афганского сидения» этот путь перегораживали бетонные блоки с кольцами колючки. Герман запарковал свой служебный автобус возле мусорки, вышел на солнце, и просто остановился, чтобы почувствовать это пространство, такую знакомую ему геометрию... Ух ты, берёзки на газоне выросли и раскидались – получилась целая роща...

Флёров жил в одном подъезде с Лихолетовым. Герман поднимался по лестнице и вспоминал, как он принёс Серёге его папку-скоросшиватель, а Серёга, погибая от одиночества, гужевался с двумя шлюшками...

Дверь открыла Настёна. Она была красивой девчонкой, да и теперь была красивой женщиной, но какой-то измызганной жизнью, издёрганной.

– Здравствуй, Настя. Рад увидеть тебя.

Во времена «афганского сидения» квартиру Германа переоборудовали в наблюдательный пост, в рубеж обороны. Парни прозвали хату «блиндаж». Здесь вместе с караульными околачивались разные бездельники – бухали и оттягивались как могли. Заруливал и Саня Флёров. Герман запомнил его пьяную историю, как Настёна написала ему в Афган, что полюбила другого и ждать не будет: прости-прощай. Рыча и ворочая широченными плечищами, Саня показывал, как он схватил фотку Настёны, поставил на валун и в ярости расстрелял её из ручного пулемёта. Всё было кр-руто и з-зверско.

Флёров оказался дома не один, хотя Герман условился, что разговор будет без свидетелей. В небольшой гостиной Флёровых в кресле-каталке сидел Демьян Гуртьев. Он жил на одной площадке с Саней и, конечно, был первым другом. На кухню каталка не влезала, поэтому Саня с Демьяном выпивали в гостиной (Настёна понимала и терпела). Третьим в их компании был Лёха Бакалым, вечный киномеханик и телемастер «Коминтерна».

– У меня от друзей секретов нет, Немец, – с осуждением сказал Саня. – Хочешь перетереть – давай при них. Мы хоть инвалиды, но не дураки.

– А Бакалым-то с чего инвалид? – усаживаясь, спросил Герман.

– Нормально живу, Немец, – улыбнулся Лёха.

– Года три назад его какие-то суки отмудохали, битой по балде дали. Он оглох. Я ему «афганскую» инвалидность оформлял. Это же геморрой.

– Он ведь не в Афгане ранен, – осторожно заметил Герман.

– Ну и что? – агрессивно спросил Саня. – Он всё равно «афганец»!

– Да я освоился, Немец, немножко-то слышу, – невпопад сказал Лёха.

– Тебя щемит, что ли, Немец, если Бакалым военную пенсию выпишут? – вскинулся Гуртьев. – Ожлобели, бля, с руками-то, с ногами!

Демьян был настоящей «голубой молнией» – служил в дивизии ВДВ, на базе в Лашкаргахе. Весной 1982-го его батальон загрузили на вертолёты с покрашенными звёздами и номерами, и утробистые «папуасы» (так называли модификацию Ми-8 ППА) понесли десант на душманский укрепрайон Рабати-джали. Командиры поставили задачу: сжечь тюки с опиумом и захватить ящики с турецкими ПЗРК «Стрела». Но повоевать в тот раз Демьян не успел: угодил под гранату. Ему перебило позвоночник.

– Демьян, не бурей, – сказал Герман. – Я вообще у вас по делу.

– Ну, валяй.

В комнату вошла Настёна; на журнальный столик рядом с водкой и рюмками она молча поставила тарелки с нарезанной колбасой и огурцами.

– Саня сказал, что вы хотите купить фирму по перетяжке мебели, да? Вам нужен кредит, а Щебетовский не даёт. У меня предложение, парни.

И Герман объяснил. У него появится большой объём криминальной налички. Он занесёт бабло Флёрову. Флёров и парни от себя самих переведут эту наличку рублями или валютой на счета банковских карт, которые укажет Немец. Двадцать пять процентов возьмут себе. Вот и всё.

– Какая сумма? – спросил Демьян и налил себе в рюмку водки.

Он начал ещё задолго до прихода Германа и был уже изрядно косой.

– Скажем, шестнадцать лимонов. То есть четыре станут ваши.

– А если спалят, мы пойдём соучастниками?

– Конечно, Демьяныч.

– Ловко ты своих братьянов под ментуру заводишь!

Герман молчал, разглядывая Демьяна. Он вспомнил, как в «блиндаже» Демьян рассказывал, что у него в Афгане был друг. С этим другом Демьян встречал Новый год: составлял из автоматов типа как ёлку, а вместо игрушек подвешивал консервные банки. Потом друг

подорвался на mine, и Демьян принёс его в полиэтиленовом мешке – руки, ноги, голову, всё отдельно.

– Знаешь, я почему-то не верю в такие истории, – негромко сказал тогда Герману Володя Канунников. – Конечно, у кого-то оно и вправду было, но каждый второй рассказывает, как собирал друга по кускам в ведро. Или как в рейде товарищи падали в пропасть без крика. Или как в кишлаке гранатой размазал в доме по стенам семью афганцев... Это общий ужас, а не личный.

От инвалидов даже сами «афганцы» старались держаться поодаль. Было то ли слишком стыдно, что уцелели, то ли слишком понятно, что сами такие же. Увечья лишь физически обозначили Афган, который в каждом жил и без внешних признаков. Увечья, как Афган, были неизбывны и безысходны.

– Я предложил – вы ответили, – спокойно сказал Герман. – Тогда пока.

– Не залупайся, – одёрнул Флёров, будто это Герман полез в бутылку.

– Только надо заказов побольше, – соглашаясь, кивнул Бакалым.

– Чё бабло-то сшибаешь, Немец? – напрямик спросил Гуртьев, снова наливая водки себе и Бакалыму. – Обраточка не прилетит?

– Вам этого знать не надо, парни.

– Щебетовского хочешь переобуть? – Флёров ухмыльнулся. – Чего тут непонятного, Немец? Да ради бога. Против этой падлы тебе любой поможет. Он за-ради Шпального рынка весь «Коминтерн» угробил.

– Да там у них все такие, не только Щебет, – Гуртьев закурил. – Пидоры. Кто чуть приподнимется, так сразу ссучивается. Лихолет, Бычегор – это были мужики, а начиная с Гайдаржи попёрло говно. Нас первыми слили. Сунули доплату, как блядам по конфете, и всё, больше не нужны. У каждого рыла своя фирма, у каждого свой интерес, нахера им братаны? Откупились – и отвалите, калеки. Сидят все такие в костюмах. Ни дела для нас, нихера!

Герману показалось, что в тесной комнате, загромождённой коляской Гуртьева и костылями Флёрова, он как в загоне, и на него лают цепные псы.

– Мы были нужны, пока в «Коминтерне» были общие дела, – вдруг сказал Саня Флёров с пронзительной ясностью. – Хоть война, да общая.

И Герман понял, что инвалиды всё-таки возьмутся за его заказ, помогут. Просто потому, что он ведь тоже травмированный, а травма его – Танюша. Так что этим парням он как родня – то ли по Афгану, то ли по травме.

Так оно всё и сложилось. Герман поддерживал связь с Флёровым по телефону – выяснял, как у парней идут дела. Парни сидели в долгах и ждали, когда Немец решится на то, что задумал. Вот и дождались.

Встречу с Саней Герман назначил на половину пятого у главного входа в поликлинику. Уже, считай, сумерки; суматоха в конце рабочей смены. Да в больнице всегда суeta, множество самых разных людей, и все заняты своими заботами, своими хворями, – тут не до посторонних. С саквояжем в руке Герман шагал по заиндевелым дорожкам в парке медгородка и вспоминал, что где-то здесь при Быченко кто-то заложил в больницу мину... И сюда же он приехал на «барбухайке» за Танюшей в тот страшный для неё день...

Саня Флёров в бушлате торчал на костылях в условленном месте.

– Немец, здорово! – зарычал он и едва не упал, сронив с головы шапку.

Герман подхватил его под руку, установил вертикально, поднял шапку.

– Видел тебя по телику! – хрипел Саня. – Ну, ты ваще стальной тампакс! Это же надо, как ломанул кассу! Уважаю, бр-ратуха! Щ-щесно, не ожидал!

Герман внимательно посмотрел Сане в лицо.

– Флёров, ты чего, бухой? – тревожно спросил он.

– Идём тоже замахнём! – Саня попытался обнять Германа. – Тут рядом!

– Да как же так можно-то? – разозлился Герман. – Что за хрень, Саня?

– Не ссы! – Флёров снова поскользнулся, хотя не сделал ни шага. – Я всё х-хонролирую! Я тебя не подвёл! Пис-сец, какой расклад, Немец!

– Понятно, уговору отбой, – отрезал Герман. – Пока, Саня.

Он повернулся и пошёл прочь. В душе была ошеломляющая пустота.

– Стой, Немец! – заорал сзади Саня. – Ты чо?! Всё нормал-левич!..

Герман услышал бряканье и шлепок. Саня всё же упал.

– Я же за тебя выпил! – крикнул Саня. – Мне бы ногу, я б с тобой!..

Герман знал всю хитрость пьяных мужиков, которые вроде ничего не соображают, но уговорят, подмаслят, уломают, разжалобят... Однако дело не в жалости. Мало ли чего Саня поведает о причинах своего пьянства врачам или ментам, которые его примут? Расскажет, что обмывал удачу друга – и менты узнают, что Неволин до сих пор в Батуеве. Проклиная себя, Герман вернулся к Сане, который валялся на заснеженном асфальте и шевелился с костылём, будто переломанный журавль. Герман взгромоздил Флёрова на ноги и поволок к воротам больницы городка. На них оглядывались.

Герман донёс Саню до выхода с территории медсанчасти. Здесь всегда дежурили такси. Герман сунулся к ближайшему.

– До «афганских» домов «на Сцепе» подкинешь, командир?

Он запихал Флёрова на заднее сиденье, подоткнул край его бушлата.

– Не-е, если ты сам не поедешь – то выгружай! – сердито заявил таксист. – Он мне чехлы заблюёт! И кто его от машины домой потащит?

«Не всё ли равно мне, почему бы и нет?» – подумал Герман. У него было лишнее время до восьми часов вечера.

Он сел на переднее сиденье, поставил саквояж на колени, пристегнулся.

Просто охренеть. На нём – двадцать два миллиона рублей. Он объявлен в федеральный розыск. А он тут посреди города у всех на глазах кантует пьяного приятеля. Но ведь не бросишь же Саню – невменяемого, безногого...

Пока тачка ехала через пробки, слава богу, стемнело.

Таксист свернул во двор «на Сцепе» и притормозил у нужного подъезда. Герман выбрался из машины, поневоле вжимая голову в плечи. Здесь чуть ли не каждый житель знает его в лицо... Но зима, вечер – авось никто его не разглядит... Герман расплатился, достал бессмысленно хрипящего Саню из такси и поволок к подъезду. Флёров еле переставлял ноги, ныряя на ходу, стучал костылём по скамейкам, по ступенькам, по железным прутьям перил.

Настёна открыла дверь и посторонилась, пропуская гостя в квартиру. Герман занёс Саню и уложил на пол в комнате. Саня что-то бормотал.

– Вот так вот получилось, – сказал Герман, поглядев на Настёну.

– Прости, – негромко сказала Настёна. – Он вообще-то не запойный.

– Тебе видней.

– Я в курсе всего, Неволин. Смотрела новости. Хочешь пожрать?

– Да какой тут ужин, Настёна? – вздохнул Герман. – А сын у вас где?

– Гуляет с подругой, придёт уже ночью. Неволин, а что... – Настя отвела взгляд, – с твоими деньгами у нас теперь уже всё, да? Ничего не будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.